

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

КОНАН

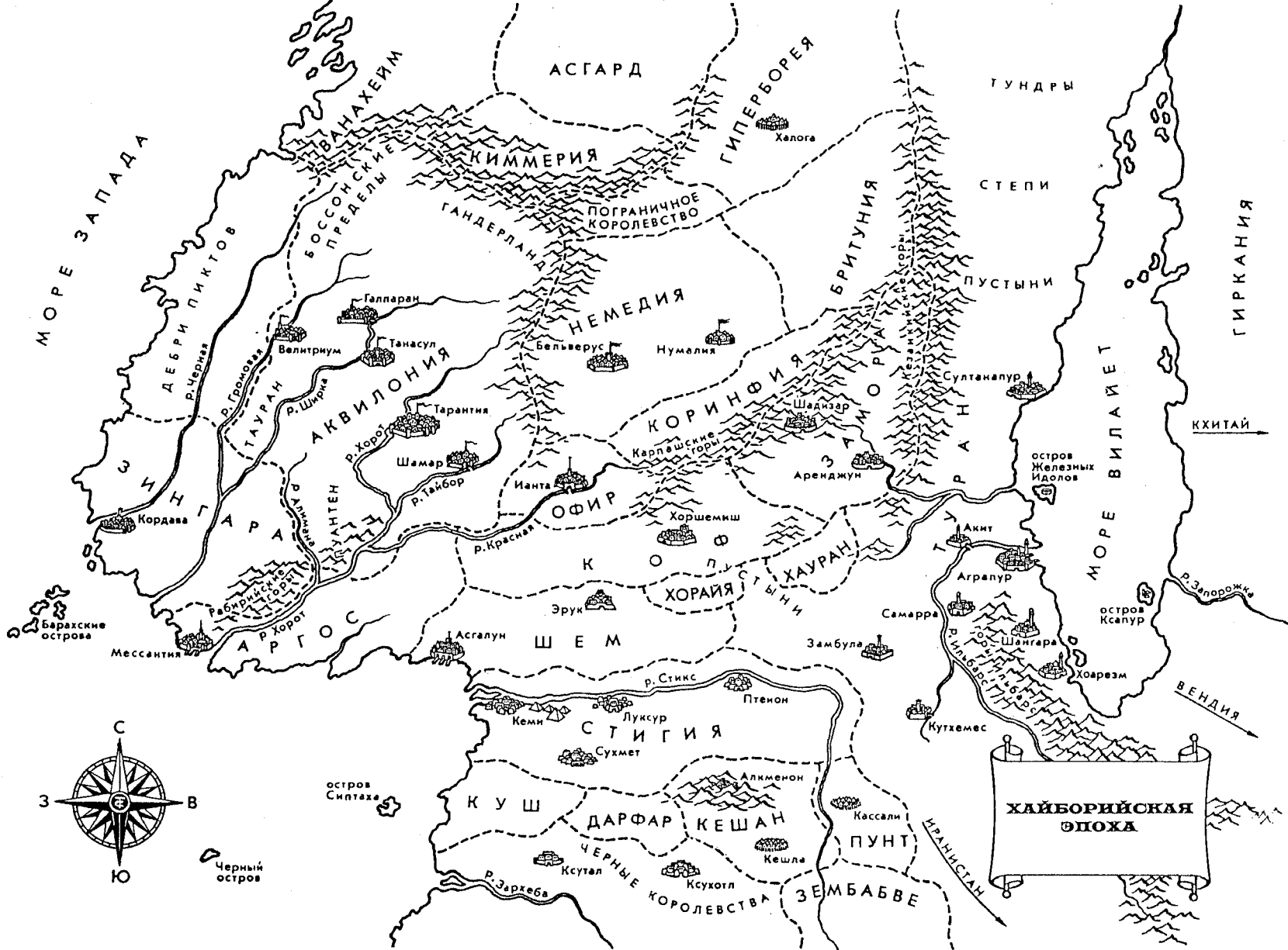
ИЗМЕННИК

ЛЕОНАРД
КАРПЕНТЕР

"Добротный
роман о Конане,
полный магии и
приключений"

Л. Спрэг де Камп

АЗБУКА
fantasy

ВСТАНЬ РЯДОМ С НИМ!

ЛЕОНАРД КАРПЕНТЕР

КОНАН

ИЗМЕННИК

Издательство "Азбука"
Издательский центр "Терра"
Санкт-Петербург
1995

ББК 84.7 США
К26

Leonard Carpenter. Conan the renegade.

Copyright © 1986 by Conan Properties, Inc.

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

© 1995 «Терра» — «Азбука», русское издание.

ISBN 5-300-00038-8

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСПЫТАНИЕ МЕЧОМ

— Стой! Кто идет? — донесся суровый голос стражника до слуха всадника. Черный боевой жеребец замедлил шаг. Всадник свесился с седла и поглядел в лицо спрашивающего.

— Я Конан из Киммерии, наемник. — Говоривший был крупный мужчина в полном расцвете сил и молодости, с гривой прямо подстриженных черных как вороново крыло волос. Его руки и лицо были покрыты темным загаром, словно он только что спустился с гор, где его опалило безжалостное солнце.

И коня он подобрал себе под стать, чтобы мог выдержать вес его вооружения. Этот наемник был рослый человек, почти великан, широкий в кости. Кольчуга грозила треснуть под напором вздувающихся мышц. К седлу были приторочены меч, секира, щит, шлем и копье. Свернутые меховые плащи, переброшенные через ремни седельных сумок. Он говорил на кофийском с варварским акцентом.

— Где стоянка Гундольфа?

Часовой, коринфиец с раздвоенной бородой, смерил Конана взглядом с ног до головы, не

спеша с ответом. Подложив под голову седло и навалив побольше барахла, он устроил себе удобное ложе на обочине дороги, утопающей в грязи. Хотя выглядел он ленивым и совершенно незнакомым с военной выправкой, рука его привычным жестом касалась изогнутого лука. Сбоку щетинился оперением стрел полный колчан.

— Если ты человек Гундольфа, то где твои знаки различия, а?

— Я не из его отряда. — Лошадь Конана нетерпеливо заржала. — Пока что.

— Ясно. — Часовой глядел на него лениво. — Еще один голодный стервятник закружился над бойней. — Он пожал плечами. — Ладно, проезжай. Гундольф стоит прямо там, на пятой террасе, если взять влево. — Он махнул рукой, не потрудившись оторвать задницу от своего ложа. — Но если хочешь чего-нибудь поинтереснее, дуй лучше к шатру Браго. Это прямо там, перед тобой. Его ребятам в бою всегда удается взять побольше, чем другим.

Киммериец равнодушно кивнул и повернул коня.

— Я знаю Гундольфа еще по старым временам.

При этом он прищпорил коня и затрусил по дороге наверх.

Лагерь вольных наемников был разбит среди спускающихся террасами виноградников под

стенами Тантизиума, провинциального города в Западном Кофе. Конан, который явился сюда напрямик из пустыни, был поражен величиной лагеря, раскинувшегося перед ним на скалистом склоне. Здесь было множество палаток. От десятков костров серый дым поднимался в туманное голубое кофийское небо, которое у горизонта казалось совсем белым. За горизонт уходила каменистая равнина, покрытая холмами, на склонах которых видны были пастбища и поля.

Лагерь был организован более чем небрежно. Он лежал в узкой расщелине между двумя холмами, на которых разбиты были виноградники. Конан видел, что оборонительные валы лагеря никуда не годятся. Они были наскоро слеplены из куч всевозможного мусора и камней, к тому же невысоких.

Да и сам город... Природа и та больше позаботилась о его защите, чем обитавшие в нем бездельники. Из лагеря видно было, как поднимаются белые стены Тантизиума, за которыми мелькали крыши домов. Даже с этого расстояния понятно было, что стены эти сложены кое-как. Они не отличались ни особой высотой, ни отвесностью. Сверху, на стенах, был предусмотрен только очень узкий проход для стражников — словом, не развернешься. Единственной более-менее сносной твердыней из обозреваемых отсюда был добротнo

построенный крепостной вал из серого камня, который соединялся с городской стеной в самом отвесном месте склона холма. Он был выше, чем все остальные стены, и сверху утыкан зубцами — это сразу бросалось в глаза. Видимо, это была либо старинная цитадель, либо часть древнего дворцового комплекса.

Конан продолжал делать свои тактические наблюдения, пока его конь карабкался по ухабистой дороге наверх. Он миновал аляповато разукрашенную бахромой палатку, над которой развевалось знамя с драконами, — видимо, это и был шатер Браго. По обе стороны дороги палаток становилось теперь все больше. Среди палаток видел он и открытые пространства для лошадей. В целом же, почти все было занято шатрами и палатками, густо утыканными тут и там. Большинство обитателей лагеря явно стремились разбить свои шатры поближе к дороге.

Видно было, что наемники чувствовали себя здесь, в лагере, привольно и вольготно. Для них это был дом родной. Единственным порядком здесь был полнейший разброд и беспорядок. Повсюду властвовало местное вино. Оно путешествовало из рук в руки в глиняных кувшинах, бочках, мехах. Из палаток доносились проклятья, божба, стук костей в деревянных стаканчиках, брань и хриплый хохот женщин, сопровождающих доблестное воинство. Люди, обла-

ченные в самые разнообразные по покрою одежды, а то и вовсе не одетые, беседовали между собой, спорили, боролись среди скал и выгоревшей от солнца тощей травы.

Конану пришлось весьма осторожно объехать двух дочерней загорелых гундеров, одетых только в юбки и сандалии, которые ловко валтузили друг друга дубинами, обмотанными мехом. Они делали выпады, уклонялись и совершенно не обращали внимания на зевак, которые толпились вокруг во множестве и отпускали разнообразные замечания. Несколько поодаль компания молодых парней из Шема в овчинах метали дротики в соломенное чучело, водруженное прямо посреди дороги. С ворчанием они уступили Конану дорогу, чтобы он мог проехать, и тотчас же возобновили свое занятие, стоило ему миновать их.

Те, кто не хотел бороться, просто сидели перед своими палатками, болтали, надраивали доспехи или вострили мечи. Когда Конан проехал мимо, вслед ему понеслось несколько довольно хамских замечаний. Время от времени попадались и такие, кто просто сидел и глазел перед собой в пространство отсутствующим взором. За этими Конан приглядывал особенно внимательно, зная слишком хорошо о совершенно непредсказуемом нраве некоторых людей, чьей судьба заносила в наемные отряды. Он ехал вдоль дороги, поглядывая на лица сидящих,

наполовину настороженно, наполовину ищущее, — пытался высмотреть хотя бы одного знакомого.

Стервятники в предвкушении новой падали, думал Конан. О да, часовой был прав. Сам Конан, пока торчал у себя на родине, в обществе родни и старых товарищей, едва не заболел от скуки. Дикие утесы и горы его детства казались ему теперь маленькими, едва ли не тесными. Игрушки, из которых он вырос. Запахи мятежа и войн в Кофе, которые занесли на далекий север торговцы и странники, ударили ему в ноздри, как сладкий мускусный аромат, — и властно повлекли его за собой.

Дома ему делать особенно было нечего. Он вооружился тяжелым кошельком серебра, набрал провизии, взял оружие и двинулся на юг.

Но он говорил себе: я не из тех крестьян, кого голод выгнал с родных мест и кого надежда на легкое обогащение потянула в неведомые дали, заглушив даже страх смерти (а уж старушка-то куда более близка, чем они думают, и уж куда более вероятна, чем богатая добыча; ну да это не Конаново дело — рассуждать). И не в стремлении потешить свое тщеславие отправился он в путь. И не для того, чтобы потакать своим мрачным наклонностям, таящимся в глубине души, — а кое-кто из здешних наемников с черными как уголь сердцами явился в этот лагерь именно за этим.

Нет, Конан смутно понимал — где-то там, в глубине души, — что способен на куда большее. В нем таились силы, которые будто бы вынуждали его испытать их. И были у него свои таланты, которыми он при случае исключительно ловко пользовался. В дальнейшем видно будет, сумеют ли они принести ему удачу в этом жестоком мире.

Его размышления прервал пронзительный голос, прозвучавший у самого его колена:

— Конан, старый пес! Ты тоже сюда притащился? Ну уж теперь мы точно победим.

— Ба, Бильхоат, ты ли это? — Конан улыбнулся тощему сморщенному человеку, стоящему возле его коня. — Как я погляжу, после Аренджуна ты взялся за честное дело. Как и я.

Лицо старика подернулось складками — он смеялся.

— Да. Тут и еще есть наши, Павло и Франос. Нам надо бы держаться друг друга, и удача от нас не отвернется!

— Так оно и будет, клянусь набитой мощной жирного Бэла! Вы что, все в Гундольфовой банде?

— Нет, Конан, — Бильхоат помотал головой. — Мы с Виллезой. Жаль, конечно. Нрав у этого зингарца препоганейший. Я бы предпочел быть с Гундольфом. Но слишком уж большой задаток я взял у этого бандита с черной душой, чтобы теперь мог от него уйти.

— А вообще, против кого воюем-то? Я слышал, что мы защищаем дело какого-то кофийского принца, бунтовщика.

— Точно, принца Ивора. Буйная головушка, молодой еще. Местные от него без ума. — Бильхоат погладил лошадь Конана по носу. — Полон новых идей. Смертельный враг своего дяди, короля Страбонуса.

— Слышал я про этого короля, будто он убийца и мерзавец, — мрачно проворчал Конан. — Так получается, Ивор этот — реформатор? Я бы с радостью предложил ему руку в борьбе против этого кровавого грифа Страбонуса! Как и все прочие вольные наемники! — Конан жестом показал на пьяных наемников, которые шлялись вокруг. — А что, они тоже собрались поддержать правое дело? Желают посадить на престол хорошего короля, а плохого скинуть?

Бильхоат заржал и потрепал коня по черной гриве.

— Нет, разумеется. Некоторые из этих сукиных детей уже недовольны. Говорят, что просят здесь задницу, а за это денег не платят. — Он подмигнул Конану. — Но я-то не охотник за славой. На мой взгляд, у здешнего мятежа неплохие перспективы. Помяни мое слово, каждый из нас, если мятеж победит, получит либо землю, либо хорошую должность. Ради этого стоит и попытаться.

И похлопал коня по шее.

— Что до меня, то мне нужно место. — Конан натянул поводья. — Я к Гундольфу. Буду рад снова тебя увидеть, Бильхоат. — Пришпорив коня, Конан поехал вперед, крикнув через плечо: — Найдешь минутку, разыщи меня!

Считая террасы, Конан поднимался по склону. Оказавшись на пятой, он свернул и поехал между двумя рядами палаток, где увидел наконец большой шатер, похожий на пирамиду, над которым развевалось знамя: золотой топор на черном поле. Этот герб с давних времен он видел на щите Гундольфа.

Три грубых парня, которые изнывали от скуки у занавешенного входа в шатер, были Конану незнакомы. Вид их был непривычен даже ему — а уж чего только он не навидался. Выглядели они весьма сурово. Под жарой полуденного солнца они разделись до пояса, но оружие держали в руках, готовые в любую секунду пустить его в ход.

Хмуро смотрели они, как Конан слезает с седла и привязывает лошадь к коновязи. Конан отвязал от седла перевязь с мечом и перекинул ее через плечо. Затем повернулся и зашагал прямо на них, с удовольствием разминая ноги после долгой езды.

— Шатер Гундольфа, как я погляжу. Он там?

Конан говорил достаточно громко, чтобы его слышали внутри шатра. Последовало долгое

молчание. Потом самый здоровенный из троих стражей, квадратный, кряжистый, с толстым брюхом, вышел вперед и ответил:

— Нет. Его там нет. Я Стенгар. Я за него, пока он в отъезде. — Он бросил свирепый взгляд на своих товарищей и снова уставился на Конана. — А ты... Кто таков? С севера небось? — Он смерил Конана взглядом с головы до ног. — Гиперборец, как я погляжу.

— Киммериец, — поправил Конан недовольно.

— Ах, горный варвар! Ну и какого черта тебе надо от нашего капитана? Отвечай!

— Слышал, что Гундольфу нужны люди.

— Может быть. — Стенгар нахмурил лоб. Он явно о чем-то думал. — Ну и что с того?

Конан опасно сузил глаза:

— Ты, я гляжу, на неприятности нарываешься.

Стенгар снова поглядел на своих приятелей, затем опять на Конана:

— Ты небось решил, что подойдешь Гундольфу?

Конан оценивающе осмотрел всех троих:

— Я думал, что Гундольф отребья не берет. — Он пожал плечами. — Должно быть, я ошибался.

Пока Стенгар обдумывал последнее замечание, он стал еще мрачнее. Он выпятил свое брюхо и повысил голос. В нем теперь нескрываясь звучала злоба.

— Скажи-ка мне, чужак, почему ты выбрал именно этот отряд? Прямым ходом сюда? Зачем ты потащился именно сюда, вместо того чтобы присоединиться к тому сброду, что квартирует внизу?

Конан настороженно смотрел на него. Он решил говорить как можно меньше.

— Об отряде Гундольфа идет добрая слава. Стенгар насмешливо улыбнулся:

— Правильно, чужак, это ты в точку! Чертовски добрая слава! Или, говоря иначе: мы — лучшие из людей Гундольфа! — Он мотнул головой в сторону своих приятелей. — Ну так что, чужак, можешь ты мне сказать — с твоим-то опытом, с твоим-то знанием самых грязных и необжитых дыр в этом мире, — почему оно так, а?

Эта перепалка привлекла внимание других наемников, которые повылезали из находившихся поблизости палаток и теперь с интересом наблюдали за сценой.

— Вот ты мне это и объясни! — Конан не двигался с места.

— Хорошо, чужак. Я скажу тебе. Мы лучшие. Столько таких, как ты, неотесанных деревенщин стремится попасть в отряд Гундольфа, что нам приходится половине из желающих отказывать. — Толстяк скрестил руки на груди и самодовольно поглядел на окружающих, как будто только что растолковал всем и каждому, как устроено мироздание.

Конан помедлил, подозревая ловушку. Он поправил пояс, так, чтобы рукоять меча была прямо под рукой.

— Неужто половине?

— Точно, северянин. Половине — из тех, кто выживет! — Стенгар театральным жестом выбросил вперед руку, как будто подавая знак кому-то, кто находился далеко и кого его зрители не могли видеть. — Выходи, Лалло! Пора и поразмяться!

Конан резко повернулся при звуке тяжелых шагов и низкого горлового рычания. Прямо на него мчался молодой человек с тяжелым двуручным мечом. Он уже занес свое оружие, чтобы разрубить Конана пополам.

Атака была столь стремительной, что Конану пришлось отражать ее мечом, не вытащив его из ножен. В высоте встретились оба клинка, оглушительно загредев. Зрители взревели от восторга. Перевязь Конана еще извивалась в пыли, как змея, пока его противник успел нанести еще два удара, целя в область живота.

— Ну что, друзья! — вскричал Стенгар. — Кто из этих двоих будет нашим новым рекрутом? Этот могучий лесоруб, Лалло, дитя кофийских гор? Или же варвар с далекого севера? Мой выбор — Лалло. Я ставлю на него.

Возбужденно зазвучали голоса вслед за этими словами. Распределялись ставки.

В это время Конан уклонялся и отражал удары. Парень был силен, как бык, и быстр,

что уже доказала его первая атака. Ростом и весом он был равен своему противнику. Но он совершал слишком много необдуманных движений, и клинок Конана грозил ему смертельной опасностью.

— Эй ты, как тебя! Лалло! Бросай дурить! — крикнул ему Конан между двумя ударами. — Что за смысл нам кромсать друг друга только ради потехи этих шакалов?

Но Лалло ничем не показал, что понял. Глаза его неотступно следили за противником. Рот кривила гримаса. С размаху он обрушил удар на голову врага. Конан отскочил в сторону, простив юнцу царапину на руке.

— Ого! Варвар хочет прекратить! — закричал один из зевак. — Душа в пятки ушла небось. Я удваиваю ставку на Лалло!

— Я тоже! — заорал другой. — Всякий знает, что бойцы из этих горных варваров никудышные.

Лалло явно не замечал, что его песенка спета. Он продолжал размахивать мечом, как топором в лесу, с каждым шагом продвигаясь вперед, как будто Конан был всего-навсего каким-то странным подвижным деревом. Конан отбил меч парня в сторону и попытался остановить его могучим ударом кулака по голове — но промахнулся, так что сам неожиданно остался без прикрытия. Это было рискованно. Только опасным поворотом, изогнувшись, Конан ушел от ответного удара

ЛЕВАЯ РУКА ГУНДОЛЬФА

— Ну что, Конан, все топчешь дороги наемников? — Гундольф удобно откинулся на вышитую подушку и поднес к губам кубок, осыпанный драгоценностями. На капитане наемников была только легкая хлопчатобумажная рубашка и штаны. Воздух в шатре, под пронизанным солнцем навесом, был теплым и влажным. Вечерний ветерок шевелил полог у входа, время от времени обдувая разгоряченные лица сидящих.

Старый вояка с ухмылкой глядел на киммерийца:

— А я-то думал, что какая-нибудь пышнотелая аристократочка уже приглядела тебе теплое, уютное местечко начальника ее личной охраны.

Конан сидел посреди шатра скрестив ноги и широко улыбался.

— Мимо цели, Гундольф. Уже не одна пыталась. — Он глотнул из кубка, тоже усеянного драгоценностями. — Но я не домашняя собачка, которую можно держать на коленках.

Оба засмеялись. Потом Гундольф сказал:

— В свое время, когда я был твоих лет, мне тоже многие предлагали. И я тоже бежал от

этого, как от чумы. — Он задумчиво улыбнулся. — Разве что разок или два соглашался.

Конан заржал и потерся спиной о центральный шест палатки, чтобы почесаться.

— Однако же, смотрю, ты в Коринфии пошел в гору с тех пор, как мы с тобой в последний раз виделись. Ты возглавляешь крупный отряд наемников, имеешь добрую славу среди бойцов. — Он поднял свой кубок: — Твое здоровье!

Предводитель наемников пожал плечами. Если только его жест можно было так назвать, ибо он полулежал, опираясь на локти.

— Возможно, именно добрая слава, о которой ты говоришь, и привлекла сюда весь тот сброд, который ты видел. Летят, как мухи на мед. Таких, как ты, можно по пальцам перечесть. — Он покачал головой. Волосы у Гундольфа были еще темными, хотя в них уже появилась седина. — Лично для меня, Конан, этого недостаточно. Я все еще присматриваю для себя постоянное местечко. И начинаю сомневаться, что эти мятежи и бунты в провинциях помогут мне найти такое место. Будь моя старость обеспечена приличной добычей, я бы с удовольствием ушел на покой. Если не здесь, то среди колоссящихся полей моей родной Бритунии.

— Думаешь, здесь можно много взять? — Конан наклонился вперед, упираясь локтями в крепкие колени. — Я мало знаю здешнюю ситуацию — о мятеже Ивора против кофийского

короля. — Он поднял бровь. — Рискованное дело, но, возможно, в этом богами позабытом уголке королевства сработает.

— О да, у принца Ивора неплохие карты в игре против своего дяди. — С волчьей ухмылкой Гундольф продолжал: — Страбонус зарвался. По всему Кофу зреет недовольство. Королю приходится содержать большую армию, чтобы хотя бы в других областях сохранять какое-то подобие мира. Это вызывает высокие налоги, что разоряет и крестьян, и скотоводов.

Конан поскреб подбородок:

— Что ему мешает послать сюда легион или два, чтобы раздавить мятеж Ивора в назидание остальным?

— Не думаю, чтобы он это сделал. — Гундольф сел прямо. — Остальные недовольные провинции слишком близко находятся от столицы. Страбонус не может себе позволить оторвать даже один легион от Хоршемиша. Он не смеет послать против нас достаточно войск, боясь потерять все.

— Почему бы ему не предложить Ивору мир? Тем самым он положил бы конец нашей работе.

— Нет, этим он показал бы слабину и дал надежду на победу другим мятежникам, готовым уже взорваться. — Гундольф наполнил свой почти уже пустой кубок. — Нет, Конан, похоже, кампания предстоит нам долгая. Мы будем то здесь, то там отхватывать по куску. Помяни мое

слово, больших сражений не ожидается. — Он глянул на своего гостя из-под кустистых бровей. — А потом здесь установится шаткий мир, так я думаю. — Он улыбнулся. — Тогда-то принцу Ивору мы понадобится уже надолго, чтобы защищать его новое королевство. Тут мы и получим хорошую службу.

— Итак, никаких шансов покончить с этим делом одним решительным ударом. Именно так бы я поступил, а затем перешел бы к следующей войне... — Конана прервал громкий гул голосов, топот и скрежет тележных колес.

— Вроде кто-то новенький прибыл. Возможно, это караваны с деньгами. — Гундольф отставил кубок, потянулся и быстро вскочил на ноги.

Конан также встал — бесшумно, легко.

— Караван? Откуда деньги?

— Из Турана, Империи Встающего Солнца, от нашего предыдущего работодателя, короля Илдиза, если быть точнее. — Гундольф взял свой меч, шлем и легкую кольчугу с крюка, вбитого в центральный шест шатра. — Еще одна причина, по которой Страбонус никогда не пойдет на мир с Ивором. Он заключил договор с Тураном, и это еще новый шип в жирный бок Кофа.

Конан недовольно заворчал:

— Туранская империя всегда была жадной до новых союзников и государств, которые ему что-то должны. А еще больше она любит рвать

на куски близлежащие страны. — Он пошел следом за Гундольфом к выходу из палатки. — Но можно ли доверять старому Илдизу? Заплатит ли он?

Гундольф остановился прямо перед пологом.

— Откуда Ивор берет деньги — это его проблемы, не наши. Он и сам не нищий. Кроме того, вряд ли он будет медлить с выплатой, когда три тысячи наемников торчат прямо под воротами его города.

Капитан вышел из шатра, где его окружили солдаты.

— Ну? Какие новости?

— Выючный караван с восточного перевала, капитан. Сильно охраняемый.

Говорил тот тип, которого давеча Гундольф назвал Зено, — крепко сбитый человек с выючыми рыжими волосами. Он был вооружен двуручным мечом и, казалось, готов был сопровождать своего капитана.

— Как я и думал. — Гундольф кивнул ему. — Мне нужно идти в цитадель. Кстати, Зено, ты, как мой лейтенант, останешься здесь. — Он смерил взглядом своего подчиненного с головы до ног и положил руку ему на плечо. — Конечно, когда идешь к аристократам и другим капитанам наемников, никогда не помешает лишний острый меч и чуткое ухо; для этого вполне подойдет Конан. После сегодняшнего происшествия, — он глянул на Стенгара,

который стоял в стороне отвернувшись, — ясно, что в лагере нужна твердая рука. Понятно?

— Да, капитан! — Зено недовольно кивнул. Конан на мгновение поймал его исполненный ненависти взгляд.

— Хорошо. — Гундольф повернулся. — Едем, Конан. Держись той стороны, где у меня нет меча, и на пару шагов позади.

Подбежал солдат, который вел в поводу оседланных коней. Под седлами лежали попоны черно-желтого цвета с гербом Гундольфа. Когда Конан сел в седло и поехал по пыльной дороге между палаток, он заметил Стенгара, который мрачно перешептывался с Зено.

Впрочем, вскоре внимание Конана целиком поглотила картина, открывшаяся перед ним. Выючные мулы и всадники проходили по главной дороге лагеря, ведущей по виноградным горам. Животные были тяжело нагружены бесформенными тюками и высокими корзинами, под которыми лежали ковры. Их длинные уши устало свисали. Туранцы в войлочных куртках погоняли их. Их лошади были покрыты пеной. Вдоль дороги собралось немало наемников, которые, как обычно, встречали вновь прибывших градом непристойностей. Однако что-то во всей этой сцене вызывало у солдат больше возбуждения, чем обычно.

Только через несколько секунд Конан понял причину этого. Заключалась она в вооруженных

охранниках, которые ехали на своих резвых гирканских конях по обеим сторонам каравана. Четверо из них ехали в хвосте процессии. Они были до самой шеи закованы в броню, меха, пыльную дорожную одежду, так что их почти было не видеть. Но очертания их фигур и изящество движений не позволяли ошибиться.

— Бабы! — грубый крик донесся до ушей Конана. — Король Турана послал меченосных шлюх охранять наши денежки!

Топот, свистки и вопли зрителей выражали одновременно восхищение и ярость.

— К черту деньги! Я возьму натурой! — Молодой человек с раскрасневшимся лицом вместе со всеми остальными бежал за караваном. Теперь же он выскочил вперед. В мгновение ока он вскочил на лошадь одной из стражниц. Он попытался схватить всадницу — но локоть в кожаном рукаве внезапно ударил его под дых. Затем рука поднялась еще раз и нанесла удар по лицу, так что он упал в пыль. При виде этого зеваки взвыли от восторга.

Гундольф и Конан примкнули к каравану позади скрипучей черной арбы, увлекаемой двумя ослами. Арба была высокой, четырехугольной, на двух огромных скрипучих колесах, окоченных бронзой. Колеса проделали долгий путь, судя по их состоянию.

Возница был скрыт от любопытных глаз черным покрывалом, натянутым на дуги над арбой.

Когда Конан, нагнувшись, попытался бросить на него взгляд, его внимание снова отвлекли. Еще один наемник выскочил из толпы, чтобы схватить поводья из рук всадницы. Хорошо вымуштрованный конь встал на дыбы и ударом копыт опрокинул солдата наземь. Он откатился в кучу теплого лошадиного навоза. Конан и Гундольф объехали его с обеих сторон.

Затем появилась всадница, ехавшая во главе каравана. Хриплым голосом она закричала на шемитском языке:

— А ну, подтянись! Все по местам! Оружие наготове!

Ее нагрудный бронзовый доспех, слегка позеленевший, был изготовлен специально для женщины. Каждая из выступающих чашек для груди была выполнена в форме кошачьей головы. Поднятое забрало шлема позволило Конану на миг увидеть прекрасные строгие черты лица, обрамленного коротко подстриженными светлыми волосами. Секунда — и она уже скачет назад, в голову каравана. Обнаженную саблю, держа в руке, она положила на плечо. Повинуясь ее приказу, охранницы вытащили из ножен свои мечи и также держали их наготове.

— Это Друзандра, — пояснил Гундольф. — Я видел ее в битве при Флидии. Свет не видывал такой отчаянной девки! Тогда она была совсем одинокой, а теперь, смотри-ка, стала

предводительницей! — Он покачал головой. — Да, и вправду странные времена наступают.

Вид обнаженной стали, казалось, охладил пыл наиболее ретивых искателей приключений. Теперь караван без особых происшествий продвигался к воротам Тангизума. Правда, солдаты продолжали свистеть и улюлюкать вслед женщинам, но связываться с ними не решались.

Вскоре главные ворота города поднялись перед всадниками. Выглядели они, что ни говори, впечатляюще, с двумя большими круглыми башнями по обеим сторонам высоких, обитых металлом тяжелых створок. Но Конан заметил, что сверху ворота совершенно не защищены. Сверху было только небо. Единственное, что их кое-как обороняло, — две каменные стены, образующие узкий изогнутый проход, чтобы помешать тарану. Он вынуждал всех, кто хотел войти в город, проходить под бойницами башен.

— Принц Ивор играет в опасные игры, — заметил Конан. — Его город раздавить легче, чем орех в щипцах.

— Поэтому он так и надеется на вольных наемников. Тем лучше для нас.

Гундольф отсалютовал городским стражам, стоявшим в воротах. Их офицер ответил кивком.

За воротами находилась небольшая площадь, окруженная тавернами и лавками. Между ними находились и лавки менял. Погонщики остановили здесь выючных животных и стали разгру-

жать товар под надзором купцов и таможенных служащих. Но большинство тут же исчезло с глаз в узких улицах города. Те наемники, которые вошли в город вместе с караваном, тут же двинулись по кабакам.

Гундольф и Конан сопровождали запряженную ослами арбу в лабиринтах извивающихся улиц, столь узких, что там еле-еле могли проехать в ряд два всадника. Улицы были плохо замощены, путь изобиловал выбоинами. Местами, там, где улица круто поднималась в гору, были сделаны ступени. На перекрестках собирались поглазеть на процессию горожане — светлоголовые круглолицые люди с каштановыми или белокурыми волосами. Они были неплохо одеты. Большинство мужчин носили знаки своих профессиональных цехов и гильдий. На женщинах были светлые платья, богато вышитые.

— Здесь всем заправляют люди принца, — сказал Гундольф после того, как они с Конаном миновали второй кордон стражей на развилке дорог. Люди в серых плащах пропускали только конных. — Они позволяют нашим людям вволю болтаться по городу и тратить здесь свои деньги, но не более.

Дорога так часто разветвлялась, что даже Конан, с его почти звериной способностью к ориентации, почти запутался. Он ехал среди бесконечного ряда грязных стен. В маленьких окнах и немногочисленных, едва приоткрытых

дверях виднелись любопытные, настороженные лица. Высота домов, с обеих сторон стиснувших узенькую улочку, ограничивала обзор. Только время от времени над крышами мелькали зубцы городских стен под синим небом.

Только когда они прошли каменную арку и оказались на широком, мощном камнем дворе, Конан понял, что они вошли в цитадель.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОСЛАНИЕ ЧЕРНОЙ МАГИИ

Караван остановился в просторном дворе перед фасадом дворца, позолоченного солнечными лучами. Это было массивное строение серого камня. На третьем его этаже находилась галерея для стражи и оборонительные сооружения. Центральная часть фасада была украшена куполом и башенками. Два двухэтажных флигеля связывали дворец со стенами цитадели.

Огромные ворота распахнулись. Мимо стражников устремились вперед лакеи, дворцовые слуги, царедворцы — приветствовать вновь прибывших. Двор заполнился горожанами, которые последовали за караваном. Стены отражали крики людей, стук копыт, рев животных.

Конан последовал за Гундольфом к коновязи на той стороне двора, где слуги выставляли перед распряженными лошадьми и мулами ведра с водой. Оба воина спешили и заняли место поблизости от другой пары вооруженных мужчин.

Лицо старшего из них, обожженное солнцем, было покрыто шрамами. У него были длинные светлые усы и немытые белокурые волосы,

заплетенные в косу. Спутником его был крепкий угрюмый парень, подбородок которого совсем недавно познакомился с бритвой.

— Конан, могу ли я познакомить тебя с моим лучшим собратом по оружию и с опаснейшим моим конкурентом? — Гундольф говорил о белокуром. — Браго, вот Конан — новичок в моем отряде, но для меня — старый друг. Он несомненно слыхал и о твоей славе, и о твоих людях.

— Конечно. Скильда. — Никакого особенного восхищения на лице варвара не читалось. — Главная победа.

Браго широко улыбнулся, выставив крупные желтые зубы.

— Да, городишко был до краев полон добычи. Высокомерные задавалы. Вздумали нам пережить. — Он схватил по очереди Гундольфа и Конана за запястья, сжав ладонью протянутые к нему руки, в манере легионеров, однако не потрудился представить им своего адъютанта. — Если ты хочешь вволю взять добычи, иди лучше в мой отряд. — Он подмигнул Гундольфу: — И ты, старик, если тебе станет тяжело таскать твоё знамя с секирой.

— Благое пожелание, Браго. — Гундольф поглядел на дворцовый двор. — Большинство предводителей, кажется, в сборе. Вон Виллеза, — он указал на приземистого зингарца, стоявшего возле главного фонтана. — А там подошел Аки Вадсай. — Последний был стройный

черный всадник на благородном жеребце пустыни.

Браго поглядел на него и недовольно кивнул:

— Ясное дело, они, как и я, ужасно торопятся запустить пальцы в золотишко. — Он погладил свои висячие усы большим и указательным пальцами. — В этой дикой провинции не много можно прибрать к рукам, а что до добычи, которую посулил нам Ивор, так ее еще ждать и ждать.

— Хорошо, что все мы наблюдаем за разгрузкой, а то вдруг наш работодатель попытается что-нибудь утаить. — Гундольф подошел к дворцовым воротам. Конан занял свое место за его левым локтем. Браго и его спутник последовали за ними.

Неподалеку от дворцового крыльца стражники очистили место от городских зевак. Там мулы были освобождены от своих переметных сум и седла были сняты с их натруженных спин. Возчики и квартирмейстеры бегали между сгруженных на землю корзин и тюков. Суетились все, кроме одетого в серое человека. Его охраняли четыре вооруженных телохранителя. Несомненно, то была важная персона.

Это был низкорослый, но крепко сбитый, толстоший человек с довольно приятным, гладко выбритым лицом. Его взор, казалось, преисполнен достоинства. Он был по меньшей мере на три десятка лет старше, чем Конан. Копна темных

вьющихся волос покрывала его голову. Головного убора у него не было. Под плащом он носил легкую кольчугу тонкой работы, бархатные штаны и дорожные сапоги. Насколько можно было разглядеть, оружия у него тоже не было.

— Принц Ивор, — сказал Гундольф, оставаясь на почтительном расстоянии. — Нам следует подождать, пока он соизволит позвать нас.

Принц исследовал один из коробов. Он снял покрывало и вынул оттуда продолговатый пакет, завернутый в покрывало. Один из его телохранителей снял упаковку. Теперь он держал, подняв над головой, меч в ножнах.

Принц извлек меч из ножен. Конан видел, что клинок имел только одно лезвие. Слегка изогнутый, он был остро заточен на конце. Оружие не было ничем украшено. Рукоять с медным кольцом была обмотана ремешками. Легкое оружие, и для того, чтобы пользоваться им, не требуется большого искусства, однако оно превосходно подходит для того, чтобы вооружить человека, не слишком сведущего в фехтовании. В коробе лежали двадцать или более того подобных же свертков, а всего таких коробов было несколько дюжин.

Принц взял меч в руку и взмахнул им в воздухе — для пробы. Затем он задумчиво смерил взглядом толпу людей, собравшихся во дворе.

Вслед за тем принц решительно поднял голову. Он покинул своих спутников и сделал дюжину шагов по каменным плитам. У фонтана он легко вскочил на широкий край ограждения. Теперь он был выше стоящих вокруг людей примерно на высоту половины человеческого роста.

— Народ Тантисиума! — вскричал он. Его голос перекрыл все остальные звуки, и наступила тишина. — Народ мой! Слушайте меня!

Тысяча голов повернулась в его сторону. Телохранители поспешно занимали места вокруг фонтана.

— Друзья мои и сограждане! — Он поднял меч вверх. — Товарищи по несчастью, страждущие под тиранией этого негодяя Страбонуса! Слушайте же меня!

Теперь он завладел вниманием каждого из собравшихся. Если не считать тихого фыркания животных, во дворе царила полная тишина.

— Друзья мои, долго мы страдали вместе. И вместе мы решили собраться для того, чтобы начать наше опасное дело. Жадные руки королевской власти запятнаны кровью. — Он поднял вверх свободную руку, скрючив пальцы, будто алчные когти, повернул ее тыльной стороной вверх, а затем опустил вниз. — Мы закрыли наши границы и призвали многих отважных наших союзников. — Его взгляд скользнул по предводителям наемных отрядов. — Не безрассудными были наши шаги. Мы хорошо обдумали,

как защитить свободу и национальную независимость нашей страны. Что у нас есть? Мудрость и терпение земли. Мы как крестьяне, возделывающие новое поле, которое будет нас кормить и принесет нам богатство. Мы знали, что почва изобилует камнями, что путь наш опасен, что пахоте будут мешать. — Он нетерпеливо встряхнулся, будто желая сбросить с себя невидимое ярмо. — Теперь же, по сравнению с тысячами несправедливостей Страбонуса — бесчисленными налогами, чудовищно завышенными, нападениями его солдат на наших мужчин и женщин, его преследованиями моего отца, его постоянными попытками унизить честь и достоинство нашего отечества, — по сравнению со всем этим легкой становится пахота на поле мятежа. И даже в те времена, когда наше будущее было темно и неопределенно, когда на ноги наших стремлений были подвешены тяжелые грузы, когда нам предстояла жестокая борьба, — мы все равно шли вперед, поддерживаемые одной лишь мечтой о независимости.

И вот теперь, друзья мои, цель наших стремлений приблизилась. Она ближе, чем когда бы то ни было. Сегодня мы получили не только материальную помощь. Пришло также прорицание! Настоящая, истинная гарантия нашего успеха!

Владыка самого могущественного государства в мире, король Илдиз Туранский, наш восточ-

ный сосед, прислал помощь для поддержки нашего дела. Ему было дано предвидеть наш грядущий триумф в кипящих волнах нашего восстания против кофийской тирании. Уже несколько месяцев назад он обещал свою помощь нашему посланнику. Он направил гарантии и письменное признание нашего молодого государства, заверенное его собственной личной печатью.

Долго задавались мы вопросом: какую же форму примет его помощь? Пришлет ли он нам золото? Или же это будут солдаты, которые помогут нам в нашей освободительной войне? Или же это будут мудрые военные советники? Ибо велики богатства Турана, но еще больше власть государственных и военных мужей.

И вот, друзья мои, сегодня мы узнали, какую же помощь нам хотят оказать. Не отряды и не советники — нечто во много раз большее и во много раз долговечнее, чем преходящая человеческая плоть! И не золото, о нет! Нет, нечто более ценное, чем золото.

Ни один голос не раздался, когда принц сделал паузу.

Ивор яростно взметнул меч в воздух.

— Сталь! Илдиз прислал нам сталь! — Торжествующий крик принца отразился от дворцовых стен. — Ибо наш союзник с его даром предвидения хорошо знает, что поле гражданской войны может быть распаханό только острой, как бритва, сталью! Только сталью! — Ивор ударил

мечом по деревянному завитку статуи, украшавшей фонтан. — Только сталью мы сможем снять богатый урожай голов наших врагов, которые стоят между нами и нашей национальной честью.

Илдиз призывает вас всех к оружию, и я тоже требую от всех вас: беритесь за оружие и сражайтесь за то, что вам дорого! Пусть каждый мужчина, способный держать меч, готовится защищать наше возлюбленное отечество, если кровавые лапы шакалов короля попытаются хоть еще один раз наложить на нас рабские цепи. Но еще лучше внести разлад в их собственные ряды, в сердце столицы Страбонуса! Для этой цели я хочу основать гражданскую самооборону...

Конан разглядывал собравшихся и видел их восторженные лица. Землевладельцы, крестьяне, горожане, торговцы, ремесленники, подмастерья, конюхи и слуги — все они смотрели на Ивора и следили глазами за его театральными жестами. Когда во время своей речи Ивор достигал особого воодушевления, в их глазах вспыхивал свет, который был ярче, чем отблеск заходящего солнца, сияющего за спиной у принца.

Предводители отрядов наемников реагировали далеко не так восторженно. Конан видел, как Гундольф хмурит лоб. Слышал, как зингарец Виллеза тихо выругался. Браго и черный всадник пустыни Аки Вадсай стояли рядом, и лица их хранили скептическое выражение. Однако видел Конан и целую компанию офицеров и

туранских дворян, которые внимательно наблюдали за реакцией наемников, стоя на дворцовом крыльце.

— И поэтому я говорю вам, мои сограждане: не бойтесь нападения Страбонуса! — Голос Ивора был спокойным, однако сейчас же вновь стал повышаться. — Нет, вы должны ликовать при виде его глупости. Ибо если тиран еще раз вздумает сунуться в нашу любимую страну, то вся провинция, как один человек, поднимется против него! Его войска позорно бегут, его солдаты лягут под ударами наших верных клинков. Эти горы распахнутся, чтобы поглотить их, как о том поется в наших древних песнях.

Так велика, о мой народ, сила нашей решимости. Наше дело правое, мы победим! Победа будет за нами!

Когда Ивор, выкрикнув финальный лозунг, застыл в героической позе, с растрепанными волосами, воздев руку с мечом, вся толпа разразилась восторженными, ликующими воплями. Шляпы взлетали в воздух. Люди в возбуждении проталкивались к фонтану.

Принц соскочил с ограждения и пошел сквозь толпу. Его телохранители устремились за ним, но он вновь и вновь простирали руки, чтобы его почитатели могли приложиться к ним губами.

— Никакого сомнения, люди на его стороне, — заметил Гундольф спустя некоторое время.

— Так-то это так. Я только спрашиваю себя, для чего ему тогда наемники, — сказал Браго.

Аки Вадсай осторожно бросил взгляд через плечо и заговорил тихо — так тихо, будто это шептал песок под ветром пустыни:

— Что это должно означать... эта гражданская самооборона, о которой он говорил?

Ему ответил Виллеза. Его зингарский акцент придавал речи гортанную густоту:

— Мне совершенно не по душе, что придется сражаться среди каких-то желторотых новичков и конюхов. И еще меньше мне это понравится, когда в один прекрасный день вся эта гражданская самооборона повернется против нас.

В этот момент принц выбрался из толпы и подошел к ним, сопровождаемый телохранителями. Он улыбался вполне добросердечно и протянул руки предводителям своих наемных отрядов:

— Соратники мои! Это воистину счастливый день! Я взволнован до глубины души тем, какой способ выбрал король Илдиз, дабы поддержать наше дело.

— Воистину, это поразительно, мой принц. — Браго вымученно улыбнулся. — Но вот еще одно дельце — с оплатой наших услуг, в чем также мог бы помочь Туран...

— Что? Ах да! — Ивор поднял руку, отбрасывая волосы с лица. — Боюсь, что ваше жалование... его нужно еще немного подождать. Ради большей безопасности мы послали деньги особым

транспортом. Я не могу вам сказать, что это означает.

— Государь, — вмешался Гундольф, — не могли бы вы, по крайней мере, выдать нам хотя бы часть из ваших личных запасов... — Он скрестил на груди руки, покрытые шрамами. — У нас довольно сложные задачи. И необходимо поддерживать высокий моральный дух у наших людей.

Принц поглядел на Гундольфа, не меняя выражения лица:

— В настоящее время дело обстоит довольно скверно. Но это совершенно не проблема... Я велю городским купцам дать вам кредит. Что до моральной стороны дела — все это очень быстро улучшится. Думаю, скоро все будет в полном порядке. — Он обнадеживающе улыбнулся. — Уже очень скоро. А теперь моя главная задача — представить вам ваших новых боевых товарищей. — Ивор слегка отступил в сторону, чтобы расширить круг стоящих. — Это, друзья мои, Друзандра. Вы уже видели сегодня, какой из нее командир. Она станет лагерем рядом с вашими лагерями.

Воительница подошла к ним — без плаща, но в полном вооружении. Под мышкой она держала свой шлем с султаном, так что все видели ее коротко подстриженные белокурые волосы. Черты ее лица были мягкими; его можно было бы назвать даже привлекательным, если бы не

жесткие очертания рта. Сейчас, когда она не сидела в седле, она выглядела намного выше. Ростом она была выше не только принца, но и Виллезы.

— Гундольф, Браго, другие достойнейшие. Ни к чему разводить церемонии. Слава каждого из вас бежит впереди вас, точно аромат благовоний. — Она поклонилась командирам, сурово улыбнувшись. — Под моим началом двадцать три воительницы. Вот мой лейтенант Ариэль, — она указала на черноволосую женщину в кожаных доспехах, которая стояла возле нее. Ариэль была под стать Друзандре — такая же подтянутая и настороженная, хотя пониже ростом и более хрупкого сложения. Ее довольно привлекательное лицо портили следы оспы, которые придавали ей хищный, голодный вид.

Наемники поклонились и невнятно пробормотали приветствия. Только Виллеза раскрыл рот:

— Тебе нужно держать своих женщин подальше от наших лагерей. Не знаю, смогу ли удержать своих парней в узде.

Друзандра смерила его взглядом с головы до ног, резко повернувшись:

— Не бойся, Виллеза. Если ты не сумеешь с ними управиться, то я уж смогу. — Она улынулась еще шире. — Мои девчонки знают, как обращаться с ретивыми кобелями. Первый, кто к нам сунется, получит показательный урок, а

уж потом обучит остальных. Они обожают давать такие уроки.

Виллеза покраснел и посмотрел на остальных командиров, но принц опередил его:

— Я хотел бы, чтобы каждый из капитанов строжайше следил за дисциплиной. — Он обвел собравшихся тяжелым взглядом. — Наши планы требуют тесного взаимодействия всех участников. Итак... Вот наш новый соратник, с которым вы еще не знакомы. — Ивор кивнул одному из своих телохранителей. Тот повернулся и сделал кому-то знак:

— Чародей... ступайте сюда!

В сумерках, в стороне от людей, которые уже стянулись к большому костру, пылавшему в центре двора, стояла давешняя арба, запряженная ослами и скрытая покрывалом. Та самая, которую Конан и Гундольф сопровождали через город. Из арбы на землю сошла тонкая темная фигура, которая направилась к командирам Ивора.

— Щедрость короля Илдиза воистину не знает границ. Он прислал мне больше, чем я осмеливался его просить. — Ивор простер руку. — Вот Агохоф, волшебник двора Восходящего Солнца.

Незнакомец, подошедший к собравшимся, в первую очередь поражал своим большим ростом, а затем своей молодостью и хрупкостью — это был бледный худощавый юноша с большим

крючковатым носом и черными колечками коротких волос. Он был одет в бесформенный черный балахон и штаны, подпоясанные пыльным желтым шарфом; на ногах у него были остроконечные туфли в восточном стиле. Черный шелковый плащ свободно свисал с его костлявых плеч. При его появлении Виллеза и остальные расхохотались, в то время как остальные предводители наемников глядели весьма скептически и благоразумно хранили молчание.

Агохоф остановился и нагнулся, чтобы лучше разглядеть собравшихся офицеров. Затем он обнажил в улыбке ровный ряд превосходных зубов:

— Приветствую вас, воины! И вас, принц. Меня послали... за столько миль от аграпурского двора... — Он сделал паузу. Его неловкость была вызвана в большей степени застенчивостью, нежели плохим знанием языка. Он говорил по-кофийски довольно хорошо, хотя и со странным акцентом. Наконец он повернулся к Ивору и заговорил, обращаясь только к нему: — Моя миссия... король и мои хозяева приказали мне... э-э... моим искусством поспособствовать вашей победе.

Его слова вызвали всеобщее веселье. Виллеза выпалил:

— Принц Ивор, это уж чересчур! Илдиз присылает вместо золота игрушечные мечи и вооруженных баб, чтобы они нас раздражали... и этого ему кажется мало! Он прислал нам еще косно-

язычного писца из канцелярий замка! — Глаза Виллезы горели; видно было, что наемник не на шутку разозлен. — Мало нам было других задержек, так еще и этот заика и недоучка от чародейства будет пудрить нам мозги. Придется еще и согласовывать свои планы со всякими приметами и расположениями звезд или что там сочинит этот подмастерье колдуна! Неужели в свое время в Зингаре мы не объелись по горло всей этой ерундой? На хрен нам все это сдалось?

Ивор сузил глаза, глядя на зингарца, однако сохранял спокойствие.

— В самом деле. Серьезный вопрос. — Он перевел взгляд на стройного юношу. — Агохоф, в самом деле, в чем ты можешь нам быть полезным? Не мог бы ты нам продемонстрировать свое искусство — но только что-нибудь понятное, пожалуйста!

Волшебник заволновался:

— О, есть много вещей, мой принц. У меня есть некоторые... таланты. — Он засунул пальцы за шарф и вытащил небольшой свиток, накрученный на две деревянные палочки, развернул его и держал одной рукой перед глазами, в то время как другой снял с шеи амулет, который странно мерцал в свете горящего вдалеке костра.

— Принесите факел! — бросил Ивор одному из своих телохранителей.

— Не нужно, — рассеянно проговорил Агохоф. Он держал пергамент перед лицом, глядя

на него сквозь мерцающий драгоценный камень, как будто бы читая, что было совершенно невозможно в кромешной темноте, где только вдалеке горел костер.

Лица всех собравшихся повернулись к нему. Кроме одного. Это был Аки Вадсай. У Конана было такое чувство, что предводитель воинов пустыни старается на смотреть на колдуна из суеверного страха. Этот человек с востока держался как можно дальше с краю, как будто хотел при малейшей опасности дать деру.

Тем временем Агохоф отложил свиток. Он пробормотал что-то невнятное про себя и одной рукой сделал пассы в воздухе. Другую он держал собрав пядью, прижав ко лбу между бровями. Он выглядел почему-то неуверенным.

Затем что-то возникло над кругом людей. Это нельзя было пощупать, и все же оно было осязательно. Люди обеспокоенно зашевелились. Друзандра издала сдавленный крик. Ее рот приоткрылся от удивления. Конан чувствовал, как что-то мягкое, холодное погладило его по горлу. Его ноздри затрепетали, почуяв запах колдовства.

Раздался громкий хлопок, будто кому-то дали по уху. Виллеза выругался. Его рука на мгновение метнулась к щеке, затем упала на рукоять меча. Он сверкал глазами; однако принц с молниеносной быстротой перехватил его запястье и заставил его вложить меч обратно в ножны.

— Не двигайся! Это приказ! — рявкнул Ивор.

Столь же быстро видение исчезло. Вернулся телохранитель, неся горящий факел. В его свете Конан увидел на щеке Виллезы отпечаток красной пятерни. В глазах наемника застыла паника. В смятении он потряс головой, а затем пошел прочь, потирая щеку.

Агохоф выглядел смущенным и растерянным. Принц подошел к нему и положил ладонь ему на плечо.

— Стодишься, колдун! — Затем он строго взглянул на командиров наемных отрядов. — Сегодня ночью можете хорошо выспаться. Завтра нам предстоит военный совет.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗОРВАННЫЙ РАССВЕТ

Острые зубцы наверху палисада отчетливо вырисовывались в лучах восходящего солнца. Небо на востоке было великолепно — бледная синева, разорванная красными полосами, точно разорванное знамя. Темным пятном казался в рассветных лучах деревянный палисад. Видны были очертания верхней части тела двух часовых. И еще слышны были голоса — голоса или какой-то другой слабый звук.

Конан положил голову на ствол дерева, чтобы как следует расслабиться. У него болело все тело после того, как он простоял долгую вахту — всю холодную часть ночи. Осторожно, чтобы не разбудить кофийских защитников форта, он вытянул руки и ноги. Стоять вахту было довольно суровым занятием, похуже, чем медленно подкрадываться к неприятелю.

По обе стороны от него лежали наемники прямо на влажной земле. Они спрятались за стволами вырубленного леса и маленькими кустами, которые кофиты по своей беспечности оставили расти поблизости от форта. Конан

размышлял, насколько это укрытие окажется действенным, когда солнце встанет.

До его слуха донесся шепот:

— Если ворота скоро не откроются, они нас увидят! Может быть, лучше все-таки пойти на штурм?

— Проклятье на эту самоубийственную задачу! — ответил еще более хриплый шепот. — Они позволили сумасшедшему варвару сделать это только потому, что хотят его смерти...

— Тсс! Тихо! — Конан повернул голову и ожег своих людей яростным взглядом, хотя видел их сейчас как смутные темные пятна в полумраке. Он подождал, напрягая все свои обостренные дикарские чувства, чтобы понять — не слышали ли это перешептывание в форте. Но там все было тихо. Головы охранников не пошевелились.

Конан оставался настороже. Он все думал: может быть, его люди и правы. Когда они вчера вечером сидели, не решаясь зажечь костры, холодной ночью, Гундольф предложил перебраться через палисад по спинам лошадей. Этот план казался совершенно невероятным. Он грозил большими людскими потерями. Конан предложил другое: осторожно прокрасться в форт. Эту тактику он знал еще в юности, когда сражался с гундерами, грабившими его родные земли.

Странно, но первым, кто поддержал его план на военном совете, был его соперник Зено, который особенно настаивал на том, чтобы Конан сам

возглавил передовой отряд. Гундольф дал согласие, но на Конана посмотрел весьма выразительно. Вторым предводителем операции стала Друзандра. Позднее киммериец снова увидел, как Зено о чем-то шептался со Стенгаром, другим его неприятелем. Сейчас Стенгар находился где-то поблизости.

Раздумья Конана были прерваны новым тихим звуком. Он услышал за стеной приглушенный перестук копыт. Затем послышалась команда. Заскрипело дерево. Конан приподнялся на локтях. Он увидел узкую полоску неба на том месте, где были ворота.

— Вперед! — Его крик разорвал утреннюю тишину. — Вперед, парни!

Он уже вскочил на ноги и помчался, держа в руке топор.

Он услышал лязг доспехов: конный посланник выезжал из лагеря. Когда тот увидел темные тени, вскакивающие с земли, он издал пронзительный вопль и пришпорил коня. Конан увидел, как в предрассветных сумерках тускло блеснули мечи. Раздался страшный предсмертный вопль, затем что-то мягкое тяжело упало на землю. Лошадь понеслась вперед, уже без всадника. Конан бежал не останавливаясь впереди своих товарищей.

Над ним на палисаде послышался звук удара, стон. Один из стражей содрогнулся и упал, пронзенный копьем.

И вот Конан уже у ворот. Открытая створка была уже почти захлопнута. Конан успел просунуть плечо, не давая ей закрыться. Но он встретил стойкое сопротивление. Он наклонился вперед, уперся ногами в землю и надавил сильнее. Ворота с треском подались.

Внутри он слышал неразбериху голосов, шипенье вылетающих из ножен мечей. Сопротивление ослабло. В узком проходе между створками мелькнула человеческая фигура.

Конан резко выпрямился с топором в руках. Оружие обрушилось со звоном на забрало вражеского шлема. И тотчас же снова взлетело вверх, с тем чтобы врезаться в лицо. С глухим звуком оно врубилось в плоть и кости. Охранник мешком осел на землю.

Тем временем деревянные ворота снова начали закрываться, зажимая Конана между створок. И снова он прижал их плечом. На этот раз ему это удалось почти без труда.

С той стороны ворота отпустили. Створка неожиданно подалась, и Конан едва было не потерял равновесие. Еще двое вооруженных мечами охранников бросились на него.

— Кром порази вас обоих! — заревел варвар. Метнув топор, он попал в первого охранника. Топор вонзился ему в грудь, и стражник упал. С быстротой молнии вырвал Конан из ножен меч. И тут же скрестил его с мечом второго стражника. Воздух наполнился звоном стали.

Конан теснил своего противника, заставляя того отступать, пока он не оказался возле тела своего поверженного товарища. Наконец кофит оступись. Киммериец только этого и ждал. И вот уже меч Конана вонзился в горло кофита. С булькающим криком тот упал на землю.

Теперь Конан снова повернулся к другому стражнику. Превозмогая боль сломанных ребер, солдат с трудом поднял свое оружие. Могучий удар по шлему снова поверг его на землю.

Возле головы Конана по воздуху просвистела булава. Затем в ворота перед ним с глухим стуком вонзилась стрела длиной в ярд. Ее оперение коснулось его руки. Он посмотрел вверх и увидел целую толпу солдат. Те были едва одеты, однако можно было понять, что их униформа — кофийской армии. Они бежали к Конану, выскакивая из палаток, находившихся в середине форта.

Конан резко повернулся. С его губ невольно сорвался крик:

— Где мои люди?!

В дюжине шагов от него в мареве рассвета небольшая кучка наемников молча стояла над трупом посланника и его лошади. Они глядели на Конана. У некоторых был нерешительный вид. Другие опирались на свое оружие, всем своим видом показывая, что у них нет ни малейшего желания приближаться к воротам. Под яростным взглядом Конана некоторые нерешитель-

но взялись за оружие и что-то крикнули. Затем и остальные последовали их примеру.

— Ворота наши! Защищайте ворота! — закричали они и вдруг побежали вперед. Наконец и Стенгар присоединился с ним. Он вытащил свой меч и тоже завопил.

Наемники ворвались в ворота и стали цепью, чтобы защищать проход. Пробегая мимо Конана, они дружески хлопали его по плечам.

— Эй, люди! Открывайте ворота пошире! Оттащите эту падаль прочь! — Конан лающим голосом выкрикивал приказы, которые тут же исполнялись. По его сигналу бородатый вояка поднес к губам рог и подал жуткий двойной сигнал.

Пока Конан во главе своих людей отбивал первый натиск кофитов, он услышал стук копыт. Наконец подошли основные силы отряда наемников, прятавшихся доселе на кромке леса в ста шагах от форта. Он услышал хриплый крик Гундольфа:

— Берем гарнизон!

Затем пронзительный вопль Друзандры:

— Оставьте деревню в покое! Приказ принца!

Мгновение спустя лагерь затопили всадники. С возрастающей ясностью Конан видел, что лагерь окружен палисадом. В центре находились палатки, несколько бараков и загон. Это уже было захвачено. Киммериец взял свой топор и помчался вперед, ведя своих людей на противника.

Битва бушевала теперь в центре лагеря. Кофиты попытались образовать оборонительную линию перед палатками, но у них было слишком мало копейщиков, чтобы сдерживать атаку кавалерии. Наемники, склонясь с седел, рубили плохо вооруженных полураздетых людей, а затем мчались вперед. Они разворачивали лошадей среди натянутых веревок и хлопающих по ветру полотнищ, снова и снова загоняя и убивая прятавшихся там кофитов.

Тем временем подоспела пехота. Между палатками завязалась короткая и кровавая схватка, исход которой зависел больше от удачи и численности, нежели от боевого искусства.

Конан присоединился к тем, кто штурмовал бараки. Это были прочные бревенчатые строения, стоящие между палатками и палисадом. Поначалу защитники удерживали нападающих на почтительном расстоянии, поливая их смертоносным дождем стрел из-за дверей и амбразур. Наемники отступили при виде своих пронзенных стрелами товарищей, которые либо еще содрогались в агонии, либо уже затихли, лежа в пыли. Их броня и круглые щиты не могли защитить их от стрелы, выпущенной в глаза или в колени.

Гундольф и Конан приказали людям отойти назад, к ближайшим палаткам. С помощью копий и шестов от палаток они соорудили там нечто вроде щита-павезы, который теперь за-

крывал от стрелков их цель и уменьшал убойную силу обстрела. Несколько наемников взяли этот щит за края и понесли натянутое полотнище перед собой.

Когда атакующие вплотную подошли к стене главного барака, они заткнули узкие амбразуры парусиной. Надежная дверь была прочно заперта с внутренней стороны. Так что Конан вместе с двумя другими наемниками принялись орудовать топорами. Гундольф приказал полдюжине других солдат стоять наготове с копьями, чтобы встретить последний отчаянный прорыв кофитов.

Наконец дверь подалась. Однако ни одного солдата не показалось.

— Эй вы там! Внутри! Сдавайтесь! — заревел Гундольф.

Ответа не было. Конан рванул в сторону разбитую дверь. Гундольф первым ворвался внутрь, за ним следом мчался Конан.

Киммерийцу пришлось сожуриться, чтобы хоть что-то разглядеть в темноте. Затем он увидел, что большинство защитников выкарабкивается через отверстие, которое они пробили в крыше в задней части барака. Двое из них прикрывали отступление остальных. Один был рослый мрачный майор в униформе кофийской армии, другой — капрал, подражавший ему во всем. Оба подняли мечи, прорубаясь к двери.

— Назад, мразь! — рявкнул майор. Его меч скользнул по мечу Гундольфа, пробороздив затем бронзовый нагрудник наемника. Гундольф ответил ему мощным ударом.

Капрал набросился на Конана. Для остальных наемников здесь уже не было места.

Конан был рад, что орудует топором. Барак был достаточно низким, так что высокий рост только мешал киммерийцу. При нападении меч цеплялся бы за балки перекрытия. Его более низкорослый противник наносил широкие рубящие удары, один из которых едва не выпустил Конану кишки. Яростная злоба вспыхнула в душе варвара. Свободной рукой он схватил стул и метнул его прямо в лицо теснящего его крепыша. Пользуясь заминкой, он ударил противника топором в висок, и тот упал.

Конан обернулся и увидел, что майор медленно отступает вдоль длинного стола под напором Гундольфа.

— Грязный наемник! — Кофит вложил всю свою ярость в коварный удар, направленный в шею Гундольфа. Без труда Гундольф уклонился. Танцующим шагом Гундольф прыгнул вперед и вонзил свой меч глубоко под кирасу майора, пронзив его сердце. Затем стряхнул стонущее, вздрагивающее тело со своего меча и бросил его остывать на полу.

Конан подбежал к лазу в крыше и схватил последнего из пытавшихся улизнуть за но-

гу. Он стащил его вниз и ударил по затылку рукоятью меча. Человек обмяк и без чувств рухнул на стол.

И настала тишина. В дверном проеме возникали лица наемников. Они бросали внутрь взгляд-другой, радостно и свирепо ухмылялись, испускали ликующие вопли.

Гундольф и Конан посмотрели друг на друга, и вдруг оба громко расхохотались. Они отбросили свое оружие и прислонились к бревенчатым стенам. От смеха они едва стояли на ногах. Затем они бросились друг другу в объятия.

— Прямо как в Коринфии! — хохотал Гундольф. — Помнишь, как это было в Вильдаре?

— Конечно! И четырех евнухов герцогини помню! — Конан задыхался от смеха. — Какая схватка! Как я погляжу, ты еще не научился орудовать мечом.

— Разумеется. Но с тобой мне не сравниться. Ты должен научить меня кое-каким твоим новым приемам.

Конан бросил взгляд в сторону двери. Глазющие наемники тотчас же скрылись. Затем он с серьезнейшим видом повернулся к Гундольфу:

— Ты знаешь, что твои скоты хотели, чтобы меня здесь убили, прямо перед воротами?

С невозмутимым видом старый наемник встретил взгляд Конана.

— Возможно. — Он пожал плечами. — Я думаю, ты нашел на них управу.

Конан в сомнении нахмурился. Затем кивнул:
— Полагаю, мне это удалось. — И оба снова разразились смехом.

Наконец Гундольф хлопнул себя по коленям и сказал:

— Давай-ка глянем, кто тут победил! — Он вышел и заревел на наемников: — Выводите пленных! Да не забудьте их обезоружить. И проверьте, как тут с добычей и документами.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СТАРЫЕ СЧЕТЫ

Сидя у барака, Конан смотрел, как рассвет сменяется пасмурным днем. Солнце пряталось за густыми дождевыми облаками. Эта погода напомнила ему вдруг чем-то его северную родину. Воспоминание словно наполнило его силами. Это был день, точно созданный для битвы.

Люди, которые хотели бежать из барака, все были убиты вояками Гундольфа или попали в плен. Последнее было легко установить, видя гору трупов и маленькую кучку пленных и раненых. Огонь уже охватил один из бревенчатых бараков. Наемники во главе с Зено гнали немногих уцелевших, насмерть стоявших кофитов из их палаток. Это были последние очаги сопротивления — видно было, что гарнизон уже пал.

Пока неплохо, подумал Конан. Если два других подразделения наемных отрядов принца Ивора так же легко достигли своих целей, то из этой области королевские зубы тирана Страбонуса будут вырваны. Мятежники смогут на какое-то время перевести дух, а принц Ивор будет несказанно доволен.

Когда киммериец шел через лагерь, его внимание привлекла открытая дверь там, где хижин стояли вплотную к палисаду, — запасные ворота. Он осторожно приблизился к ним и выглянул наружу.

С другой стороны форта виден был склон холма. Там находилась деревня с хижинами, покрытыми соломой, вытянувшимися вдоль мутного потока. За рекой расстилались поля и поросшие лесом холмы. Под низким покровом облаков они казались зеленовато-голубыми.

Невозможно было сказать, многим ли удалось бежать во время битвы через этот проход. Но теперь Конан услышал проклятия и крики женщины, доносившиеся от ближайшей хижины.

Конан помедлил лишь мгновение, припоминая о запрете трогать деревню. Тем более что ему, как офицеру, необходимо было разведать все возможные пути отступления неприятеля. Он сбежал вниз по склону холма вниз от форта по тропинке, которая вела в сторону деревни. Первые холодные капли упали ему на лоб. Небо наконец-то разродилось дождем.

Когда киммериец обошел дощатый забор вокруг одной из хижин, он увидел, кто кричит и почему. Двое мужчин в пестрых одеждах наемников боролись с деревенской девушкой. Она была стройной и босой, на ней была шерстяная юбка и рваная блуза. Когда Конан подошел

вплотную, тот из наемников, кто был покряжистее, вырвал из ее рук бесформенный узел и бросил на землю. Вопящий младенец почти вывалился из развернувшихся пеленок. Он лежал в траве и плакал.

Второй наемник, более рослый, заломил отчаянно плачущей женщине руки за спиной. Та тщетно пыталась его лягнуть. На плоском лице мужчины застыло странное равнодушное выражение. Конан узнал придурковатого Лалло.

Хотя другой стоял к нему спиной, Конан без труда узнал и его.

— Ха, Стенгар, в чем дело? Не маловат ли противник? С младенцами сражаешься?

Пузатый наемник обернулся и уставился на Конана. Брови его поднялись в наигранном удивлении.

— Ба! Лейтенант Конан, герой дня! — Он приложил ладонь к груди, как бы салютуя. — Что скажете, господин варвар? Пограбить прибежали? — Он многозначительно провел рукой по извивающемуся телу молодой женщины. — Если да, то двигай-ка дальше и поищи себе сам подстилку.

— Вам было приказано: деревню не трогать, Стенгар! — Конан остановился в трех шагах от наемника, придерживая рукой ножны своего меча.

— Неужели? — Стенгар коротко поразмыслил, затем издевательски ощерился, показывая

гнилые зубы. — Ну так я отменил приказ. Мой чин равен твоему.

Конан нетерпеливо дернул головой:

— Вряд ли принц спустит тебе скверное обхождение с его народом. Мы оба знаем об этом. — Конан со значением покачал на ладони свой топор. — Кроме того, мы оба с тобой знаем, чья булава чуть было не выбила мне мозги сегодня утром у ворот. — Он указал головой на шипастое оружие на поясе Стенгара.

Стенгар без всякого выражения несколько секунд смотрел на Конана. Затем с удивительной для его комплекции быстротой он обнажил меч и выхватил булаву из-за пояса.

— Тогда к бою!

Он взял короткую булаву перед собой, как щит.

— Ведь ты этого хочешь, варвар?

Конан тоже схватился за оружие. Одной рукой он держал топор, другой занес над головой свой широкий меч. С боевым кличем «Хеййя!» он бросился на своего противника.

Стенгар пригнулся и отпрыгнул назад, явно уstraшенный яростью атаки. Несмотря на то что Конан держал свой двуручный меч в одной руке, меч его был длиннее и тяжелее, нежели у его противника. Поэтому Стенгару приходилось отступать при каждом ударе Конана. Когда булава испытала силу ударов киммерийца, Стенгар отдернул руку, будто его обожгли. Его собственный меч

мало помогал в этой битве против стальной паутины, сплетенной атаками неистового варвара.

Затем конец Конанова меча разрубил кирасу Стенгара. Лицо толстого наемника сморщилось от боли.

— Лалло! — закричал он. — Помоги мне!

Дровосек-великан все это время оставался в стороне от поединка. Он все еще заламывал женщине руки, задумчиво глядя на сражающихся с открытым ртом. Услышав крик Стенгара, он отшвырнул женщину в сторону. Она тут же кинулась к своему ребенку, чьи вопли уже превратились в жалобное попискивание. Лалло тяжело и жалобно обрушился на Конана.

В тот момент, когда придурковатый юнец потянулся за оружием, на сцене возникло нечто новое — откуда-то протянулось длинное копье, которое уперлось в грудь Лалло и замерло в неподвижности.

Вслед за ударом послышался долгий, рвущий душу стон, исторгнутый перекошенным в муке ртом Лалло. Яркое раскрашенное древко торчало у него из груди и покачивалось, медленно опускаясь к земле. Несколько секунд Лалло стоял, опершись на копье. Лицо его было искажено страданием. Затем он упал набок и замер, странно скребя пальцами пол.

— Кром!

Замерев в боевой стойке, не выпуская из виду Стенгара, Конан быстро огляделся и увидел

Друзандру в ее блестящем доспехе с кошачьими головами. Она потеряла руку, которую растянула, когда бросала копье. Рядом стояла темноволосая Ариэль с обнаженным мечом.

— Так умирают те, кто издевается над женщинами! — промолвила Друзандра. — Тебе помочь разобраться с тем, другим?

Лишь на мгновение Конан отвел взгляд от Стенгара, но это мгновение едва не стоило ему жизни. Когда он снова перевел взгляд на своего противника, только звериные инстинкты помогли Конану успеть взметнуть топор, чтобы отбить летящую в него булаву. Страшное оружие упало и покатилося по пыли, мокрой от дождя.

Конан видел только спину Стенгара — тот удирал со всех ног, пытаясь уйти от возмездия. Киммериец страшно взревел и бросился в погоню.

— Третья попытка, Стенгар! Большого Митра не позволяет ни одному человеку!

Наконец Конан нагнал улепетывающего наемника. Меч его описал сверкающую дугу и врубился в плечо его жертвы. Клинок разрубил плоть и броню и застрял глубоко в позвоночнике. Стенгар тяжеловерсно упал на землю, выдернув меч из руки Конана.

Клинок застрял в кости и кирасе, так что Конану пришлось упереться ногой в лежащее тело, чтобы освободить свое оружие. Меч вышел с металлическим скрежетом.

— Блестящий удар, северянин! — раздался сочный голос Друзандры, в котором ясно слышалось одобрение. — Весьма впечатляет. Доказывает, что сила почти столь же полезна, что и умение.

Она остановилась в нескольких шагах, в то время как Конан вытирал окровавленный клинок об одежду убитого.

Ариэль молча помогла деревенской женщине с ребенком вернуться в хижину. Под защитой воительницы женщина склонилась над младенцем, успокоила его ласковыми словами и поднесла к своей пышной груди.

— Хорошо сказано, Друзандра. — Конан поднял взгляд на женщину в блестящих доспехах, которая стояла перед ним, уперев руки в бедра. — Я только надеюсь, что у тебя еще не вошло в привычку убивать моих или Гундольфовых людей.

Светлые брови Друзандры поползли вверх, под белокурую челку.

— Все зависит от них, лейтенант. Среди твоих людей много такой сволочи, как эти?

— Э; так не пойдет, — хмыкнул Конан и поглядел на нее мрачно. — Если они и заслужили смерти, то учти: своих людей я убиваю сам.

— Заметно. — Друзандра вскинула копье на плечо и повернулась, чтобы уйти. — Но должна тебе сказать, с тебя «спасибо» за то, что я спасла тебе жизнь.

— Спасла мне жизнь? — Конан посмотрел на нее с неподдельным удивлением. — Да ты едва не угробила меня!

Друзандра вскинула голову, повернулась и, не говоря ни слова, отправилась к форту. Ариэль еще раз настороженно бросила взгляд на Конана. И вскоре обе женщины исчезли.

Несколько секунд Конан в задумчивости созерцал два трупа, распростертые у его ног, а затем выругался. Веселенькая переделка. Возможно, она ему еще аукнется. Но тут уж ничего нельзя было поделать. По крайней мере, у него есть свидетели — и помощники.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЖДЬ

Конан отвернулся от трупов и прошелся по деревне — не обнаружатся ли признаки грабежей и насилия. Он ничего не заметил. Дома были прочно заперты, а деревенская площадь пустовала. Общественный очаг в ее центре был холоден и пуст, потому что за ним никто не следил. Снова начал накрапывать дождь. Единственным звуком, доносившимся до слуха, был собачий лай из-за запертых дверей. Испуганные глаза следили за Конаном в щели между ставнями.

Когда Конан отошел на порядочное расстояние от места поединка, он увидел, что оборванный молодой парень из сельских склонился над Стенгаром. Он поспешно пытался вытащить меч убитого наемника, придавленный тяжестью трупа. Был он бос, растрепан, одет в заплатанные штаны и бесформенную грязную рубаху.

Конан хотел было его окликнуть, но что-то его удержало. Пускай забирает себе этот меч, подумал он. Возможно, когда-нибудь этот оборванец станет великим полководцем.

Юноша поднял голову. Шаги, подумал Конан. Но нет. Парень смотрел на капли дождя,

которые падали теперь чаще. Большие холодные капли. Но они не были мокрыми.

Конан огляделся — нет ли поблизости укрытия. Град! Градины звонко бились о доспехи и больно ударили по голове.

Проклятая погода! Конан заторопился в первое попавшееся укрытие. Сейчас начнется светопреставление, судя по тому, как почернело небо.

Град становился все сильнее. Теперь Конан бежал. Ледышки падали на него, хлестали его тело, скакали вокруг по земле, приминая и выбивая посевы.

Затем он услышал пронзительный вопль. Конан остановился и обернулся. Крестьянский парень схватился за свое плечо, где расплзалось темное пятно. Парень отнял ладонь и в ужасе уставился на кровь. Затем он отскочил от меча Стенгара и бросился было бежать. Внезапно он резко остановился, будто незримый удар обрушился на него сверху, и рухнул на колени.

Огромные камни падали на деревню. С неба на землю рушились, чертя в воздухе серебряные полосы, странные предметы. Конан перевел взгляд на них и увидел, что градины по форме и размеру напоминали теперь кинжалы. Острые, как бритва, искривленные кинжалы. Некоторые при ударе о землю раскалывались и рассыпались на множество серебряных полос, другие же с глухим звуком вонзались в землю. Удары были

таковы, что Конан мог чувствовать их содрогание под подошвами сапог.

Деревенский парень лежал на земле. Из его неподвижного тела из множества ран текла кровь. Конан откинул любую мысль попытаться его спасти, он бежал, спасая собственную жизнь. Над головой он держал свой широкий топор, как щит. То и дело оборачиваясь назад, он отметил, что град над деревней был куда смертоноснее, чем твердые, как камень, ледяные обломки, бьющие по его броне.

Облака свились в черных змей и клубились и извивались в небе. Он видел, как падающие ножи отсекают щепки от деревенских заборов, легко пробивают соломенные крыши хижин. Из закрытых жилищ доносились испуганные крики.

Киммериец бежал все дальше. Теперь град становился слабее. Несколько маленьких ледяных кинжалов вонзились в его предплечье. Со страшными проклятиями Конан вырвал их и отбросил в сторону. Глубоко в душе его росла уверенность в том, что он стал свидетелем отвратительного колдовства.

Он продолжал мчаться вперед, слепой от ярости и паники. Затем Конан сообразил, что прямо перед палисадом град прекращается. Здесь шел просто слабый дождик. Над палисадом показались любопытные лица. Толпа наемников высыпала наружу через боковой ход. Они смотрели на него виновато и изумленно, а затем снова

оборачивались к деревне, где продолжал бушевать чудовищный ледяной шторм.

Возле палисада стояла черная арба Агохофа с двумя его кроткими осликами. Неподалеку от нее, на вершине холма, находился и сам колдун. Забыв обо всем, он склонился над каким-то прибором, из которого в небо бил таинственный свет.

Подозрения Конана превратились в уверенность. В его душе нарастала ярость, такая же холодная, как и ледяная буря. Конан направился к колдуну. Теперь он видел, что туранец склоняется не над одним, а над двумя предметами: деревянной подставкой для свитков с грифоновыми лапами и крыльями, с которой свисал желтый пергамент, и каким-то странным устройством.

Это устройство представляло собой своего рода подставку, на которой крепилась круглая большая пластина. Угол наклона этой пластины можно было изменять по своему желанию. Щитовидный диск был сделан не то из кристалла, не то из серебристого металла. Трудно было сказать с уверенностью, потому что его поверхность своеобразно иррадиировала. Сейчас она была установлена так, что, казалось, собирала весь свет с неба и отражала его в виде луча, направленного в клубящиеся серые облака над деревней. Дождевые капли отблескивали в этой колонне света, делая ее видимой. Конан заметил,

что капли, которые падали на диск, шипели, будто попав на раскаленную плиту, а затем, превращаясь в ледышки, падали на землю.

Роль Агохофа во всем этом процессе была не до конца ясна. Тощий юнец склонялся над устройством, смотрел в свиток и бормотал себе под нос на чужом языке с совершенно отсутствующим видом. Время от времени он нагибался вперед и делал пассы руками с задней стороны диска, как будто подпирая его. В остальное время его руки бессмысленно порхали в воздухе.

Конан остановился перед Агохофом и легонько ударил своим топором о стальной нагрудник, чтобы привлечь внимание колдуна. Юнец бросил на него раздраженный взгляд, и Конан проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Град вызываешь, а?

— Да, — ответил Агохоф, снова возвращаясь к своей нечистой работе. Казалось, он едва замечает могучего, забрызганного кровью варвара, высящегося над ним. Он продолжал возиться со своим устройством и рассеянно бормотал: — Потрясающие результаты... еще никогда не было столь превосходных условий...

Конан прервал его:

— Ты уничтожил деревню.

Агохоф отмахнулся:

— Неважно. Деревня отдана мне... для испытаний.

Залитая кровью рука Конана вознесла высоко над головой его страшное оружие.

— Испытания, говоришь? Так вот тебе испытания!

Конан обрушил топор на серебряный диск.

Раздался звон, который, казалось, отразился в других измерениях. Деревянная рама была разбита этим ударом в щепки. Диск взорвался во вспышке света, которая опалила лица всех леденящим холодом. Хотя, когда сияние погасло, от странного серебристого металла не осталось и следа. Топор Конана лежал на земле, точнее, лежало топорщице. Что до закаленной стали, то лезвие топора разлетелось на множество обломков.

— Мой треналиум! — Агохоф оторвал взгляд от разбитого устройства и устремил его на Конана. Grimаса гнева и ужаса исказила его лицо, обнажив выкрашенные цветными красками передние зубы. — Как ты посмел!.. — прошептал он.

— Ты и в самом деле хочешь знать, как я осмеливаюсь? — сказал Конан, кладя руку на рукоять меча.

— Слишком много себе позволяешь, — рявкнул ему в ухо хриплый голос Гундольфа. Капитан встал между колдуном и варваром. — Пожалуйста, волшебник, пощадите его! — В грубом голосе старого воина звучал суеверный ужас. — Это один из лучших моих людей. Он спятил... от силы твоей магии!

Агохоф недоверчиво глядел на Конана. Гундольф повернулся и силой потащил варвара назад, в толпу остальных наемников. Затем юный маг с отвращением тряхнул головой и вернулся к своему свитку, начав сворачивать его.

Гундольф схватил Конана под руку и поволок его дальше, прочь от наемников, которые поспешно расступались. Они прошли сквозь ворота и вошли под парпет, оказавшись вне досягаемости града, а также глаз и ушей колдуна. Только тогда Гундольф назидательно заговорил:

— Тебе нужно учиться уважать власти, иначе ты никогда не преуспеешь среди наемников. — Он сердито постучал кулаком Конана в грудь. — Знаю, это был отвратительный спектакль, но ты должен держать себя в руках. Иначе мигом станешь врагом не только Агохофа, но и принца.

Конан упрямо помотал головой:

— Это колдовство нам ни к чему. Волшебник колдовал без всякой практической пользы. Ивору нужна поддержка его народа! — Он скрестил руки на груди. — Ведь он же не желает, чтобы его разрубили на части его собственные солдаты!

Гундольф пожал плечами:

— Кто знает? Жители той деревни снабжали лагерь провиантом и были преданы королю Страбонусу. Платили ему налоги. Может быть, он хотел их показательно проучить. — Гундольф

взмахнул рукой, будто прогоняя какое-то видение. — Подобные решения принимаются не здесь. Не твое и не мое дело обсуждать их. Впредь будь осмотрительнее. И хватит об этом!

Зено стоял поблизости, с интересом наблюдая за выволочкой. На его мокром от дождя лице под короткими темными волосами лежал отблеск радости. Выждав из вежливости паузу, он подошел к Гундольфу и отдал ему честь.

— У нас сто двадцать четыре пленных. Остальные из королевских мертвы или бежали. Наши потери составляют восемь убитыми и двадцать два ранеными.

— К тем восьми можешь прибавить еще двоих для круглого счета, — встрял Конан. — Я набрел на Стенгара и Лалло. Они были вопреки приказу в той деревне. И я... я оставил их там.

Зено с подозрением глядел на Конана. Гундольф, глядя на них обоих, быстро проговорил:

— Несомненно, их убил град Агохофа. Зено, пошли туда шесть человек, чтобы принесли трупы. И остереги их насчет мести деревенских жителей, если там кто-нибудь еще жив.

Зено медлил так долго, как только мог, прежде чем уйти.

— О Лалло и Стенгаре... — начал Конан.

— Молчать! — перебил его Гундольф. — Я могу представить себе, что там произошло, но предпочитаю этого не делать. Кроме того, их гибель может оправдать твои враждебные дейст-

вия относительно Агохофа. Во всяком случае, в глазах других наемников. Что до тебя, Конан... — Капитан строго посмотрел на него. — Наша сегодняшняя победа — твоя заслуга. Я должен тебе официально заявить, что произвожу тебя в лейтенанты. — Он серьезно покачал головой. — Тебе это действительно далось нелегко. И держись теперь подальше от колдуна!

— Спасибо, старый дружище. — Конан положил руку на плечо Гундольфа и кивнул. — А что до этого Агохофа — помяни мое слово, для всех нас было бы лучше, если бы я сегодня снес башку этому богопротивному выблядку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРАЗДНЕСТВО

Зал Совета в государственном дворце Танти-зиума, обычно огромный и мрачный, в этот день был празднично украшен. Множество пышно разодетых аристократов и офицеров восседало на мягких диванах или стояли тут и там, разговаривая все больше о государственных делах. Некоторые прогуливались по коридорам дворца, выходили в сад через высокие арочные двери.

Самая большая и роскошная компания подбиралась на дальнем конце зала. Там окружили принца Ивора в шелковом одеянии и сером плаще, который серьезным тоном втолковывал что-то своим слушателям. Его личная охрана ограничивалась на этот раз всего двумя чрезвычайно суровыми солдатами, которые стояли за его спиной, глядя на собравшихся беспощадными глазами.

Длинные столы были накрыты золотой посудой, обильно украшенной драгоценностями. Кубки были из платины. Слуги и прислужницы в экзотических одеждах подавали блюда. Сквозь высокие окна, выходящие во двор, проникал лишь слабый свет. Слуги внесли высокие канде-

лябры и установили их вдоль стен. В помещении стало темнее. Только островки пламени вокруг канделябров рассеивали тьму.

Конан подбоченился под пристальным взором ищущих глаз одной из прислужниц, одетой весьма умеренно — только в полоску прозрачного муслина. Он пил из кубка, до краев наполненного вином, смешавшись с толпой гостей. На киммерийце были блестящая кожаная лорика и красная шелковая рубаша, одолженная у Гундольфа (хотя в плечах она ему подходила, но была коротковата, так что под поясом то и дело мелькало голое тело; впрочем, ничего страшного — пусть поглазеют на стальную мускулатуру, ничем не прикрытую).

Когда он дошел до противоположного конца большого зала, его золотой кубок был уже почти пуст. Он остановился возле своего капитана, занявшего место под темным балконом, и обратился к нему пьяным голосом:

— Клянусь Кромом! Если Ивор действительно хочет нас наградить, ему нужно всего-навсего подарить нам пару-другую тарелок со своей кухни!

Гундольф сощурил глаза, быстро глянул налево, направо — не слышал ли кто замечания, столь лихо отпущенного Конаном.

— И не надейся. Гостеприимство любого принца постепенно иссякает. А этот выкинет нас без единого худого слова. — Он подмигнул

Конану. — Только имей в виду: пусть тут ничего не прилипает к твоим пальцам! У ворот торчит стража.

В этот момент по залу разнесся громкий голос Ивора, и оба собеседника повернулись в ту сторону. Принц стоял в центре большой группы гостей, окруженный Браго, Друзандрой и Виллезой. Он поднял свой кубок и провозгласил:

— Столь отважными натисками и выковываются государства. Ваша победа намного увеличила безопасность нашей провинции, она заложила основы для дальнейших, еще более дерзких и отважных свершений!

Ивор вскинул свою красивую голову и испуганно обвел взором весь зал.

— Но где же наисчастливейший из моих капитанов — предмет моей особой гордости? Ах, вон он где! Гундольф! Подойди к нам! — Принц сделал ему знак, и все лица в зале с ожиданием уставились на капитана и его лейтенанта. — В конце концов, мы организовали это празднество, чтобы почтить ваши победы, одержанные в последние дни.

Конан последовал за своим предводителем, пройдя сквозь любопытствующую толпу, и встал поближе к нему, когда принц положил свою руку на плечо Гундольфа. Ивор произнес:

— В тот день наиславнейших побед твоя победа, капитан, была самой выдающейся. И поэтому я приветствую тебя. Вы показали ту

силу духа, ту волю к победе, которые родились в самой сердцевине нашего святого и правого дела.

Он поднял свой кубок и сорвал несколько аплодисментов.

— Благодарю, мой принц, — сказал Гундольф. — Но похвалу я не могу принять в одиночку.

— Капитан, ты весьма скромн. Какое ценное качество! — Принц снял руку с плеча Гундольфа. — Но, в конце концов, умение командовать в том и заключается, чтобы правильно выбирать достойных исполнителей. Таких, как твой лейтенант Конан, который стоит рядом с тобой, не так ли? Предводитель штурмового отряда, если я правильно информирован.

Конан молча кивнул. Гундольф воспользовался краткой паузой, чтобы ответить:

— И к тому же инициатор всего плана атаки, мой принц.

— В самом деле? — Принц кивнул Конану: — Твой план принес нам быструю и легкую победу, и это говорит в твою пользу. — Затем он оценивающе взглянул на мрачного киммерийца. — Как жаль, что радость победы была омрачена досадным столкновением с моим тайным советником, присланным к моему двору с дружественного нам востока! — Он поискал кого-то в зале глазами. — А где же, в конце концов, Агохоф?

— Мой принц! — Один из телохранителей поклонился и заговорил громким голосом: — Он велел передать, что сегодня ночью он хочет получить наиважнейшие указания и потому отсутствует.

— Ага. — Принц кивнул. — Ну, как бы то ни было, а я надеюсь, что подобные достойные сожаления происшествия больше не нарушат хода нашей кампании. — И снова задумчиво поглядел на киммерийца: — Ты ведь совершенно со мной согласен, не так ли?

— Колдун избил, точно свиней на бойне, ни в чем не повинных, беззащитных крестьян, — заявил Конан. — Это гнусное деяние покрыло нас позором. Поэтому я и положил ему конец.

И допил из кубка последний глоток вина.

Гундольф быстро добавил:

— Как вы, несомненно, знаете, мой принц, двое наших людей погибли в той деревне. — Он говорил вполне серьезно, поскольку хотел отвлечь внимание принца от Конана. — Это, конечно же, вызвало глубокую скорбь моего лейтенанта.

Несмотря на старания Гундольфа как-то сгладить высказывания Конана-варвара, некоторые кавалеристы и благородные дамы, которые слышали их, выразили свое возмущение по поводу грубого тона чужака — так, пара замечаний, высказанных в пространство. Телохранители принца поглядывали на них настороженно.

Ивор видел, что лицо киммерийца покраснелось от выпитого вина.

— Разумеется, капитан, это так. Но мои источники доложили мне, что раны обоих убитых солдат весьма отличаются от тех, которые... которые оставило в телах деревенских жителей колдовское, дивное искусство Агохофа.

Его глаза остановились на поясе Конана, где вместо двуручного меча висел длинный кинжал, достигавший почти до колен варвара, дочерна загоревших.

— Отсюда можно сделать вполне логичный вывод, что они оба скончались не вследствие чародейства... Возможно, какой-нибудь кофит-дезертир... или кто-нибудь из крестьян, которых ты столь яростно защищаешь...

Конан отозвался:

— Вы призвали весь свой народ поддерживать ваше дело. Поэтому вы, вероятно, знаете, что люди ничто так не ненавидят, как черную магию. — Он с омерзением встряхнулся, точно мокрый пес. — Было безумием натравлять этого ученика чародея с ледышкой вместо сердца на беззащитных людей. Он сделал из них мясо. — И твердо посмотрел принцу в глаза: — А ведь вы не идиот, верно?

На этот раз дыхание затаили все, кто был в зале. Даже Гундольф подумал о том, что словами яснее не скажешь. Его рука остановилась на рукояти кинжала.

Но принц широко развел руками, как будто хотел остановить своих телохранителей и помешать им подойти к Конану. Он не выказал ни малейшего признака гнева — вместо этого он широко улыбнулся киммерийцу:

— Наши политические воззрения могут быть различными, лейтенант. — Почти незаметным движением он пожал плечами. — Для меня это не имеет никакого значения. И тем не менее я отвечу тебе. — Он обвел глазами собравшихся вокруг людей, как будто хотел им доказать, что его самообладание остается непоколебимым. Тем не менее на виске у него вздулась и забила жилка. — Волшебник Агохоф прислан нам в качестве особо действенного оружия. Каждое незнакомое оружие должно подвергнуться испытанию. У меня не было бы никакой уверенности в том, что огромная сила этого орудия и впрямь сокрушительна, если бы я не увидел ее в деле... не опробовал ее с минимальными потерями.

И он поднял руку, будто в ней был меч.

— Оружие бесполезно, если его владелец не слишком ясно представляет себе, как им владеть. — Ивор сделал нетерпеливое движение рукой. — Если бы я знал силу этого волшебника, я бы ему, вероятно, приказал быстро и совершенно подчинить себе кофийскую крепость, вместо того чтобы заставлять тебя прилагать столько усилий, лейтенант. — Теперь его голос звучал

почти сердито. — Но это оружие было тогда еще не испытано и потому не применилось.

Ивор помолчал. Вероятно, он почувствовал, что гнев может заставить его стать невежливым. После долгой паузы и тяжелого молчания, повисшего в зале, он вновь заговорил:

— В будущем я не буду больше колебаться в тех случаях, когда возникнет необходимость прибегнуть к услугам Черного Искусства, где бы это ни случилось. Каждый, кто не хочет пасть его жертвой, должен держаться от него подальше.

После этих слов принц резко повернулся и отошел на несколько шагов. И уже в другой компании он начал другой разговор — то была просто светская болтовня. Телохранители последовали за ним, наградив Конана напоследок мрачными взглядами.

Теперь все предводители наемных отрядов могли свободно поговорить между собой. Виллеза без колебаний встал на сторону Конана. Он положил руку на плечо варвара, хотя зингарец был едва не вполовину меньше ростом.

— Хорошо сказано, северянин! Этот вонючий колдун не принес ничего, кроме скверны и дерьма с тех пор, как явился в Тантизиум следом за ослиной задницей. Когда будет следующая битва, нам нужно будет просто схватить его и — уфф!

Гундольф положил конец его громкой пьяной речи могучим ударом кулака по спине.

— Хорошо сказано? Лично я этого не нахожу, — сказал старый воин.

Друзандра высказалась более осмотрительно.

— Мне показалось, что слова Ивора прозвучали как угроза нам всем. После того как мы так храбро бились за него, он вознаградил нас этим праздником, вместо того чтобы заплатить наше жалованье. А теперь все это выглядит так, будто он хочет вышвырнуть нас вон. Еще бы — заполучить такую новую волшебную игрушку.

— Но сила одного из туранских чародеев, члена Ордена Колдунов, воспитанного и образованного в Кхитае, — это не игрушка. — Из предосторожности Аки Вадсай говорил очень тихо. На его темном лице блестели только белки глаз. — О них ходят страшные слухи. Если обстоятельства складываются удачно, такой человек может совладать с целым войском.

— Ясно одно, нам нужно держаться настороже, — сказал Браго. — Но здесь не вполне подходящее место, чтобы обсуждать подобные вещи. Как насчет того, чтобы встретиться завтра вечером в моей палатке?

Предводители наемников разошлись в стороны. Общее настроение было прохладным. Никто из остальных гостей не был настроен к ним дружески. Только для Друзандры делали исключение — правда, мужчины, хотя она обращалась с ними отнюдь не ласково.

Изысканные яства и напитки остались нетронутыми. Имелись здесь и иные развлечения. В озаренном факелами саду показались танцовщицы. Та, что возглавляла их, с пышными бедрами, была облачена, насколько можно было разглядеть, только в прозрачное покрывало. Она вращалась и извивалась в такт цимбалам. Ее обступали воины в тюбанах, украшенных перьями.

Во время одной из пауз Гундольф наклонился к Конану и прошептал ему на ухо:

— Если уж и ждать кинжала в спину, то, по крайней мере, от стоящих парней. Я сейчас ухажу на праздник простых наемников, которые собрались на рыночной площади. Советую тебе сделать то же самое.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗАГОВОРЩИКИ

Твердым шагом пересек Гундольф праздничный двор. Своего лейтенанта он тащил за собой. Состояние Конана было таково, что он не мог оказывать капитану серьезного сопротивления.

После того как Гундольф и Конан доложились гофмейстеру принца, они оставили толпу и устремились к своим лошадям, привязанным в темном углу двора.

Когда они спускались по ступеням, из темноты бокового коридора выскользнула темная тень. С быстротой молнии метнулась она к Конану. Гундольф выругался и схватился за меч.

Конан отшатнулся — и вдруг хмыкнул. Когда таинственная тень стала видна в свете коптящего факела, обнаружилось, что это прелестно одетая дама — одна из тех аристократических особ, которые были истинным украшением праздника.

Ее темные волосы были уложены в высокую прическу, схваченную блестящим гребнем. Красная шаль, в темноте казавшаяся черной, покрывала обнаженные плечи, а стройную талию стягивал алый бархат. В вечерней темноте ее

глаза сверкали, точно зажженные от факельного света огоньки. Ее рот, испачканный ягодами, был полуоткрыт, придавая красивому лицу выражение пьяной похотливости.

— Я так и думала! — Она бросилась к рослому киммерийцу и повисла на нем, как водоросль на голой скале. — Разве это не тот молодой наемник Конан, с которым я только что говорила? Ох, останься, останься! — Она многозначительно подняла бровь. — Вы ведь еще не уходите? Ночь только началась!

Гундольф стал поспокойнее, поскольку видел обе ее руки, которые гладили широкие плечи Конана. Она не могла спрятать на своем полуобнаженном теле никакого оружия, которое было бы достаточно большим, чтобы уделоть Конана.

Конан несколько возбудился. Кроме того, он был слегка удивлен ее порывом.

— Я рад, что ты еще помнишь о нашем разговоре, Евлалия. — Он удобно положил ладонь на ее бедро. — Но сейчас я хотел бы уйти с моим капитаном. Что скажешь?

— Ах, Конан, все эти твои истории... я нахожу их потрясающими. Я надеялась, что мы сможем поговорить подольше... где-нибудь там, где нам не помешают. Может быть, в моей комнате. Она как раз здесь рядом, под этой лестницей. — Кивком головы она указала на темный коридор, откуда выскочила.

Глаза и руки женщины все еще покоились на Конане. Он спросил Гундольфа:

— Может быть, тебе лучше отправиться одному на праздник наемников, Гундольф? А я бы задержался...

Гундольф схватил Конана за руку и потащил его прочь от соблазнительницы.

— Простите меня, госпожа, но я должен обменяться с этим офицером парой слов наедине. — Он положил руку на плечо Конана и оттащил его на пару шагов в сторону. Затем прошептал ему в самое ухо: — Болван, я не о себе беспокоюсь! Я без страха могу один разгудывать по городу. Но ты... ты оскорбил влиятельного человека. — Конан ощущал ярость Гундольфа, который сильно, едва не царапая, сжимал его плечо. — Может быть, ты думаешь, что можешь спокойно провести ночь в его доме, развлекаясь с его придворной шлюхой? Если это не ловушка, да и к тому же ловушка для отпетого кретина, то в любом случае безумие и неоправданный риск. Ты немедленно пойдешь со мной.

Лицо Конана стало суровым. Даже в темноте можно было заметить, что теперь он куда менее пьян. Он выпрямился и стряхнул с плеча руку старого друга.

— Гундольф, у меня нет сомнения в том, что в какой-нибудь неприятности я не сумею себя защитить. — Он тщательно подбирал слова и

выговаривал их тихо и с достоинством. В его голосе почти не звучало опьянения. — С этой девушкой я уже и раньше долго разговаривал. И поскольку я нахожу ее... очень привлекательной, я предпочитаю остаться. — Он скрестил руки на груди, облаченной в шелковую рубашу. — Если ты, как мой капитан, приказываешь мне идти, мне еще предстоит решить, послушаю ли я приказа.

Конан стоял как скала и в сумраке, едва разгоняемом факелами, ждал ответа. Из дворца доносились звуки музыки.

Гундольф с отчаянием тихо прошептал:

— Какой же я идиот, если пытаюсь воззвать к трезвому уму варвара — самого толстокожего, самого пьяного и к тому же обуреваемого похотью животного! Ну прекрасно, я уйду один!

Он повернулся, но после нескольких шагов снова вернулся к Конану и предостерегающе поднял палец:

— Еще одно я хотел бы тебе сказать. Меня не будет рядом, чтобы снова для тебя таскать каштаны из огня. — Он сделал еще несколько шагов, снова остановился и устремил на Конана строгий взгляд. — При первом звуке трубы изволь быть в лагере, если ты желаешь оставаться в офицерском чине. И ушки на макушке!

После чего его приземистая фигура исчезла в темноте. Фыркнула лошадь. Слышно было, как капитан наемников уезжает со двора.

Сдерживая смех, Конан повернулся к Евлалии. Она стояла, вызываясь положив ладони на бедра. Когда он подошел поближе, она отступила к коридору. Блестящие глаза манили его. И двигалась она странно, чарующе. Ей удавалось постоянно ускользать от его рук.

Конан ускорил шаги и схватил ее уже в темном коридоре. Его ладони провели по мягкому бархату, обтягивающему ее бедра. Другой рукой он коснулся нежной округлости ее груди и сжал ее.

От этого объятия у него захватило дух. Он ощущал тепло ее лица. Когда его губы прижались к ее рту, он ощутил сладость вина. Она взвизгнула и дернулась в его руках. Ее руки ухватились за его плечи — что это, жадность или попытка сопротивления? Он не знал этого, в то мгновение ему это было безразлично. Горячая страсть сжигала его, как огонь в кузнице.

Затем он услышал крик, и чей-то тяжелый кулак опустился на его спину.

В одно мгновение киммериец отшвырнул женщину в сторону и с голыми кулаками набросился на того, кто посмел напасть на него. Тот был едва различим в темноте — так, неясная тень. Но Конан чувствовал, что человек, притаившийся во мраке, — мужчина крепкого сложения. Вскоре он в этом убедился, когда с размаху ударил по нему кулаком. Одно мгновение Конану было

очень плохо — его точно оглушило. Страсти слишком яростно бушевали в нем.

Затем он услышал тихий металлический звук. Ловким движением Конан скользнул в тень, куда не могла достать мерцающая в темноте сталь.

— О нет! Никаких поединков! — Евлалия едва не рыдала от волнения. — Рандальф, убери меч в ножны. Конан, не пугайся. У меня есть свет.

В темноте раздался стук кремня. Затем вспыхнула искра, которая скорее мешала смотреть, чем освещала что-либо. Но вот дрожащий огонек успокоился и превратился в ровное свечение масляной лампы, стоявшей на подставке у стены тесного помещения.

Эта комната была всего лишь прихожей перед двумя дверьми, которые теперь были заперты. Каменная лестница уводила куда-то вверх. Где она заканчивалась? Этого отсюда было не разглядеть.

Дама, одетая во все красное, устало опустилась на подушки. Ее высоко взбитые волосы растрепались и висели длинными каштановыми прядями. Она сделала неудачную попытку снова уложить их в прическу, сердито глядя на человека, которого называла «Рандальф». Затем, покраснев, бросила взгляд на Конана:

— Мне очень жаль. Ты был таким... неукротимым. У меня совершенно не было времени объяснить тебе мои побуждения.

Голос Конана прозвучал довольно грубо: — Что за грязное дельце вы тут задумали? — Он потрогал свой длинный кинжал. — Был у меня такой случай. В городском квартале не из богатых пошел я с девкой в ее комнату, а там уже ждал парень. Помнится, оба они кончили скверно. Уж никак не ожидал, что такая же гнусность ждет меня во дворце, где полным-полно дворян и всяких благородных.

Рандальф выругался и поднял меч, который опустил, только повинуясь желанию дамы. Он заговорил — сердито, против воли:

— Мне нужно было бы знать заранее, что ты будешь обходиться со знатной дамой на свой грубый варварский манер, ты, наемник. Но если ты посмеешь оскорбить мою даму грубыми речами, то я вырежу твой поганый язык из твоей грязной пасти!

Евлалия схватила его за руку, чтобы остановить своего дружка. Она повисла на его локте.

— Нет, мой дорогой, это мы его обманули. — Она посмотрела на Конана и снова залилась краской. — Лейтенант ничего не знает о твоих правах на меня.

Конан глядел теперь на Рандальфа с новым интересом. Он был старше красивой женщины. Вероятно, старше и Конана. Талия его уже слегка заплывла жирком. Однако он выглядел хорошо сложенным. Волосы над бровями были прямо

подстрижены, а на затылке выбриты, как это было в обычае у местных жителей. Его круглое лицо выглядело здоровым, как будто он много времени проводил на свежем воздухе. Коричневая куртка, штаны и сапоги — все было чисто и сияло, как отполированное седло. Конан счел его за богатого землевладельца.

С коротким поклоном сказал он этому человеку:

— Если ваша дама любит вертеть хвостом перед наемными солдатами, то вашу ревность вполне можно объяснить и простить.

Рандальф поглядел на него недоверчиво и протянул руку с мечом, будто желая оградить от него Евлалию.

— Прости меня, Конан! — Голос Евлалии звучал ласково. — Мы всего лишь хотели поговорить с тобой наедине о совершенно определенных вещах. — Она беспокойно оглянулась в помещении, после чего осторожно продолжала: — Политические вопросы, о которых нельзя разговаривать при большом скоплении народа. Наша встреча должна быть поэтому тайной. Я хотела поговорить с тобой позднее на этом празднике, но ты так быстро собрался уходить... Пришлось разыграть эту импровизацию.

— Стало быть, твой интерес ко мне — всего лишь ловкий фокус. — Конан делал вид, будто не замечает, как густо покраснела Евлалия. — Невинная интрижка с наемником должна была

прикрыть куда более крупную интригу. Но зачем было разлучать меня с Гундольфом? Я его офицер, а он человек — достойный доверия.

— Но можем ли мы в самом деле доверять ему, Конан? Мы знаем только о твоём столкновении с этим демоном преисподней, с Агохофом. — Теперь голос женщины звучал страстно. — Сегодня вечером ты открыто высказал свои взгляды перед Ивором. Разве твой капитан отважился бы на такое? Разве он защитил твои претензии перед принцем, разве поддержал твои справедливые упреки? — Она обвила рукой шею Рандальфа. Высоко вскинув голову, яростно сверкая глазами, Евлалия сказала: — Нет, я боюсь, что большинство наемников беспокоится только о том, как бы потуже набить кошельки. Им безразлично, за что бороться.

— Гундольф никогда бы не сказал, что это не так. И все же он хороший человек. — Конан сердито сунул кинжал обратно в ножны. — Да и я не лучше. Но вы почему-то видите во мне своего рода прирожденного мятежника. Я действительно говорю и действую согласно моим убеждениям. Да я только против колдовства выступаю, да вот еще не люблю, когда жестоко поступают с невиновными.

— Подобные мысли, к сожалению, очень редки, но мы знаем еще одного человека, который их разделяет. — И снова Евлалия с тревогой огляделась по сторонам. — Идем, здесь слишком

опасно вести такие разговоры! Этот человек ждет нас в своих покоях. — Она высвободилась из объятий своего возлюбленного и охранника и с высоко поднятой лампой пошла к лестнице. — Я пойду первой и дам вам знать, если кого-нибудь встречу на пути. Рандальф, ты будешь замыкающим.

Конан последовал за Евлалией по лестнице. По дороге он любовался ее прелестными бедрами и лодыжками. Наличие за спиной Рандальфа было, с точки зрения Конана, не слишком успокаивающим фактором. Но тот оставался на почтительном расстоянии и только высматривал за каждой дверью шпионов — не прячется ли соглядатай.

Они миновали две арки, убранные занавесами. У третьей Евлалия раздвинула занавес и провела обоих мужчин в короткий коридор. Там она подошла к одной из четырех дверей и тихо надавила на ручку. Затем заглянула внутрь, прежде чем подать знак своим спутникам.

Помещение было, без сомнения, предназначено для гостей. Маленькое, однако роскошно убранное дорогими стенными коврами. Там находилась также кровать резного дерева. В середине помещения находился человек. Судя по одежде и выправке, он принадлежал к высшей аристократии страны. Сперва он даже не поднял глаз, потому что играл с маленьким желтым котенком,

гонявшимся по ковру. Он размахивал веревочкой с бантиком на конце туда-сюда и по-детски радовался, глядя, как маленькое создание носится за игрушкой, пытаясь схватить ее.

Самым заметным во внешности этого человека была его худоба. Когда он наклонялся, можно было видеть его узкую грудь, опущенные плечи — такая фигура не могла принадлежать ни воину, ни крестьянину. И тем не менее он не казался больным. По-своему он был наделен юношеской привлекательностью. Его темные выющиеся волосы поседели на висках. Голова казалась слишком крупной для такого узкого тела. Только эта седина, пожалуй, и выдавала его возраст. Он был гладко выбрит. На нем был зеленый бархатный костюм с серебряной отделкой. Когда посетители вошли, на лице его сохранилось мечтательное выражение.

Евлалия присела в поклоне.

— Барон Стефани, вот тот человек, которого я хотела вам представить.

— А, да, Конан, лейтенант наемников. — Стефани оставил бантик на растерзание котенку. Он встал и пожал Конану руку. — Еще один человек, который сомневается насчет того, по правильному ли пути идет наше восстание.

— До сегодняшнего дня у меня не было никаких сомнений, — заявил Конан. — И Ивор, вероятно, еще поймет, кто лучше сумеет отстаивать его интересы.

— В высшей степени маловероятно. — Барон Стефани поднял на руки котенка, который запутался в веревочке. — Тантизиум уже очень давно управляется из рук вон плохо. Дольше, чем кто-нибудь из его граждан может припомнить. И так было задолго до того, как на престол взошел могущественный Страбонус Кофский. Для нового вождя куда проще следовать старому скверному примеру, нежели искать новую, лучшую форму своего правления.

И он нежно провел рукой по шерстке зверька, притулившегося у него на коленях.

— Мы последовали за Ивором, потому что у него были все качества вождя. У меня их, к примеру, нет и в помине. Это человек силы, человек действия. Его слова вызывают мечты о светлом будущем. Он умеет окрылить фантазии своих подданных, потому что он умело взывает к их патриотическим чувствам. — Стефани задумчиво покачал головой. — Но кто знает, какие мрачные картины таятся на самом деле в глубине его души? Некоторые из нас, кто привел его к власти, мало доверяют его внутреннему голосу. Но садитесь же, Конан, и вы тоже, наши отважные послы!

Конан пристроился на краю стола, между бароном Стефани и дверью.

— От вождя прежде всего требуется сила. Это куда важнее, чем доброта. Если Ивор единственный, кто может сплотить все ваши

соперничающие партии в единую силу, то ослаблять его было бы настоящей катастрофой. Если вы сплетете заговор за его спиной, то месть Страбонуса постигнет вас куда раньше.

Стефани кивнул:

— Да, лейтенант, мы попали в старинную ловушку всех мятежников. Новый режим должен быть строже, чем свергнутый. Но тут есть одна деталь, которая вам, человеку в этих местах новому, еще не известна. Если хотите знать, в глазах народа авторитет Ивора сильно пошатнулся. Не хочу утомлять вас пересказом семейной истории принца или историей Тантизиума. Скажу только: у нас есть весьма веские причины не спускать глаз с этого человека.

Короче. Вся эта ситуация сильно напоминает игру с котенком. Видите эту прелесть? Очаровательное создание, не так ли? Однако кусается, как чертенок.

Стефани вздрогнул, когда котенок с горящими дикими глазенками повис на его зеленом рукаве и впился в локоть всеми своими преострыми коготками.

— Мой управляющий подобрал этого зверюгу и принес мне. Не имею никакого представления, какая кошка из него вырастет — ласковая, домашняя, ручная мурлыка или хищный ворюга, маленькая пантера. Постепенно, кстати, склоняюсь к последнему мнению.

Он встал, подошел к деревянному ящику, водруженному на стол. Протянул руку и стряхнул туда котенка. Послышалось гневное мяуканье и тотчас же скрежет коготков по стенке — котенок хотел выбраться.

Барон взглянул на Конана, поправляя рукав на своей тощей руке.

— Точно так же при каждой новой перемене правительства мы ждем — какой правитель вылупится из очередного яйца. До сих пор ничего, кроме хищников и стервятников, не получалось. — Он в задумчивости покачал головой. — Тантизиум не вынесет еще одного. Поменять тирана, который где-то там, далеко, на тирана, который здесь, под боком, — вот уж воистину невыгодный обмен для Тантизиума.

Конан нетерпеливо сказал:

— Ваши представления о королях и властителях весьма наивны, барон. С тем же успехом вы могли бы искать золото в выгребной яме. Шансов на успех больше, чем при поисках добросердечного и порядочного человека среди хайборийских владык.

Стефани покивал с грустным видом:

— Этого я тоже опасюсь. И все же, если я предоставлю вам ясные доказательства того, что Ивор не в состоянии управлять страной, а в особенности доказательства того, что он совершенно не доверяет своим наемникам, — вы

станете моим посланником к капитанам наемных солдат, вы склоните их помочь мне?

Конан пожал плечами:

— Сперва я должен убедиться в ваших доказательствах.

— Тогда приходите снова две ночи подряд. Один. Как только взойдет луна.

Конан недоверчиво покосился на барона:

— А как я буду проникать во дворец? Мне что, перебить стражу? Или тут есть подземный потайной ход под стенкой?

Стефани посмотрел на него сердито:

— Поверьте мне, Конан, вам бы очень не понравилось в здешних подземельях ночью, да еще в одиночку. Мои помощники покажут вам, как сюда проникают.

Он кивнул Евлалии и Рандальфу, сидевшим на отлакированном сундуке. Молодая женщина поднялась, взяла Конана за руку и по ковру провела его к занавесу, закрывающему окно, которое выходило на балюстраду.

Там они остановились, чтобы он лучше запомнил вид, открывающийся из этого окна, — длинную стену дворца, освещенную факелами, которые были установлены на подставках, удаленных друг от друга на значительном расстоянии; по стене ходило несколько часовых. За ней лежали острые крыши городских домов. Со стороны главных ворот долетал шум из лагеря наемников. Видны были желтые огни горевших на

рыночной площади костров. Снаружи внешней городской стены горели огни в лагере наемников. Ночь была теплой. Доносился аромат цветов. Конан с трудом подавил острое желание обнять за талию женщину, что стояла так близко к нему.

— Видишь тот высокий дом с резным карнизом, который так близко примыкает к дворцовой стене? — Евлалия показала на него своим золотым ноготком, а затем продолжала: — Там живет только один старый возчик в комнате у самой земли. В следующую ночь дверь будет открыта. Из люка между крышей дома и стеной дворца будет положена лестница. — Она указала киммерийцу на пятно, расположенное почти прямо под окном, где они стояли. — Эта дверь не охраняется. Ход ведет к той лестнице, по которой мы прошли сюда. — Она взглянула ему прямо в глаза. У нее было бледное, взволнованное лицо. — Ты сможешь это сделать так, чтобы никто не поднял тревоги?

— Да. — Он ограничился коротким кивком и снова повернулся к собравшимся в комнате. Рандальф стоял прямо позади них и совершенно явно слышал весь разговор. Он выглядел очень встревоженным.

Затем Конан обратился к барону:

— Барон, вы слишком умны, чтобы затевать всю эту игру со мной только ради собственного

развлечения. — Конан указал головой на двоих заговорщиков, стоявших у окна: — Эти влюбленные птички могут быть очень неплохи... только надо бы убедиться в том, что они разделяют вашу мудрость касательно игр. — Он сжал руку Стефани так, что тот скривился. — Увидимся через два дня.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КОНАН-ЛЕЙТЕНАНТ

— Оружие к бою! Вперед! Шаг вперед — удар — назад! Нет! Нет! Нет! Вы что, траву косите? Больше ярости!

Конан так перенапряг голос, что теперь орал хрипло, точно каркал. Огромная тяжесть скуки придавила его плечи. Перед ним без малейшего энтузиазма фехтовало деревянными планками и всяким дрекольем пестрое сборище разных там землепашцев, пастухов, ремесленников, набранных из города. День напролет они тренировались на склоне холма между городской стеной и лагерем наемников. Теперь день уже клонился к вечеру, солнце заливало светом белые стены за спиной Конана. Его лучи горели на его уставшем теле, как будто сейчас был еще жаркий полдень.

Но еще куда хуже, чем жара или усталость, была эта ужасная скука. Если бы ему сейчас разрешили собственными руками перебить этих тупоголовых добросердечных болванов, он не стал бы лить по ним слезы. Но сделать из них боеспособных солдат — это было нечто иное.

— Э, парни, довольно! Теперь каждый по отдельности. Ты, там, давай победи эту вражину... то есть мешок с сеном!

Конан схватил мешок, набитый соломой, который висел на палке, и бросил его в парня, стоявшего впереди, худенького крестьянского юношу. Парень провел сильный, но неловкий выпад, отражая атаку падающей на него куклы. Затем выронил свой деревянный меч, отскочил и начал вытаскивать занозы из руки.

— Следующий! — рявкнул Конан. — Думай, что этот мешок — свирепый кофийский копьеносец! Он хочет пронзить тебя своим копьем!

Приземистый подмастерье портного с коротко остриженными волосами отразил нападение мешка героическим ударом. Но затем скорчился от кашля, поскольку его отважная атака выпустила на волю целые тучи пыли.

— Довольно! — Конан поднял руку. — Теперь бейтесь парами! Медная монета тому, кто разукрасит своего противника, как майскую розу.

Когда деревянные палки дружно застучали друг о друга, Конан спустился вниз по холму. Там тренировалось сорок рекрутов под ленивым надзором Бильхоата.

Киммериец остановился возле своего старого товарища, который, как и он сам, некогда был вором, а нынче сделался офицером.

— Боюсь, эти деревенские чурбаны никогда не смогут выступить против Седьмого Легиона короля Страбонуса.

— Нам это только на руку. В таком случае нам не следует бояться, что мы останемся без работы. — Он подмигнул Конану. Питомцы Бильхоата неровными рядами бегали по полю туда и сюда.

— И все же, если мы сможем вложить им в руки настоящие мечи, они, возможно, чему-нибудь да научатся. — Конан поиграл своим мечом. — Когда ты познал тяжесть оружия, ты, считай, постиг половину всего искусства.

Бильхоат потряс головой:

— Эти сейчас научились бы только одному: как отрубить себе пальцы. Очень мудро со стороны принца Ивора не давать им острую туранскую сталь, пока не дошло до настоящего дела.

— Возможно, ты и прав. — Конан рассмеялся. — Возможно, эти парни что-то и смогут сделать, особенно если принц Ивор польет их животворной водичкой своих речей. — Он поглядел на склон холма, где бились его рекруты. — Мне пора. Мои идиоты передрались.

Киммериец пошел вверх по склону, где два конюха катались по земле, сцепившись. Свои «мечи»-палки они отбросили. Они пытались выцарапать друг другу глаза или откусить уши — как получится. Конан схватил обоих за воротники, сильно стукнул пониже спины, а затем

отбросил — одного налево, другого направо. Зрителям он заорал:

— Довольно! На сегодня хватит! Идите по домам!

Когда последний из питомцев Конана исчез, он забрался в тень виноградника. Если так пойдет и дальше, то скоро распустят остаток этой гражданской самообороны. Он подошел к остальным трем офицерам, и все вместе они зашагали к городским воротам.

— Ах, Конан, после такого денька муштры всех этих гражданских мне по-настоящему становится жаль, что я тут и участвую во всем этом дерьме, — говорил низкорослый аргосиец с тщательно ухоженными усами. Он глядел на Конана с тоской и яростью.

Конан засмеялся.

— Вот так так, Павло! Зато и оплата в три раза выше прежней.

— Дерьмо! — пробормотал толстяк, шедший за ними следом. — Трижды ноль все равно будет ноль! Наши начальники должны меня еще убедить, что день выплаты жалованья действительно настанет, когда вся эта мутотень останется позади. Что до уважения... — И он поставил финальную точку своим жалобам, шумно испустив газы.

Все расхохотались.

— Все это чистая правда, Франос! — подтвердил Бильхоат. — Вы заметили, что цены в

этом проклятом городе сильно возросли, с тех пор как Ивор отдал приказ открыть нам неограниченный кредит? Думается, я проел уже все, что мне причитается по выплатам.

— Если смотреть, как ты вливаешь в себя грог, то трудно в этом усомниться, — сказал Павло. Все опять засмеялись.

— Мужики, вот и городская стража. Делаем мужественное лицо! — Конан мотнул головой в сторону солдат, одетых в серое, которые стояли в помещении таможни и с неподвижными лицами обменивались тихими замечаниями, пока наемники проходили мимо. Конан прошептал: — Они подумывают, не конфисковать ли наше оружие. Что ж, вполне могут попытаться.

Однако когда дежурный офицер увидел знаки различия проходящих наемников, он приветствовал их молчаливым кивком.

— Проклятые уличные воришки! — прошипел Бильхоат. — Так и вертятся, так и ходят вокруг с гордым и независимым видом, а сами думают, как бы запустить лапу в наши кошельки.

Бывший вор выразительно согнул палец, как только стражники повернулись к нему спиной.

— Да, они с нами обходятся довольно-таки сурово, — сказал Франос. — Особенно когда была та склока, два дня назад, когда Варг и его подвыпившие дружки рвались в запретный квартал города.

— Если они только попытаются встать у меня на дороге, я сделаю из них коровью лепешку, — заявил Бильхоат. Его сморщенное лицо приняло решительное выражение.

— Да уж, — согласился с ним Павло, — мы могли бы поджарить их дерьмовый город и слопать его на серебряной тарелке. — Он с бешенством посмотрел на Конана. — Не так плохо быть офицером, если это позволяет тебе входить в город вооруженным.

Разговаривая, наемники миновали рыночную площадь и вошли в кабак, открыв полукруглую дверь, над которой сверху был прибит измятый щит. На щите был изображен светящимися яркими красками красный ястреб, устремляющийся на бегущего зайца. Кабак был огромен, как караван-сарай, там было темно и дымно. Дымила гигантская печь, расположенная где-то в недрах заведения.

Помещение было полно людей, которые бездельно стояли или сидели, поскольку не для всех нашлось место на скамье. Каменный прилавок отделял посетителей от бочек с вином и пивом. Узкий проход за прилавком был предназначен только для служащих. Столы и скамьи были сделаны также из камня и стояли на небольших возвышениях. Таким образом, в конце рабочего дня было достаточно всего лишь нескольких ведер воды. Облил все это хозяйство — и готово, снова все чисто. Кроме того, имелся еще второй

выход на улицу. С какой стороны ни посмотри, а это идеальное место для пьяных солдат, думал Конан. Надежное и спокойное. Если вообще возможны спокойные места.

Вновь пришедшие были встречены громкими приветственными криками, пока пробирались к прилавку. Соленые шуточки, высоко поднятые пивные кружки — все это стихло за тем столом, где сидел Зено с его закадычными друзьями из отряда Гундольфа. Они бросали на киммерийца мрачные взгляды. Зено был офицером, и, следовательно, ему тоже позволялось носить оружие в черте города. Теперь одна его рука беспокойно гладила рукоять меча, а другая подносила к губам кувшин с вином.

— Что будем сегодня пить? — осведомился Конан вполголоса. — Пиво? Отлично! Принеси нам четыре кувшина, Белда! — Он бросил звонкую серебряную монету на прилавок. — И будь готова, детка, быстро вновь наполнить их живой влагой, ибо, имея дело с такими парнями, как мы, эти бедняги быстро иссякнут.

Дородная кабатчица, имевшая такой вид, будто приходилась мамашей доброй половине своих постояльцев, принесла большие глиняные кувшины и с интересом посмотрела, как они показывают доньшко четырем наемникам. Терпеливо собрала она пустые сосуды, снова наполнила их и вновь потащила раздавать ненасытным пьянчугам. Четверо наемников отошли от прилавка и со

свирепыми ухмылками направились к одному из столов. Тотчас же остальные посетители дали им место, чтобы они также могли опуститься на жесткие скамьи.

— Ах, осточертело мне смотреть на этих неумытых девиц, которые водятся в открытой части города. — Павло бросил взгляд на молодую особу, облаченную в лохмотья, которая, держа в руке гигантскую бутылку, проталкивалась сквозь толпу. Щипки и дружеские похлопывания пониже спины — все это, судя по всему, было ей знакомо. — Должны же быть в этом городе девки покраще.

— Да уж, — Франос кивнул со скорбным видом. — Отцы города набили бордели и кабаки Тантисиума своими дочерьми, которых никто никогда не взял бы замуж.

— Не забудь и тех, кто уже трижды побывал замужем, как толстуха Филиопа в «Охотничьем Роге». — Бильхоат почесал живот, изображая толстую бабу. Все застонали от смеха при этом представлении.

— Слушайте Бильхоата! Он спит в ее объятиях, как комнатная собачка!

Это замечание вызвало восторженный рев.

Сосед Конана, темноволосый мошенник, который уже изрядно набрался, вмешался в разговор:

— Среди баб-наемниц есть несколько сладеньких. — Он сощурил глаза и оглядел собрав-

шихся. — Неужто ни с одной не провели приятного часика?

Бильхоат нахмурился:

— Я скорее проведу ночь с кабаном, и плевать на его жесткую шкуру, чем с одной из этих баб, которые увешаны кинжалами и шпильками и готовы в любую секунду пустить их в ход. — Он содрогнулся. — Или с драконом в его чешуе...

— Хочу предупредить любопытных, — сказал Павло. — Некоторые уже нарвались. — Его огненные глаза заблестели, когда он заговорил. — Не далее как вчера ночью мне пришлось оказывать помощь одному бедняге. Не хочу называть его имени. Они повесили его за ноги на дереве, неподалеку от их лагеря, причем вместо веревки использовали его собственные штаны. Он был слишком пьян, чтобы освободиться самостоятельно.

Когда слушатели взорвались громким смехом, Павло тихо сказал Конану:

— Это их способ мстить. Жертва никогда не станет рассказывать о случившемся, потому что положение уж больно унижительное.

Конан в задумчивости кивнул.

— Нет, — заявил Франос, — бессмысленно даже и лезть к этим меченосным шлюхам. Доходили до меня кой-какие слухи насчет подобных бабенций. — Знающим взглядом поглядел он на собравшихся за столом. — Для мужчин у них

просто нет применения. И в бою, и в постели они охотнее остаются с себе подобными.

Собравшиеся закивали и забормотали в знак согласия: мол, как же. Слыхали.

— Ну и времена настали! Женщины выступают против законного господства мужчин, — заметил Бильхоат. — Я слышал, что они даже сидят на троне в некоторых королевствах.

— Это так, — сказал Конан. — Год назад я сам помогал Ясмеле стать королевой в пограничном царстве Хорайян, это не так далеко отсюда.

Задумчиво он уставился в пустые глубины своего кувшина.

— Найти справедливую властительницу не так легко. В любом случае правление хоть кого делает жестоким, если хотите знать мое мнение.

— В южном Шеме есть целый город, где полным-полно диких женщин, — заявил один из слушателей. — Чтобы размножаться, они нападают на шемитские караваны и валяются в постель с пленными. Правда, на одну только ночь. Затем они приносят мужчин в жертву, а также убивают всех детей мужского пола. Этого требует их жестокий вонючий бог.

— Меня это вовсе не удивляет, — заметил другой. — Шемиты вообще не мужественны. Им бы прибыль да денежки, а насчет того, чтобы удовлетворить женщину...

— И что ты хотел этим сказать, ты, немедийское дерьмо? — загремел чей-то голос с шемит-

ским акцентом. — Немедленно возьми назад свое оскорбление, или я затолкаю тебе в глотку твое же говно!

— Довольно! Эти крестьянские чурбаны с севера достаточно оскорбляли нас! — завопил другой пьяный голос. — Каждый шемитский солдат стоит четырех из них!

Говорящий был хрупок и беззащитен с виду. Но со спины его прикрывали крепкие парни с дубинами на плече.

— Кого ты там назвал крестьянскими чурбанами, ты, овечка пустыни? — спросил бритуниец, в шерстяном жилете на голое тело. Он наклонился, когда пивной кувшин просвистел в воздухе и разбился о колонну возле его уха. С криком ярости он призвал своих камрадов к героическим деяниям. — В атаку, друзья!

Теперь повсюду можно было слышать, как из ножен извлекаются спрятанные доселе кинжалы.

Бритуниец хотел продолжать, однако сильная рука схватила его за загривок и утащила в сторону. Это был Конан.

— Ну нет, Ульрат, только не сегодня. — Киммериец втиснулся между спорщиками. — Бессмысленное кровопролитие. Нечего тупить кинжалы друг о друга, когда есть достойная цель — сторонники кофийского короля.

Ульрат покраснел, как свекла.

— Пошел на фиг, Конан! Эти парни из Ше-
ма — они уже давно нарываються на неприятно-
сти, а теперь они получают то, чего хотели.

Конан отпустил его, однако продолжал сто-
ять рядом. Он мрачно взирал на спорщиков.

— Я говорю как офицер. И я здесь не
один. — Он кивнул в сторону своего стола, из-за
которого медленно поднимались трое его спут-
ников, каждый держа руку на рукояти меча. —
Национальные распри — это проклятье всех
вольных наемников. Бессмысленное времяпре-
провождение, вот что это такое, я вам скажу.

— Он прав. — Все головы повернулись в сто-
рону этого нового громкого голоса. Это был Зено.
Сопровождаемый несколькими солдатами из ко-
манды Гундольфа, он протолкался на середину
кабака. — Сущий идиотизм расточать силы в
подобном соперничестве, когда есть вещи куда
посерьезнее. Например, ложь! И предательство
своих товарищей — такое предательство, как...
убийство!

Его слова вызвали беспокойство среди солдат
и заставили забыть их о прежнем споре.

— О чем ты? О каком убийстве ты гово-
ришь? — допытывался Ульрат.

Зено самоуверенно бросал взгляды по сторо-
нам. Он был силен и очень красив со своей
пышной рыжей шевелюрой. Его хвастливые сло-
ва могли быть отнесены не только на счет опья-
нения.

— Что я имею в виду? Убийство Стенгара,
одного из командиров Гундольфа, чрезвычайно
им ценимого. Убийство молодого Лалло. Убийст-
во своих товарищей, совершенное под маской
честного боя. Чтобы скрыть это преступление,
капитану была выдана грубая ложь. Чье это
преступление? Этого человека, который тут пы-
тается командовать вами. Убийство совершил
Конан, этот киммерийский варвар!

При последних словах он указал на мрачное
лицо обвиняемого.

Поднялся нестройный гул голосов. Конан пе-
рекрыл его ревом:

— Действительно, трудно говорить об этом,
Зено. Следи, куда ступаешь, а то вляпаешься в
худшее дерьмо!

— Слыхали? — яростно завопил Зено. —
Этот негодяй грозит мне какими-то разоблаче-
ниями! Да ты знаешь, что я видел их тела? Они
были убиты оружием, оружием, я это видел!

— Я не скрываю, что сделал это, — Конан
передернул плечами и заодно удостоверился в
том, что поблизости нет ни одного из его вра-
гов. — Стенгар также не скрывал, что хочет
убить меня из-за угла. И вы все, у кого еще есть
уши и глаза, это знаете. Мы честно поквитались.
И я сделаю это еще раз, если кто-нибудь захочет
рисковать своей жизнью.

— Таких довольно, ты, выскочка! — крик-
нул Зено. — У тебя хитрый план, но тебе больше

не удастся убирать со своей дороги людей, которым ты и в подметки не годишься. Вот и поквитаемся!

Выхватив меч, он набросился на Конана. Тот тоже поднял оружие, отражая натиск.

Сталь ударилась о сталь. И тут кто-то закричал:

— Городская стража! Кто-то позвал стражу! Быстро, делаем дружеские лица, товарищи!

Большинство посетителей до сих пор еще не решилось, чью сторону в этом споре взять. Теперь ворвавшиеся в кабак солдаты оттеснили их щитами и пиками. По воздуху пролетело несколько пивных кувшинов, но на этом скандал и затих. Против длинных копий не попрешь. Исторгающая проклятия толпа разделила обе группы вооруженных офицеров.

Стражники быстро и умело очистили кабак. Они выгоняли толпу из обоих выходов. Снаружи, озаряемый светом факелов, стоял еще один отряд, примерно двенадцать одетых в серое фигур, которые отправляли наемников продолжать свои склоки на рыночную площадь. Последние из кутил, выброшенные из кабака, еще немножко покрутились вокруг, ругая стражников на чем свет стоит. Но потом и они разошлись и направились в иные, подобные же заведения.

Зено догонял своих друзей с пылающим от ярости лицом, держа меч обнаженным. Затем кто-то заметил ему, что клинок-то обломан

почти под рукоятью. С недоверчивым удивлением уставился он на свое оружие, а потом с яростным проклятием швырнул обломок на мостовую переулка. Он носился в поисках своего врага по городу, однако не сумел его найти.

Между тем Конан вместе с тремя остальными офицерами быстро шел к городским воротам. Павло приходилось почти бежать, чтобы не отставать от рослого киммерийца. При этом он еще и разговаривал с Конаном.

— Правда то была или ложь — подобное обвинение ты не можешь оставить просто так. Оно будет висеть у тебя за спиной, тебя опозорят.

— Да, это рискованно. — Конан мрачно глядел себе под ноги. — Этот Зено ревнив. Вероятно, мне придется убить его... Но не сегодня же вечером. — Он потряс головой. — Мне не хотелось бы привлекать к себе внимание ни наемников, ни городских стражей. Особенно стражей.

Бильхоат кипел от ярости:

— Эти треклятые свиньи, городские шавки! Оскорбить честных солдат! Мы должны поднять всех наших товарищей зовом боевой трубы! И пусть они набросятся на городских и разграбят их арсеналы. — Гордо шествуя мимо охраны городских ворот, он наградил стражника гневным взглядом. — Тогда мы сможем гнать этих сволочей до самого дворца.

— Помилосердствуй, ты, неукротимый мститель! — крикнул Франос. — Митра в своей мудрости постановил, что не суждено нам погибнуть от жажды.

Он извлек из-под своей куртки спасенный кувшин, в котором что-то многообещающе булькало.

— Глядите-ка, что дала мамаша Белда своему толстому карапузику!

С радостными воплями обступили его остальные наемники. Несколько минут стояли они под самыми воротами. А затем, смеясь и отпуская шуточки, пошли по улице.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПАЛАТКА БЛАГОВОНИЙ

Значительно позднее тем же вечером — луна уже поднялась над городскими воротами — Конан в одиночку задумчиво шел по тихому лагерю наемников. Он пил и играл в кости со своими товарищами. А теперь он проводил к палатке последнего и остался один. Интересно, где его собственная палатка? Это вопрос для пьяной головы. Отыскать место, где ночевал, было совсем не так легко. Кутеж завел его в совершенно незнакомую часть лагеря, а если учесть, что внешний облик этого стойбища постоянно менялся... Да и шаги его, прямо скажем, не отличались твердостью.

В свете луны палатки принимали причудливые формы. То и дело он спотыкался о невидимые колышки и тросы. Один раз наступил на какого-то человека, безмятежно спавшего под открытым небом. Тот обложил его яростной бранью на неизвестном языке.

Конан близился к большой восьмиугольной палатке. Несмотря на ее странный внешний вид и обособленное положение, она также не могла служить для киммерийца ориентиром. Он так и

не понял, где находится. В палатке видел он слабый свет от лампы или жаровни. Он поразмыслил, не постучать ли у входа и не спросить ли дорогу.

Он погрузился в раздумья. И в этот момент из тени высокого дерева донесся голос:

— Прочь, топотун! Ты на опасной земле. Это первое и последнее предупреждение.

Голос звучал холодно и равнодушно. Но, без сомнения, он принадлежал женщине. Конан остановился и вгляделся в темноту, пытаясь увидеть говорившую.

Тут голос раздался вторично. Но на этот раз он звучал не как грубая сталь. Это была воистину мягчайшая замша.

— погоди! Возможно, я была с тобой груба... или слишком мягка. Теперь я узнала. Ты Конан, защитник женщин.

Конан заморгал, чтобы лучше видеть в темноте.

— Это почетное звание больше подходит тебе, Друзандра.

Воительница рассмеялась — голос у нее был довольно-таки приятный — и подошла на несколько шагов.

— Верно! В настоящий момент это моя роль, как в каждую из этих четырех ночей. Только так подразделение, состоящее из женщин, может спокойно спать в этом загоне для диких кабанов.

Она мотнула головой, показывая на стоящие кругом палатки.

Конан постарался, чтобы ни голос, ни выражение лица у него не менялись.

— Я слышал, что вы большие мастерицы в охоте на диких кабанов.

— Особенно в их подвешивании. — Друзандра хихикнула. — А также в приготовлении жаркого. — Ее глаза сверкали в свете луны. — Тебе не следует опасаться, Конан. До сих пор ты еще не запятнал себя ни одним позорным поступком.

На Друзандре был темный плащ с капюшоном, сейчас откинутым на спину. Когда она переменяла позу — прежде стояла прямая, как свечка, а сейчас встала свободнее, — Конан увидел, как под тусклыми лучами луны сверкнул ее обычный нагрудник и кольчуга. Она уперла руку в бедро и сказала:

— Мы даже не хотим знать, почему ты шляешься здесь в такой час.

При слове «мы» Конан пристально вгляделся в темноту. Он был сбит с толку, когда еще одна темная фигура бесшумно выступила из мрака и встала куда ближе к нему, чем ему бы хотелось. Это была легконогая Ариэль, также одетая во все черное. Ее руки выжидательно покоились на рукоятках меча и кинжала.

— Мы могли бы даже пригласить тебя, — продолжала Друзандра. — Давно уже в наших палатках не было гостей.

— Зато не так уж давно гости пытались к вам проникнуть, — заметил Конан и отошел в сторону, чтобы не стоять между двух вооруженных женщин. — Если вы задумали один из своих поганных фокусов, какие проделываете над мужчинами, то должен вас предупредить...

— Нет, Конан, ты вовсе не должен нас бояться. — Содержали ли ее слова хорошо замаскированную насмешку или же были продиктованы честной гордостью, этого он не мог с уверенностью сказать. — Ты вел себя мужественно и благородно. Поэтому можешь рассчитывать на мое особенное... уважение. Думаю, мои подруги разделяют мое мнение. Верно, Ариэль?

Конан поглядел на Ариэль; однако она отвернула лицо и молча глядела в землю. Ее лицо было погружено в темноту, так что Конан не мог угадать, что оно выражает.

— Ну так идем!

Друзандра пошла вперед, уверенная, что он повинует. Она пошла к низкому входу в освещенную палатку. Там она сказала что-то кратко и тихо кому-то из находившихся внутри, затем откинула в стороны вышитые клапаны палатки. В приглушенном свете лампы было видно уютное, гостеприимно зовущее помещение.

— Почему бы и нет? Клянусь Иштар! — пробормотал Конан и последовал за Друзандрой. Он пригнулся и вошел, ступая за рукавом, пах-

нушим дымом и мускусом. Она тоже вошла в палатку, а Ариэль осталась снаружи.

Палатка была убрана скупой, но очень приятно. Ковры и меха покрывали пол, шелковые одеяла и пестрые подушки лежали вдоль «стен» палатки — там спали. Седла служили креслами. В четырех углах горели лампы, так что ни одна предательская тень, подкрадываясь снаружи, не осталась бы незамеченной. Во влажном воздухе висел нежный аромат.

В палатке жили восемь воительниц. Большинство не слишком обеспокоились появлением Конана, продолжая свои обычные занятия: острили оружие, полировали доспехи, чинили одежду, подстригали волосы, чтобы шлемы сидели на них удобнее. Двое устроились на своих постелях, скрестив ноги, поглощенные игрой с фигурками из слоновой кости на черной доске. Одна стояла на коленях возле своей подруги, распростертой на животе, и растирала ее блестящую спину маслом.

Женщины были легко одеты: некоторые только в рубашках, другие — с обнаженной грудью. Внешне они очень отличались друг от друга. Вон тонкая девушка с иссиня-черной кожей, родом из юго-восточных джунглей, а там маленькая гирканийка с широкими плечами и узкими бедрами. Большинство были светлокожими хайборийскими девушками. Они открыто отвечали на взгляды Конана.

Кровь киммерийца вскипела, когда он внезапно увидел так много женщин почти в домашней обстановке. Ведь прежде он видел их только на лошади, в обличии непобедимых (действительно, великолепных!) воительниц, в полном вооружении. Он взглянул на Друзандру. Она сняла плащ, отложила меч и доспех. Под панцирем она носила только шелковую рубаху, которая соблазнительно обрисовывала контуры ее красивого тела.

Конан не долго медлил, откладывая пояс с мечом. Друзандра отвела его на свободное место среди женщин. Он чувствовал токи тепла, которые никак нельзя было приписать теплему воздуху палатки.

— Хочешь что-нибудь выпить, дорогой наш киммериец? Людмила, пожалуйста, возьми на себя остаток моей вахты! — Друзандра опустилась на колени возле жаровни в центре палатки и налила из маленького горшка дымящуюся жидкость. Плотно сбитая женщина с жесткими вьющимися волосами вложила меч, который только что точила, в ножны. Затем встала, надела куртку и двинулась к выходу. При этом она бросила на Конана оценивающий и задумчивый взгляд.

Друзандра налила из бутылки, стоявшей возле огня, еще немного жидкости в оба кубка и подошла к нему.

— Ну вот, Конан. Это пряный чай из Карпашских гор со сливовым вином из Офира. По-

лучше, чем та ослиная моча, которой они торгуют в городе.

Конан обжег себе рот горячим ароматным содержимым кубка. Вежливо, однако очень осторожно он согласился с Друзандрой.

— Огромное спасибо, Друзандра. Такого сердечного приема я никак не ожидал.

— Мы не многим его оказываем. — Она усеялась рядом с ним, скрестив ноги, и взяла кубок обеими ладонями. — Ты можешь представить, какие опасности грозили бы нам со стороны мужчин, вздумай мы в одиночку бродить в одеянии женщин по этому миру, где нас ценят только как коров или как рабынь.

— Тот, кто скверно обходится с женщиной, — не мужчина, а трусливая гиена, — заявил Конан. Он втянул носом аромат чая и твердо посмотрел Друзандре в глаза. — Но если ты встречаешь его с обнаженным мечом, то вряд ли можешь ожидать от него вежливого обращения.

— Тот, кто захочет скверно обойтись со мной, должен быть чертовски храброй гиеной. — Друзандра сделала глоток напитка, который Конан все еще находил чересчур горячим. — Но будем честны, Конан, задолго до того, как каждая из нас взяла в руки оружие, она была уже жестоко оскорблена мужчиной. В браке. Или просто будучи молоденькой девушкой.

Она опустила взор на пылающие угли жаровни.

— Мой отец едва не умер от моей руки за то, что сделал с моей младшей сестрой. Ему потребовалась вся его сила и настойчивые мольбы моей матери, чтобы мой кинжал не вонзился-таки в его грудь. Это произошло, правда, после того, как я спустила его с лестницы. — Она неподвижным взором смотрела на сцену, которая разыгрывалась в ее воображении среди мерцающих углей жаровни. — После этого мне пришлось оставить мою семью, чтобы там сохранилось жалкое подобие мира. Я стала наемницей. Это ремесло я изучила действительно неплохо, больше в битвах с моими так называемыми братьями по оружию, нежели в боях с настоящим противником. И я не одна такая. — Она отбросила с глаз копну белокурых волос и показала на других женщин. Некоторые слушали рассказ своей предводительницы и придвинулись поближе к ней и ее гостю. — И куда бы я ни приходила, я встречала женщин, желавших сражаться. Бежавших из гарема рабынь, отчаявшихся вдов, женщин, которых изгнали из дома насилие или поруганная честь.

Нежным, полным любви взглядом — Конан никогда не видел такого ни на одном лице — она смотрела на своих спутниц. И многие из них кивали в молчаливом согласии.

— Как моя бедная дорогая Ариэль, которая никогда не говорит ни слова. Ее историю рассказал мне один земляк. Она была невинной

крестьянской девушкой из Аргоса, согласной выйти замуж за одного из состоятельных крепостных, сильного молодого крестьянина. В ночь свадьбы, после обычного праздничного пира и танцев, ищейки тамошнего землевладельца украли ее и доставили в дом своего господина. В этой области царит такая традиция, что местный землевладелец пользуется правом первой ночи с каждой девственницей, вступающей в брак.

Этот аристократ был растленным старым пастухом. Когда он потребовал от нее сделать некоторые... отвратительные вещи, она заколола его ножом, который хотела подарить своему супругу в знак заключения их союза. Наверное, старость и слабое здоровье убили мерзавца вернее, чем сила ее удара.

Но как бы то ни было, его смерть осталась до утра незамеченной. Слуги уже привыкли к странному звуку, доносящемуся из спальни господина. Ариэль бежала через окно и бросилась ко двору своего мужа.

Когда она, в слезах, рассказала ему о том, что сделала, он ударил и обругал ее. Он кричал, что она нарушила традиции, что она погубила его. Он хотел отослать ее назад, в дом господина. В отчаянии она ударила ножом и мужа и бросила его в лесу, потому что сочла его мертвым.

Много месяцев спустя она встретила нас. Тогда она была всеми презираемая, почти безумная

от перенесенных страданий женщина. Мы двигались тогда в западный Шем.

Горькое молчание повисло после рассказа Друзандры. Наконец Конан решился нарушить его:

— Эта девушка мне по душе. Я бы и сам не смог бы поступить лучше.

Это замечание переломило серьезное настроение собравшихся. Друзандра рассмеялась, может быть, даже сердечнее, чем все остальные, и положила руку Конану на плечо:

— Мой дорогой, мужчине всегда проще, даже если целый мир против него. — Затем она отставила кубок и положила вторую руку на талию шемитской девушки, сидевшей рядом. — Нам, женщинам, эта солдатская общность дает ощущение безопасности. Особенно после того, что с нами сделали другие. — Она погладила короткие темные кудри своей соседки. — И очень часто они думают после этого, что никогда не смогут доверять ни одному мужчине на свете. Они ненавидят грубость и наглость прущих напролом мужчин.

— Тем счастливее я себя чувствую, видя, что они в состоянии меня выносить. — Конан обвел глазами сидящих вокруг него женщин. Они смотрели на него с настороженным интересом, прихлебывая чай и обмениваясь тихими замечаниями. Та, которая растирала подругу маслом, склонилась теперь над следующей.

— Да, Конан, они не боятся, потому что знают, что я отношусь к тебе с уважением, — пояснила Друзандра. — Они доверяют тебе, потому что ты пришел сюда не среди орды пьяных шакалов, которые хотели нас изнасиловать. Это было бы прежде всего опасно для жизни. Мы в свое время отрезали довольно много у вас, парней... — Она оборвала себя на полуслове и тряхнула головой, будто сердилась на себя за свои же собственные речи. Затем она улыбнулась. — Нет, я совершенно не это хотела сказать. — Она придвинулась поближе к Конану и притянула к себе другой рукой свою шемитскую подругу. — Мы не боимся тебя, потому что нас хранит наш сестринский меченосный союз, понимаешь?

Конан метнул взгляд на Друзандру, однако не ответил, потому что не был уверен в том, что правильно ее понял. Ее близость все еще не внушала ему доверия, и ему было довольно трудно видеть в ней женщину, а не солдата.

С нежностью положила Друзандра руку на плечо Конана:

— Ты знаешь, большинство из нас чувствуют себя с мужчиной не очень-то уверенно... наедине.

Конан кивнул:

— Это я понимаю.

Он посмотрел на женщин. Их лица покраснелись от питья и духоты.

— Готов поспорить, что большинство моих товарищей, оказавшись среди вас в одиночку, тоже чувствовали бы себя не слишком уверенно.

Друзандра улыбнулась:

— Когда одна из нас уходит с мужчиной, она чувствует себя так, будто предаст остальных. Наша жизнь зависит от нашего единства, поэтому мы не отваживаемся жертвовать нашей общностью ради развлечений.

Она поцеловала девушку, сидевшую рядом.

Конан смотрел на это со смешанными чувствами. Его завораживали эти женщины, но испытывал он также и сомнения. Постепенно все эти нежности между женщинами-воинами стали казаться ему скорее любовными, нежели чисто сестринскими.

Тут, к своему удивлению, он почувствовал, как холодные ладони гладят его спину и плечи. Это была северянка в шелковой рубахе, дочерна загоревшая. Она тихонько подкралась к нему. С серьезным видом ответила она на его вопрошающий взгляд. Ее руки сжимали его все сильнее, однако это было приятно. И напряжение оставило его.

Друзандра просунула ладонь под его рубаху и гладила его голую грудь.

— В основе нашего союза лежат сила и уверенность, — сказала она.

Другая гирканийская девушка коснулась ладонью его колена. Она погладила его очень

нежно, а Друзандра прижалась к нему и прошептала:

— Для нас это единственная возможность, ты понимаешь?

Она положила голову ему на плечо. Ее щеки покраснели, рот приоткрылся.

Теперь у Конана больше не оставалось сомнений относительно ее намерений. В его голове пронеслось все, что он мог припомнить о женщинах. Его тело содрогалось под ласками этих воительниц. Его охватило восхитительное чувство бессилия. Он отдавался им, и ему было безразлично, что они с ним делают — целуют или бьют.

Он обвил рукой Друзандру и притянул ее к своим губам. Другие женщины глядели жадными глазами. Некоторые продолжали его гладить. Страсть застилала ему глаза. Смех и вздохи женщин долго еще звучали в его ушах, когда он опустился на постель, окруженный ими со всех сторон.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

МЕЧИ В ТЕМНОТЕ

— Ну так что, Браго? Выследили твои люди уже этого посланника? — спросил принц Ивор предводителя наемников, когда тот показался в темном арочном проеме.

Подкованные сапоги Браго звонко клацали по каменному полу. Он остановился перед двумя мужчинами, которые ждали его, и торопливо поклонился.

— Нет, мой принц. Они кружат вдали от города, как им было приказано. Условный сигнал — тройной факел. До сего дня его еще не видели с башни.

— Будем надеяться, что твои ищейки не пропустят его. — Принц сорвался с места и начал расхаживать по залу. — Ты уверен, что остальные предводители наемников ни о чем не подозревают?

— Да, мой принц. Сегодня в полдень мои люди ушли из лагеря под предлогом тренировок.

— Хорошо. — Ивор провел пальцами по темным локонам на висках. — Я опасаясь еще одной ловушки. Я не знаю, кого пошлет Страбонус — пажа или целый легион. А если это кто-нибудь

из знати, то у нас, возможно, будет хороший заложник.

Зал, где два дня назад проходило то самое большое празднество для наемных солдат, представлял теперь в ином обличье. Пестрые настенные ковры исчезли. Теперь это вновь было скромное рабочее помещение, где горели только две золотые свечи перед троном принца Ивора. В их свете Ивор беспокойно метался перед Браго и еще дюжиной человек. Дальние углы зала и высокие своды терялись в глубокой тени.

— Мой принц, вы действительно не знаете, какое посольство отправил к вам король? — спросил сухощавый бородатый человек. Он был одним из двоих, кто носил здесь форму тантисиумской армии. — Мне кажется, совершенно неважно, кто это будет. Наверняка принесет еще один ультиматум от нашего заклятого врага.

— Не следует так спешить с выводами, генерал Торгас! — бросил ему Ивор. — Откуда я знаю, важно, кого он отправил, или неважно? Я еще ничего не знаю о самом послании! — Он пронзительно глядел на генерала.

— Какие могут быть сомнения! Еще какие-нибудь угрозы, — сказал другой офицер, также генерал, насколько можно было судить по султану из перьев на его шлеме. — Грозить куда дешевле, чем сражаться. Поэтому угрозы милее скупердяю Страбонусу, чем битвы.

Принц сделал нетерпеливый знак трем своим телохранителям.

— Ступайте на башню и следите, следите! Внимательно проверьте, действительно ли пусто во всех залах. И немедленно доложить мне, если кого-нибудь заметите!..

Он не закончил фразы, потому что из прихожей донеслись топот ног и громкий лязг оружия. По неохраняемому коридору двумя рядами шагали... солдаты в пурпурной униформе кофийской гвардии!

— Люди короля! В самом сердце моего дворца!

— Нас предали!

— К оружию!

Эти крики прозвучали одновременно.

Первым навстречу вторгшемуся неприятелю вышел один из телохранителей. Он поднял остро заточенную длинную спату, которой умелый фехтовальщик может нанести смертельную рану сквозь щели в пластинах доспеха. Но не успел он пройти и трех шагов, как прожужжала арбалетная стрела. Она пролетела весь зал, пробила его грудь и с силой ударила в стену позади одной из свечей. На белый мраморный пол брызнула кровь. При этом ударе телохранитель повернулся и, шатаясь, упал на пол, прямо на свой меч.

В одно мгновение принц был окружен двойным частоколом стали — клинки его защитников

против целого накатывающего вала мечей, копий и арбалетных стрел, направленных на них дюжиной королевских солдат.

Обе шеренги стояли напряженно и молча, клинок к клинку. Затем отчаяние в глазах соратников принца Ивора сменилось недоверчивым удивлением. Они увидели широкую темную фигуру, горделиво вступающую в зал.

Этот человек носил пурпур и горностаевый мех; его шлем и кираса были тяжелыми от золота. Лицо с широким лбом и плоским носом было здесь незнакомо, потому что статуи, изображавшие его, и монеты, где было отчеканено его лицо, в этой местности уничтожены — разбиты или переплавлены. Но слишком хорошо было заметно его сходство с Ивором. Только у принца эти черты проступали не так явно, потому что он был моложе и на его лице не отпечатались еще жадность к власти и алчность.

Рядом с королем Кофа шагали еще два солдата. Они закрыли за ним тяжелые двери. Он рассматривал своих воинов, мрачно поглядывающих по сторонам, с довольным видом. Даже как будто забавляясь.

— Мой дражайший племянник. Хотя я задолго оповестил тебя о моем визите, ты, кажется, не подготовил для меня торжественной встречи.

— Страбонус! Каким образом ты оказался здесь? — Ивор прилагал все усилия для того, чтобы его голос звучал высокомерно и гневно. — Ты

осмелился проникнуть в мой тронный зал, в средоточие моей власти?

— Да! Как лисица осмеливается забраться в логово своих врагов... куриц! — Король широко улыбнулся. — Неужели ты думаешь, племянник, что у меня в Тантизиуме больше не осталось друзей? Или что я позабыл о тайных ходах в этом городе или во дворце, где мы с твоим отцом играли в детстве? — Он покачал головой. — Нет, Ивор, твои часовые не испугали меня. И уж куда меньше страшат меня твои чванливые ужимки.

Принц смотрел на него, и лицо его было застывшим и бледным.

— Еще одно слово обо мне — и ты и твои люди — мои пленники.

Страбонус засмеялся:

— Один мой кивок — и ты мертв. — Он оценивающе огляделся в темном зале. — А затем я, без сомнения, отыщу дорогу наружу, если понадобится. И вероятно, вдруг обнаружится, что все твои высокомерные, преданные идее сепаратизма мятежники превратились снова в моих добрых верноподданных. — И скептически хмыкнул, глядя на окруживших Ивора защитников.

— Перестань высмеивать меня, дядя! — На лбу Ивора блестели в свете свечей маленькие бисеринки пота. — Из-за тебя мы оба оказались в смертельной опасности. Зачем ты пришел?

Король отвернулся от своего родственника, скрестил руки на широкой груди и заявил размеренно:

— Я предпочел бы поговорить с тобой лично, племянник. Это желание продиктовано не только моей склонностью экономить, но также надеждой предотвратить всю эту возню и тягомотину, которые всегда замедляют ход переговоров, когда они происходят по официальным каналам. Между близкой родней должно все же существовать своего рода взаимопонимание. Общий интерес. Все это исчезает и теряет всякий смысл, когда переговоры происходят через третьих лиц.

Ивор нетерпеливо встряхнул головой. Непослушная прядь упрямо попадала ему в глаза.

— Совершенно напротив, дядюшка. До сих пор наше кровное родство не принесло ничего, кроме ненависти и мести.

— И тем не менее мы с тобой друг друга великолепно понимаем. — Король пожал плечами. — Решения могут приниматься в свете тех фактов, которые известны только тебе и мне. Я имею в виду факты, касающиеся подтекста... нашего окружения и нашего... хм... наших различных родственников... и некоторые твои выступления... в качестве героя простонародья, который мутит воду.

Ивор сощурил глаза, так что они превратились в щелки.

— Чистая правда. Я защищал народ от твоих тиранических...

— Чтобы самому отхватить кусок побольше, знаю. — Страбонус поглядел на своих людей, все еще готовых к бою. — Довольно поливать друг друга грязью. Перейдем к делу. Я уверен, что мы сможем поговорить куда свободнее вдаль от этих солдат.

— Согласен. Идем туда, за трон.

Под предводительством Ивора обе группы отошли в дальний конец зала. Принц уселся на краю трона, как будто это мраморное сиденье было ему плохо знакомо. Его спутник встал рядом. Страбонус притащил отполированную скамеечку для ног (он нес ее, выступая прямо перед своими спутниками) и со стоном уселся на нее. Его телохранители вложили мечи обратно в ножны, опустили пики на пол. Арбалетчики держали свое оружие немножко выше, чем это требуется для того, чтобы прицелиться и поразить свою цель насмерть.

— Да, так намного лучше. Путешествие было все же довольно-таки утомительным. Итак, дорогой племянник, хотя поначалу я тебя всего истыкал иглами, должен все же признаться, что для меня было бы вовсе не так уж дешево и легко снова занять Тантизиум и вместо тебя плюхнуться на здешний трон. В настоящий момент для этого у меня маловато военной силы. Я мог бы ослабить тебя, отрезать от торговых путей на

запад, это уж точно. Но я не могу устранить тебя. Во всяком случае, не сейчас. — Король пригладил мех горностая у себя на рукаве. — Поэтому я счел правильным и достаточно экономным предложить тебе определенные условия. С одной стороны, в этой части царства ты наслаждаешься преданностью своих подданных. С другой стороны, у меня множество настоятельных и неотложных забот в других провинциях. Все это вынуждает меня идти на переговоры.

Я предлагаю тебе превратиться в моего сопровителя с локализованной самостоятельностью в Тантизиуме и его окрестностях. Ты будешь подчиняться только моим приказам. Область твоей власти будет ограничиваться рекой Урлауб на западе и горами Драккен на востоке и юго-востоке. В качестве кофийского владыки ты будешь находиться под моей защитой, однако, с другой стороны, ты будешь обязан помогать мне во время войн и мятежей. И еще выплачивать мне ежегодную дань в два раза ниже, чем прежде.

Король потер подбородок, заросший стальной щетиной.

— Для того чтобы ты мог обогатиться, налоги для тебя будут значительно снижены.

Ивор сидел вытянувшись в струну и глядел на Страбонуса. На его лице одновременно отражались горечь и торжество.

— Итак, после всего, что было, я все-таки превращаюсь в твоего сатрапа. Не столь уж

плохая сделка, если освободит меня от прежних невыносимых ограничений, которые ты накладывал на мою власть. Но скажи мне, дядя, даже если я соглашусь — как ты можешь быть уверен в том, что я сохраню тебе преданность, — он поглядел на вооруженных солдат короля, — как только окажусь вне досягаемости стрел твоих арбалетов?

— Словечко наедине, родственник. — Страбонус дал знак молодому аристократу приблизиться. Ивор встал, уверился, что его телохранители неподалеку, а затем сделал несколько шагов вперед и приблизил ухо ко рту короля, чтобы уловить тихие слова. — Если ты вздумаешь мне и дальше противоречить, мне придется через моих агентов в этом городе обнародовать достоверный и полный отчет о смерти твоего отца. — Лицо короля было непроницаемо, а глаза его сверлили племянника. — Поскольку тогда ты был еще в нежном возрасте, все обстоятельства были тебе неведомы. Поверь, это не тот пробел в образовании, который ты захотел бы восполнить, особенно учитывая твое положение народного героя. В конце концов, по сравнению с правлением твоего отца мое — куда мягче. И хотя многие уже позабыли его пристрастия к Тайному Искусству...

Здесь голос Страбонуса стал таким тихим, что никто не смог разобрать, что он шепчет в ухо племяннику.

Даже стоящие поблизости ничего не слышали. Однако они видели, как Ивор побледнел и отпрянул назад, вернувшись к своему трону.

Пока принц чувствовал себя не в своей тарелке, Страбонус завершил свой загадочный монолог в полный голос:

— Так что, родственничек, я настоятельно советую тебе принять мое предложение. И не только внешне, что ты, без сомнения, сделаешь. Но и всей душой, искренне. Ибо чем скорее я добьюсь столь необходимого мне мира и покоя в этом и некоторых других областях Кофа, тем скорее ты и все мои подданные сможете последовать за мной по дороге великой славы. — Он доброжелательно оглядел всех присутствующих, как будто это были внимательные придворные. — Предательские языки могут болтать, будто я жестокий и жадный правитель. Разве они не видят, что каждый новый налог, который я ввожу, каждая жертва, которую я от них требую, — все это делается исключительно ради процветания Кофа? И когда я превращаю кофийскую армию в одну из самых могучих во всем хайборийском мире, то преследую одну-единственную цель: пусть другие народы дрожат! Не я ли наполняю нашу казну, не я ли превратил нашу столицу Хоршемиш в драгоценнейший перл востока? Я сделал Хоршемиш центром искусств, колдовства и торговли. И все это ради

того, чтобы достичь цели, которой еще удивится мир!

Ивор успел к этому времени взять себя в руки и смог выразить свои собственные думы.

— Дядя, ты, стало быть, уберешь свой легион из провинции Варет и больше не станешь угрожать моему флангу? На этом я настаиваю. — Он провел пальцем по брови. — А здесь, в Тантизиуме, остались кое-какие дела, которые надо бы уладить, прежде чем я полностью смогу насладиться дарованной мне властью.

— Да, да! Как только ты выплачиваешь дань, в Варете остается лишь небольшой гарнизон. — Король энергично закивал. — Тем более что этот легион крайне нужен мне на западе.

Сбоку от Ивора послышался еще один голос:

— Но, мой принц, скажи — ты и в самом деле намереваешься пойти на сделку с королем? — Это был бородатый генерал Торгас. Красные пятна на лице выдавали его крайнее внутреннее волнение.

— А каково ваше мнение, генерал? — Ивор, прищурясь, поглядел на него. — Не бойтесь, можете говорить спокойно.

Торгас вцепился в рукоять своего меча.

— Мой принц, вот стоит тиран, ради свержения которого мы столь яростно сражались! Ты сам нам говорил, что этот человек сущий дьявол! Я не думаю, что наш конфликт может быть так просто улажен... Я не уверен, что твои

сторонники с легкостью проглотят подобную сделку...

У него перехватило горло.

Принц встал с трона и заговорил, обращаясь ко всем присутствующим:

— Простой народ... как всегда... согласится со мной, не вникая в подробности. А я — я надеюсь извлечь максимум преимуществ для нас из предлагаемой королем Страбонусом сделки. Моя власть над аристократией и армией, как я понимаю, является полной и совершенной. — Здесь глаза Ивора еще раз задержались на генерале Торгасе. — Единственная потенциальная угроза для меня заключается в своре наемников, засевших за городскими воротами. — Он быстро глянул на Браго, стоявшего сбоку. — Конечно, исключая вас, капитан Браго. Вы знаете, что у меня всегда было с вами особое соглашение. Но, честно говоря, у меня недостает средств, чтобы оплачивать услуги других отрядов.

Браго задумчиво погладил свои светлые усы:

— Дерьмовая ситуация. Вам же ясно, что они вряд ли уберутся прочь от стен города, точно смиренные овечки.

Ивор кивнул:

— Я надеялся, что ты мне pomoжешь отыскать возможные пути отправить их отсюда во-свояси. Конечно, за дополнительную плату. В обиде не будешь.

Браго кивнул и ухмыльнулся:

— Услуги такого рода — моя профессия, господин.

Страбонус жизнерадостно заржал:

— Вот это, принц, мне по сердцу! Всегда найдешь способ сэкономить медяк!

Затем гнусавый голос произнес:

— Возможно, я мог бы предложить помощь...

Все собравшие в зале буквально подскочили, услышав этот неожиданный голос. То была тень, спрятавшаяся в самом темном центре зала. Принц вздернул голову, а Страбонус даже привстал на своем сиденье, чтобы получше разглядеть нескладную фигуру в шелковом одеянии, которая кланялась, сложив руки на животе. Это был волшебник Агохоф.

— Как ты оказался здесь? — спросил Страбонус.

— Король, принц, пожалуйста, простите меня! Мое образование, полученное в далеком Кхитае... оно позволяет мне... когда происходят великие события... если очень нужно... я могу проникать туда, куда захочу. — Агохоф продолжал покачивать головой в такт словам. — Охранники ничего не заметили... в крайнем случае, видели большого черно-желтого мотылька, который влетает под арку. — Он беспокойно махнул рукой в сторону обоих солдат, которые стояли разинув рты и подняв оружие.

— Ах да, племянник, теперь припоминаю, — сказал король. Он бросил взгляд на Ивора, ко-

торый все еще находился под прицелом королевских телохранителей. — У тебя на службе маг, о котором я столько слышан. Конечно, вне всякого сомнения, это он.

— Да. Это Агохоф, мой союзник из... одной из восточных стран. Маг, чьи возможности и силы несоизмеримы с его молодым возрастом и скромной внешностью. Даже ты, дядя, сейчас находишься полностью в его власти. Но иди же сюда, Агохоф!

Голос Ивора звучал возбужденно, как будто он ожидал получить некоторое превосходство над дядей при этой неожиданной помощи.

Колдун подошел к властителям. Телохранители хотели преградить ему дорогу, защищая короля. Но Агохоф продолжал всячески демонстрировать свое почтение Страбонусу. Он остановился в нескольких шагах, продолжая непрерывно кланяться.

— Король, я был счастлив узнать, что ты и принц заключили долгожданный мир. Я много читал о Хоршемише и его великих чудесах. Моей сокровеннейшей мечтой всегда было когда-нибудь посетить этот город.

— Надеюсь, я смогу доставить тебе такое удовольствие, Агохоф, — сказал король. — Я всегда думал, что хайборийцам следовало бы побольше внимания уделять тайнам мистического востока. Если твои колдовские заговоры столь могучи, как говорит о них молва, то

они могут быть для меня весьма и весьма полезны.

— Великолепно, о повелитель! В обычае моей секты поступать на службу к великим правителям... и чем более могуществен владыка, тем больше нас ценят.

Агохоф говорил, обращаясь только к королю, не удостоивая Ивора даже взглядом.

— Советую вспомнить, Агохоф, что ты все еще находишься у меня на службе! — резко заметил принц. — Возможно, ты мне еще понадобишься.

Агохоф метнул на Ивора рассеянный взгляд:

— О да, мой принц. Я хотел бы сказать... если наемники причиняют вам беспокойство, я мог бы сделать что-нибудь. Попытаться. Они доставили мне... э... несколько неприятных минут. Возможно, через пару часов я мог бы приступить к заклинанию...

Ивор смотрел на него, удивленно подняв брови:

— Ты предлагаешь применить против них какое-нибудь ужасное колдовство?

— Да, господин. Именно так. Я мог бы это сделать... незадолго до рассвета. Было бы еще лучше, если бы другие солдаты окружили их. Видите ли, некоторые могут ускользнуть... и...

— Браго, это можно поручить твоему отряду. Белокурый воин коротко кивнул:

— Если только заклятие не распространится на моих людей.

Агохоф кивнул:

— Не распространится. Принц, еще одна нижайшая просьба. Когда моя служба здесь будет закончена, дозволю мне отправиться в столицу.

— Да, да, — нетерпеливо кивнул Ивор. — Когда ты мне больше не будешь нужен, я выделю тебе охрану, чтобы ты мог безопасно добраться до столицы. Завтра или когда-нибудь в будущем. Если, конечно, мой дядя согласится...

Страбонус хлопнул себя по бедру:

— Разумеется! Только дозволю мне сказать тебе еще кое-что, Ивор: твоя маленькая «Комедия Предательства» доставила мне несказанное удовольствие. Это лишний раз подтверждает: в твоих жилах течет истинно королевская кровь. Я только хотел бы сам остаться здесь и полюбоваться, как ты будешь раздавать жалованье своим наемникам. Но увы, увы. Должен отбыть сей же час. — Он с сожалением покачал головой. — Рискну злоупотребить твоим гостеприимством. Еще одно маленькое одолжение. Нельзя ли устроить небольшую демонстрацию каких-нибудь магических трюков этого юного колдуна? Уж не откажи в любезности, потешь старого своего короля.

Он повернул свое широкое смуглое лицо к колдуну. Глаза его жадно горели.

— Возможно. — Принц выглядел рассерженным, однако, помедлив, кивнул.

Однако Агохоф пришел в восторг:

— Ну конечно, конечно. Небольшое представление — это с удовольствием. Например, Дервиш-меч... — Он вынул из-за пояса свиток и осторожно выставил его вперед, как оружие. — Я был бы благодарен, если бы кто-нибудь согласился поддержать его. Спасибо.

По кивку короля один из его стражей взял свиток и, развернув, поднес к лицу колдуна. Тем временем Агохоф наклонился вперед и, прищурившись, стал вглядываться в текст сквозь свой кристальный амулет, пытаясь разобрать тонко выписанные буквы в полумраке зала.

Затем он поднял голову и посмотрел на короля:

— Господин, у меня будет особая просьба. Для демонстрации этого заклинания нужно все мечи положить на землю. Прямо сейчас. Пожалуйста, благородные господа!

Страбонус вопросительно посмотрел на Ивора, который только пожал плечами. Оба вынули свои мечи, пошли вперед и положили их на каменный пол, украшенный звездным орнаментом. Их люди последовали их примеру, хотя и с недовольным ворчанием. Слуги короля, правда, жаловались куда меньше, ибо у многих оставались еще арбалеты и пики, включая и двух охранников, стоящих у дверей.

Вскоре на полу возле колдуна и солдата, держащего свиток, выросла целая куча мечей. Агохоф жестом показал последнему солдату, чтобы тот отошел. И снова посмотрел сквозь свой хрустальный амулет на древний текст. И начал странно и напевно читать.

Поначалу ничего не происходило. Гвардия короля стояла по одну сторону от волшебника, люди Ивора — по другую. И те и другие смотрели на пустое пространство в центре зала. Оно казалось фокусом, куда сходились заклинания колдуна. Агохоф, продолжая напевать, одной рукой делал странные жесты, будто пытаясь вылепить нечто из ничего.

Время шло, а ничего не происходило. Собравшиеся начали нетерпеливо переминаться с ноги на ногу. Из рядов королевской гвардии послышались сдавленные смешки. Один рассмеялся в голос.

Не успело отзвучать эхо этого смеха в большом зале, как на смену ему пришел другой звук — слабое шуршание, будто по камню ползет большая змея. Звук становился все громче, и люди напряглись.

И вот уже можно было видеть источник звука. Его издавала сталь на мраморном полу. В куче мечей на полу у ног Агохофа что-то шевелилось и звенело. Некоторые клинки приподнимались, скребли пол, будто чья-то гигантская рука ворошила кучу.

Оружие шевелилось все сильнее, клинки все с большей скоростью рассекали воздух, повинувшись все убыстряющемуся бормотанию и жестикуляции волшебника. Затем с лязгом и звоном, заставившими зрителей отпрянуть, вся куча оружия внезапно выросла в вертикальную колонну вращающихся, танцующих мечей.

Какое-то время колонна нависала над головами зрителей, подобно стальному смерчу. Видно было, как вспыхивали искрами камни на рукоятках мечей благородных дворян среди других, более простых клинков. Звук изменился. Теперь это был скорее свист, нежели звон. Мечи непрерывно точили друг друга плавными движениями. Там, где металлический циклон соприкасался с полом, мечи высекали из камня искры.

Повинуясь движению руки Агохофа, «Дервиш-меч» двинулся по плавной кривой через всю галерею к стене. Достигнув стены, стальной вихрь внезапно снизил скорость и в самый последний момент свернул в сторону. Тяжелые занавеси затрепетали от ветра, когда он пролетел мимо и заставил пригнуться пораженных, перепуганных зрителей. Затем он снова изменил направление и полетел на солдат. Когда зрители готовы были уже разбежаться кто куда, металлический вихрь снова повернул и замер в центре зала, раскачиваясь так, что вершина его описывала сверкающие круги.

Страбонус повернулся к Агохофу, который замолчал. Маг знаком отпустил солдата, который, дрожа, держал перед ним свиток. Теперь он полностью контролировал явление движениями руки, которая ритмично взмахивала в воздухе.

— Великолепно, колдун! — Король наклонился к юнцу с растрепанными волосами. — А что будет дальше? Что ты еще умеешь?

— Ваше величество, это заклинание требует еще одной малости. — Агохоф не отрывал взора от танцующих клинков, продолжая двигать рукой даже во время разговора. — Это кобольд войны, который убивает людей. Это его предназначение. — Он сделал паузу, подыскивая слова. — Прежде чем он уйдет отсюда, ему нужно скормить... чью-нибудь жизнь...

Он бросил на короля короткий вопросительный взгляд.

Страбонус тихо ответил:

— Человеческую жертву, что ли? — Он приподнял бровь и задумчиво посмотрел на Ивора, который стоял по другую сторону от колдуна. Принц осторожно отодвинулся назад. Он явно слышал слова Агохофа.

Тогда король улыбнулся и кивнул Ивору. «Тебе и выбирать!» — без слов говорил его взгляд.

Принц пошептался со своими телохранителями. Один из генералов смотрел на него с

любопытством. Другой офицер, бородатый Торгас, стоял молча между ними. Ужас застыл в его глазах, когда он смотрел на танцующего «Дервиша-меча». Видно было, что ни о чем больше он не думает.

Люди Ивора кивнули и обступили Торгаса. По кивку принца они схватили генерала и вытолкнули его вперед.

Ничего не подозревающий Торгас издал крик, от которого кровь заледенела в жилах. Он остушился и растянулся на скользком полу галереи. Он начал было подниматься, но тут его глаза застыли, прикованные к живой колонне. Он начал было вставать, но зацепился за свой плащ и снова упал.

Между тем Агохоф коротким кивком дал понять, что понял принца. Темные глаза мага сверкали на его ястребином лице, когда он следил за Торгасом. Он начал вращать рукой, заставляя воющий стальной вихрь приблизиться к одиноко лежащему на полу человеку.

Торгас к этому времени уже поднялся на ноги и медленно отходил назад к своим товарищам. Он во все глаза глядел на сверкающий призрак. Товарищи генерала тоже начали боязливо отходить назад, расступаясь. И вот «Дервиш-меч» стремительно обошел вокруг генерала и оказался между ним и остальными. Это произошло мгновенно, так что Торгас в панике, высоко подняв руки, помчался к двери.

Но он был далеко не столь быстр, как танцующий железный вихрь, повинующийся движениям руки Агохофа. Через несколько секунд беглец был отрезан от дороги к выходу. Теперь вихрь погнал его в противоположную сторону. Перепрыгнув через труп охранника, жертва поспешила в поисках спасения на другой конец зала, где внизу темнел открытый балкон.

Не то Агохофу надоело играть со своей жертвой, не то он опасался, что балкон и вправду укроет Торгаса от «Дервиша-меча», — никто не смог бы этого сказать. Он решил закончить ужасный спектакль, быстрым движением руки послав «Дервиша-меча» прямо на жертву.

Раздался душераздирающий вопль, пробиравший до мозга костей. Страшное гудение заколдованных клинков внезапно изменило тональность, когда мечи начали перемалывать человеческую плоть. На мгновение фонтан серебряной стали окрасился кроваво-красным. Кровь брызгала, завиваясь по спирали. Затем шум и движения стали тише.

Теперь мечи как бы отряхивались, освобождаясь от кровавой массы, сбрасывая ее на мраморный пол. Несколько мгновений они еще вращались, но движения их становились все медленнее. Затем со страшным звоном и лязгом они упали на пол и снова превратились в бесформенную кучу.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

НЕПРОШЕННЫЕ ЗРИТЕЛИ

Краткое время в огромном помещении царило неприятное молчание. И лишь затем зрители осмелились выразить свои впечатления от колдовства Агохофа. Волшебник сказал что-то принцу Ивору и покинул помещение, как простой смертный, через дверь. По приказу принца его телохранители взяли большие свечи и подошли поближе, чтобы осветить сцену. Стоило им приблизиться, как один из отборных ветеранов Страбонуса внезапно отвернулся от скорбных останков Торгаса. Он был бледен и держался за горло, как будто его тошнило.

Остальные старались не наступать на кровавые пятна на мозаичном полу, разбирая свои мечи. Вытирая клинки, солдаты обнаружили, что те ничуть не пострадали. Напротив, каким-то колдовским образом лезвия были так остро заточены, что урони на них волос — и он распадется на две половины.

Затем раздался вопль:

— Глядите! Среди нас шпион!

— Остановись, ты! — закричал один из людей Страбонуса.

— Это, должно быть, предатели! Схватите их! — Король поднял меч и знаком призвал как свою охрану, так и людей принца кинуться вперед.

Охранники бросились на троих убегающих, чье присутствие под балконной нишей обнаружилось в свете высоких свечей. Среди них была одна женщина. На другом был зеленый плащ с капюшоном, делавший его неузнаваемым. Насчет же третьего никакой ошибки быть не могло — это был черноволосый гигант, одетый так, как одеваются наемники. Конан, неутомимый мятежный киммериец!

— Попробуйте взять их живыми! — добавил Ивор к приказу короля.

У беглецов было значительное преимущество перед преследователями. Они уже добрались до ступенек лестницы, которые спускались с обеих сторон балкона. Великан буквально вбросил своих товарищей вверх по ступенькам, а сам медленно шел следом, прикрывая отступление. Внезапно он рванулся вперед и исчез как раз в тот момент, когда арбалетная стрела ударила в ту ступеньку, где он только что стоял.

— За ними! Быстро! — раздались громкие крики вдогонку охранникам, которые кинулись вверх по лестнице. Мгновение спустя они

пошатнулись и судорожно вцепились в перила. Передние зашатались и упали на них, обливаясь кровью. Их сбросила вниз свирепая ярость северянина-берсерка.

Несколько последующих попыток схватить соглядатаев были бесплодными — чужеземец имел преимущество в силе и позиции. Но затем Ивор отправил целое отделение солдат по другой лестнице, которую никто не защищал. Атакованный на балконе с обеих сторон, Конан был вынужден оставить эту позицию.

Охранники помчались по ступенькам и ворвались на балкон. Там была одна-единственная дверь, которая открывалась внутрь. Снаружи она была не заперта, так что не составило никакого труда открыть ее. Однако эта удача привела только к тому, что они напоролись на стоящего на пороге могучего дикаря, лицо которого было искажено от ярости. Его мощные плечи едва вписывались в дверной проем. Позади Конана никого не было. Двое других его товарищей скрылись из виду.

Только один человек мог бы пройти через эту дверь, так узок был проем. Охранник короля, оказавшийся прямо перед дверью, очень старался быть осторожным. Он шагнул на порог и с силой выбросил вперед свой меч, чтобы проверить, хороша ли защита варвара.

Удар двуручного меча Конана обрушился на гребень его шлема с такой яростью, что

солдат упал на колени. Охранники метнули в него два копья. Одно из них Конан превратил в щепу, другое угодило в замок двери и разлетелось.

После чего преследователи стали держаться подальше от дверного проема, нерешительно переминаясь и дожидаясь арбалетчиков. Наконец один из маленьких арбалетных стрелков с кожей оливкового цвета пробился вперед. Он тщательно выбрал стрелу из колчана, висящего на бедре, и поднял оружие. Но обнаружил он дикого киммерийца, который выскочил из дверного проема, как ядро из пушки, и нанес ему удар.

Конеч меча Конана рубанул по арбалету. Стрелок отскочил, однако арбалет лопнул. Порванная тетива хлестнула его по лицу; он вскрикнул и упал на пол, прижимая руки к глазам. Из-под пальцев текла кровь.

Остальные люди короля с яростным ревом сгрудились возле двери. Но ни один не осмелился подставить себя под удар меча варвара.

— Ну идите же сюда, собаки! — подзуживал их варвар. — И это отборная кофийская солдатня? Ну же, давайте!

Однако все его издевки были чистым хвастовством, и солдаты знали это. Не прошло и минуты, и вот уже второй арбалет нацелен на него. На этот раз стрелка защищали два солдата в доспехах. Ни команды, ни

предупреждения не было дано — он действовал сам.

Конан заглянул в глаза смерти, которая могла быть меньше, чем колибри. Это было ему ясно. Чисто инстинктивно он поднял меч в то мгновение, когда стрела сорвалась с тетивы.

Сильный удар отозвался в его руке. Клинок раскололся на две части, однако чудесным образом защитил его от арбалетной стрелы. В тот момент, когда сломанные части меча зазвенели на полу, солдаты бросились в дверной проем. Первый из них подставил копье, когда он хотел бежать, так что он споткнулся. Конан упал, и тотчас же вся толпа навалилась на него, щедро угощая его ударами кулаков, пяток, тупыми концами копий и рукоятями мечей.

— Живым, я сказал! — Голос Ивора перекрыл шум. — Я должен допросить его. Где те двое, остальные?

— Они уже далеко, ваше высочество, — доложил тот генерал, что остался в живых после представления Агохофа. — Северянин прикрывал их отступление.

— Тогда общите здесь все ходы и выходы. Но нет уверенности, что мы их там найдем. На всякий случай перекройте все выходы. — Ивор яростно буравил глазами своих сподвижников. — И чтобы ни один из вас ни словом не обмолвился о том, что здесь сегодня происходило. Ясно?

Страбонус вполголоса рассмеялся. Он стоял позади горстки своих телохранителей в дверях.

— Итак, началось, мой юный вице-король! В момент твоего торжества блестящее единство твоего «дела свободы» уже дало трещину. Ты хотел схватить прекрасный плод, но он сгнил прямо у тебя в руке. С этого момента половина, а то и больше, твоих подданных начнет плести против тебя интриги. Тебе придется сыграть в древнюю игру королей: двурушничество, предательство, месть. Никогда больше ты не сможешь спать спокойно, по крайней мере на этом свете. Никогда, ни на мгновение не будешь чувствовать себя невиновным и наслаждаться жизнью. — И снова король оглушительно захохотал. Ивор приказывал связать киммерийцу руки шнуром от занавесей, сорванных со стен.

— Это удел королей, — продолжал Страбонус. — Но отдуваться тебе придется одному, потому что сегодня ночью мне предстоит еще утомительная дорога. Наша сделка остается в силе, как я понимаю?

Он подождал, пока принц кивнет. Тот сделал это машинально и как бы против воли.

— Хорошо! Тогда дай мне проверенного человека, который мог бы указать мне дорогу наружу. Или ты сам пойдешь со мной, если у тебя нет никого, кому бы ты смог доверять. — И, видя яростный взгляд Ивора, король еще

раз засмеялся. Затем он указал на связанного киммерийца. — А что до этого хама, то я бы советовал бы тебе избавиться от него. Он, похоже, из тех, с кем хлопот не оберешься, если вовремя не укоротить его на голову.

Страбонус повернулся и пошел прочь.

— Эй, стража, уходим!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Коптящий свет факелов, мелькание теней, грубые голоса. Несмотря на обжигающую боль, Конан попытался слегка приоткрыть глаза. Когда ему это удалось, он сумел разглядеть очертания фигур своих стражей. Всякий раз, когда он улавливал движение их рук, занесенных для удара, он поворачивался, втягивал голову, чтобы уклониться от тычка, но далеко не всегда это ему удавалось. Ему крепко связали руки за спиной, стянули лодыжки, так что обороняться от побоев не приходилось.

Резкий звук донесся до его ушей. Пурпурные молнии взорвались в его голове. Сильный удар кулака по почкам — этого он не успел ни заметить, ни избежать. Он скорчился, боясь, что кишки выскочат из живота от такого обращения, но в тот же момент его настиг новый удар — по затылку, так что ему показалось, будто все нервы и позвоночник лопнули. Следующий крепкий удар пришелся по глазам, так что хрустнули скулы. Он упал на пол, перед тем ахнувшись всей спиной об стену.

— Теперь скажи мне, варвар, кто был с тобой сегодня вечером?

Пронзительный голос приближался. И хотя в ушах у Конана все гудело и дребезжало, он узнал голос Ивора.

— Кто твои товарищи? Кто эти гнусные заговорщики? Уж не какие-нибудь жалкие наемники, уверен! — Пальцы впились ему в подбородок, поднимая опущенную голову. — Говори, пес!

Плевков, слетевший с разбитых губ на шелковый манжет принца, был кровавым. Конан услышал проклятие, затем удар кулака по лицу грянул его всем телом о стену. Он чувствовал, что скользит и катится по камням, изнемогая под градом жестоких ударов, сыплющихся со всех сторон на его избитое тело.

— Все усилия бесполезны, — сказал Ивор. Его голос отдавался в ушах Конана странным зудением. — Этот кусок дерьма скорее откусит себе язык, чем расскажет мне о чем-нибудь. Но это уже неважно, ведь я уже получил все ответы на мои вопросы.

Холодная сталь коснулась горла Конана.

— Убить, господин?

— Нет! Сохрани его для новых пыток. — Голос принца звучал то громче, то тише, как будто он расхаживал взад-вперед. — С тех пор как я пришел к власти, старые подземелья дворца были заново восстановлены в том виде, в каком существовали прежде. Они готовы при-

нять в свои гостеприимные объятия подобных преступников и предателей. Если бы теперь у меня было время... Но я позабочусь о том, чтобы Агохоф и Браго уничтожили всех наемников. Поставьте его на ноги!

Грубые руки схватили Конана за связанные запястья и вздернули его на ноги. Затем он услышал очень странный голос, произносящий:

— Повелитель, до меня доносились слухи, что вы хотите вновь открыть подвалы, и я не знаю... Вы уверены, что это правильное решение? Стоило бы припомнить все эти старые истории, которые о них рассказывают. В прежнее время там водились жуткие твари, которые все еще живы в памяти людей...

— Чушь! — прервал его принц. — Не могу же я построить политику моего правления на нянькиных сказках. Мой дворец должен полностью отвечать принципам власти, а дворец без подвалов — как человек без чрева! А что до всех этих старых побасенок — так они будут наводить еще больше ужаса на моих пленников. Хм, да... Действительно, великолепная идея! — Теперь голос Ивора отчетливо доносился до слуха Конана. — Мы желаем, чтобы этот предатель еще сегодня был доставлен в подвалы и закован в цепи. Тогда уж ему вряд ли придется выбалтывать тайны, которые он подслушал, завтра утром! — Ненавистный голос опять зазвучал тише. — Думаю, его отвращение к чародейству

и сверхъестественному основано больше на страхе, чем на знании. Уберите его!

Конана, связанного по рукам и ногам, наполовину тащили, наполовину гнали тычками. Дорога по переходам, коридорам и лестницам казалась ему бесконечной. Факелы коптели и пылали в темноте. До его слуха болезненно доносились громкие приказы. Он часто падал. Колени отказывались ему служить. Руки болели почти непереносимо, поскольку за них постоянно дергали, поднимая его на ноги.

Наконец они остановились в холодном сыром проходе, где было слышно, как вода капает со стен, перед тяжелой, обитой позеленевшим металлом дверью. Он слышал, как медленно, с трудом поворачивается ключ в замке.

Запрокинув голову, он на мгновение увидел замковый камень арки — трапециевидный блок, где был высечен астрологический знак Солнца, не то наполовину поднявшегося, не то наполовину опустившегося за горизонт. Всякий раз, когда свет факела скользил по этой странной эмблеме, он вновь и вновь рассматривал ее. По какой-то непонятной причине это «встающее солнце» произвело на киммерийца сильное впечатление.

Затем он услышал жалобный скрип огромных дверных петель. Его потащили вперед.

Помещение, очень скупо освещенное факелами, представляло собой странное смешение старого и нового — полуобвалившиеся ступени,

ведущие от порога на пол, жуткие тени древних сводов и в то же время свежая кирпичная кладка стен. Повсюду громоздились горы обработанного камня и ванны с известковым раствором. Новые балки поддерживали наполовину осевшую арку, которая вводила к проходу на другом конце помещения, — куда он выводил, понять было невозможно, все поглощала тьма.

Солдаты швырнули Конана на грязный пол у стены, где мерцали железные цепи, вделанные в древнюю каменную кладку. Двое держали варвара, а третий надевал ему на шею узкое железное кольцо и продевал в специально сделанное отверстие в кольце железную ось. Затем он протянул сквозь эту ось цепи.

Спустя минуту в голове Конана страшно загудело — стражник закреплял цепь ударами молота, чтобы пленник не смог освободиться.

— Это должно его удержать по крайней мере до утра, — заявил Ивор. — Разрежьте веревки, которыми его связали, и отбросьте их подальше, чтобы ему случайно не пришла в голову блестящая идея удавиться. Кто-нибудь... Ты... ты будешь его охранять. Закрой дверь и оставайся снаружи. Я хочу, чтобы он подумал о своих злодеяниях в полном одиночестве. Но держи ушки на макушке, если он вдруг вздумает что-нибудь предпринять этой ночью!

Принц повернулся к своему закованному в цепи пленнику:

— Теперь слушай ты, несчастный варвар! Ты осмелился нарушить планы мага, ты посмел высмеивать владык. Теперь я оставлю тебя. Может быть, ты захочешь все же сделать признание. Возможно также, что гулям, которые властвуют здесь, в этих подземных царствах, придется сегодня поголодать, если я лишу их жратвы. — Ивор подошел поближе. — Ну что? Что скажешь?

Вместо ответа Конан дернулся вперед, насколько позволяла ему цепь, пока грубый железный обод не сдавил ему шею. Но принц оставался вне досягаемости его рук, пытавшихся схватить его. С презрением он произнес:

— Ну так пойдем отсюда. Желаю тебе прекрасной ночи. — Уже на ходу он приказал: — Заберите отсюда факелы!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПЛЕННИК

После того как дверь за принцем и его солдатами с визгом захлопнулась и ключ проскрежестал в замке, вокруг Конана воцарились полнейшая темнота и глубокая тишина. Грохот в голове внезапно взорвался страшным ревом, подобным шуму обвала в горах, и это прозвучало странным контрастом к той мертвой тишине, что окружала его. Он видел призрачные расплывающиеся пятна света, то и дело складывающиеся в странные фигуры, которые плыли перед его больными глазами в черной, как крыло ворона, темноте зала. Затем он медленно начал чувствовать, как могучие силы организма, возвращенного среди дикой природы и войны, постепенно восстанавливаются, вливаются в жилы.

После долгой неподвижности и ошеломления он осторожно переместился к стене. Постарался устроиться так, чтобы те места, которые сильно пострадали от ударов кулаков и о камни, не соприкасались с грубой каменной кладкой стены. И снова он выждал, пока успокоились сердце и дыхание.

Осторожно вытянулся киммериец на полу, ошупал свое тело, проверяя, насколько велик вред, причиненный ему побоями. Хотя область паха была защищена кожаной набедренной повязкой, она болела так, будто повязка прикрывала одну сплошную голую боль. Болела грудь. Вероятно, после того, как с него сорвали доспехи, оставив только льняную рубаху, ему сломали ребро. Конан пересчитал зубы и выяснил, что некоторые шатаются, а один так сломан, что острый край грозит порвать щеку.

Но железные мускулы тренированного тела уберегли его от худших повреждений. Ему еще раз повезло, за что он вознес тихие благодарственные молитвы Крому, Митре и множеству других, менее знаменитых божеств.

Сквозь эти благочестивые мысли то и дело просачивались воспоминания о слухах насчет духов этих подземных свобод. Гули, сказал Ивор... И тотчас же мурашки пробежали у него по затылку и рукам.

Конан напрягся, пытаясь проникнуть взором и слухом сквозь крошечную тьму, царившую кругом. Он втянул в себя воздух, ощутил холодное движение в этой темноте. Испуг поднялся в его груди. А ведь он был чужд любому суеверию. Но он слишком хорошо знал из личного опыта, что создания ночного ужаса **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** существуют. Было бы чистейшей воды чудом, если бы в таком проклятом подземном мире, как

это подземелье, не кишели бы все эти чертовы ночные твари.

Киммериец успокоил сердце и попытался собраться и подготовиться к нападению, как если бы имел дело с врагом в человеческом облики. Но только невозможное это дело, потому что все эти существа могли иметь любую, совершенно непредставимую форму. В каждое мгновение на него могла выскочить одна из этих тварей. Вероятно, уже несколько из них с их жуткими клыками и когтями потихоньку подбираются к нему в темноте. Варвар стиснул свои и без того болезненные зубы и постарался обуздать крылья фантазии.

Он должен чем-нибудь отвлечься! Конан взял цепи, которые были пропущены сквозь железный обруч на шее, сжал их в кулаках, начал тянуть и поворачивать. Безуспешно. Они были выкованы из нового крепкого железа. Только для того, чтобы вытащить из каменной кладки медные заклепки, потребовалось бы много дней тяжелой работы. И ось была прочной, а железный обруч так плотно сидел на шее, что невозможно было даже пальца просунуть.

С трудом, преодолевая боль, он выпрямился. Теперь он стоял. При этом ему пришлось прикусить губы, чтобы не застонать. Цепь тянулась от ошейника к кольцу в стене, расположенному прямо над головой. Он поворачивался и поворачивался, но вывернуть ее так и не сумел. Над

головой скрежетало и скрипело. Каменная пыль сыпалась ему в лицо. Таким образом он понял, что крюк все-таки поворачивается в стене.

В порыве захватившей его радости он поддернул цепь повыше, уперся ногами в стену и дернул изо всех сил.

Но крюк не выскочил. Упорное сопротивление железки говорило о том, что она совсем новая и наверняка держится не только в кладке этой стены, но и прикреплена для страховки с другой стороны стены, в соседнем помещении.

Киммериец снова опустил на пол. Он кашлял, любое движение причиняло ему боль. Втайне он проклинал теперь тех самых богов, которым только что возносил хвалу.

Он не видел здесь никакой возможности для бегства. Глубочайшее отчаяние овладело им, когда он начал думать о своей судьбе и о судьбе своих друзей. Евлалия и барон Стефани, правда, ушли прошлой ночью от принца Ивора и его людей. Но принц намекнул на то, что узнал их. Сумеют ли они вовремя уйти достаточно далеко от этого города, чтобы предупредить наемников о предстоящем уничтожении?

Но станут ли они вообще хотя бы пытаться? Мысли Конана терялись в мрачных, запутанных коридорах. Тантизиум стоял на пороге новой гражданской войны. Возможно, Стефани решит, что свыше четырех тысяч вечно голодных и все более и более алчных искателей приключений

представляют собой угрозу, от которой лучше бы избавиться. Насколько Конан знал кофитов, все они были хитрыми и склонными к предательству.

Думал Конан и о Друзандре, о ее прекрасных подругах по оружию, о своих старых товарищах, знакомых еще по воровским временам. И о Гундольфе. Хотя их прощание после бала было несколько... сумбурным и они с тех пор не виделись, все же Конан думал, что старый вояка остался ему другом. При мысли о том, что все они будут уничтожены кровавым колдовством Агохофа, Конан впадал в необузданную ярость и бешено дергал цепь своими потными руками. В действительности все это беспокоило его куда больше, чем пытки, которые посулил ему принц Ивор наутро.

Утро... Он тщетно попытался еще раз разглядеть что-нибудь в этой кромешной тьме. Сумеет ли он понять, что наступило утро? Как он узнает, что пришло время, когда надежды выбраться отсюда уже не будет и он окажется заживо похороненным? Напряженно вслушивался он в каждый звук, доносившийся со стороны часового, оставленного перед дверью подземной камеры; в каждый плеск капли, падавшей с потолка.

Нет, это было не все. Ему вдруг показалось, будто его глаза различают тонкую, слабую вертикальную полоску света там, где должна была находиться дверь. Что это — свет факела

пробивается из коридора? Не попытаться ли ему отвлечь стражника воплем? Каким-то образом завлечь этого солдата поближе к себе, чтобы можно было схватить его руками, задушить, его мечом попытаться разрубить цепи? Идиотский план.

Что это было? Внезапно все чувства Конана застыли. Да, оттуда ДОНЕССЯ ШУМ; правда, очень тихий, прерывистый, трудно определимый. Но он донесся с совершенно иной стороны, откуда, где подземелье терялось во мраке и уходило еще глубже. И теперь этот звук медленно приближался.

Конан вслушивался изо всех сил. Теперь он различал уже медленные шаркающие шаги. При каждом втором шаге доносилось очень тихое позвякивание, как будто идущий тащил что-то за собой. Конан раскрыл рот, чтобы не сопеть носом. Он стоял совершенно тихо и крепко держал цепи, чтобы они не звякнули. А шаги все приближались и приближались.

И вот — от идущего оставалось расстояние не больше ширины ладони — до него донеслись слова, произнесенные слабым сухим голосом. Конану казалось, что слышит даже не голос, а какое-то шелестение. Такой звук могла бы издавать крыса, шуршащая старым пергаментом. И все же смысл этих слов был ясен.

— Бессмысленно прятаться, чужак. Я вижу тебя в свете, который падает из-за двери.

Конан не ответил. Сердце билось у него под горлом. Его сознание лихорадочно пыталось нарисовать образ этого странного существа.

— Прости меня, чужак, — продолжал незнакомец, — я бы не хотел вызывать в тебе ужас. Эта смертная оболочка увяла; но тем не менее я могу видеть в слабом скудном свете. Мой голос истлел, потому что я редко им пользуюсь. Тысячелетия и эпохи миновали с тех пор, как у меня были гости.

Противное шуршание приблизилось еще больше. Голос раздавался на такой высоте, что мог бы принадлежать, судя по росту, согнутому старику. Тем не менее холодная дрожь страха перед сверхъестественным пробежала у Конана по спине. И голос у него дрожал, когда он ответил незнакомцу:

— Гуль! Злой дух! Ночной кошмар! Кем бы ты ни был — прочь от меня! Предупреждаю! Эти руки не раз уже побарывали гнусных порождений преисподней и вбивали им в глотку все их издевательства над смертными людьми!

Когда древний-преддревний голос донесся снова, он звучал уже громче. В нем, казалось, слышалась теперь обида:

— Не оскорбляй меня, чужак, и не грози мне силой. Я всего лишь человек, как и ты, пленник этих отвратительных катакомб. — Конан слышал шаркающий звук, когда слабые ноги прошептали по камням. — Я не хочу делать тебе

дурного. Я хотел всего лишь еще раз поговорить с таким же, как я, с товарищем по несчастью, — после долгих, долгих лет одиночества.

Конан все еще держался недоверчиво:

— Я знаю, ты лжешь, злой дух. Как может человек жить так долго? Эти подземелья были заперты на замок много лет. А что ты ел и пил?

— О, это правда, да, это правда. — Призрачный голос слегка дрожал, как будто от стыда. — Возможно, теперь я и не настоящий человек, отлученный от общества людей, которые живут, ходят, едят, бегают там, наверху, в верхнем мире, да. Действительно, правда, воистину настал один час, много-много-много лет назад, когда стражники не пришли больше ко мне по коридорам, по переходам сюда, и тогда у меня уже было чувство, что мне придется провести всю, всю жизнь здесь, в глубочайших подземельях, в клетках, в камерах, заточенным.

Да, стихло бряцанье, звяканье, звон цепей, ибо они распались, смолкли вопли, крики, стоны пытаемых, стихли все другие звуки, к которым я привык, которые были мне так знакомы, как знакомы тебе там, наверху, голоса птиц, шутки людей, песни, грохот колес и копыт на улицах, в городе, в верхнем мире. Пропали и миски с рыбной баландой, а ведь это была единственная моя еда. И тогда мне стало ясно, что подвалы оставлены людьми. И я тоже оставлен вместе с этими подвалами.

Но, по счастью, вскоре после этого распалось самое слабое звено моей цепи, которую я влачил столь долгие годы столь терпеливо, — и я стал свободен!

При этом слове старый человек захихикал, но вскоре опять смолк. И только потом пояснил, как бы извиняясь:

— Не в самом деле свободен, как ты понимаешь, не от подвала свободен. Ибо здесь были выстроены стены и барьеры, преграды и препоны, а мне было их не устранить, с моими-то слабыми силами. И все же я был свободен бродить по этим глухим коридорам и переходам и жить, жить. О, я не хочу делать тебе упреков, если ты считаешь мой способ выжить чем-то противным человеческой природе. И чем я тут питался, спрошу я тебя? Были только эти маленькие ползучие твари, которые шныряли среди костей моих давно умерших сотоварищей, голодные крысы, которые жрали этих бедных маленьких ползучих тварей, а еще летучие мыши, спящие на сводах камер. Я бы все равно их не поймал. Эти и тысячи других отвратительных вещей меня питали и кормили и сохранили мне жизнь до сего дня. Это питание, конечно же, не было здоровым, насколько я могу установить, но все лучше, чем падаль, скажу я тебе... И вода! — Голос снова встретился. — Воды уж было у меня хоть залейся. В самом глубоком подземелье находится самый

древний, наидревнейший из колодцев этого замка. Сейчас он немного затхлый, но все же прожить можно. Населенный странными безглазыми рыбами. Они метались между пальцев. Когда мои слабые руки схватили одну из этих рыб, — тут голос мечтательно затуманился, — так вот, уважаемый, то был настоящий деликатес!

Затем старик заговорил своим обычным слабым голосом, будто вел речь о чем-то само собой разумеющемся.

— Итак, чужеземец, ты понял, что я действительно знаю здесь, под землей, все ходы и выходы, все потайные углы. При моей слабости и медлительности я способен изловить здесь любую тварь. Я достаточно привык к темноте и хорошо вижу здесь. Сейчас, например, я вижу, что ты трогаешь свою шею, чтобы облегчить трение кольца, которым тебя сковали. Я смог выжить в этом скорбном подземном мире. Возможно, я помогу и тебе сделать то же самое.

— А как насчет гулей, которые, говорят, кишат в этих подземельях? — поинтересовался Конан, все еще обуреваемый сомнениями. — О них ты что-нибудь слышал?

— Нет, уважаемый. Не могу признаться со всей ответственностью, что повстречал здесь хотя бы одного гуля. — Голос старика-заключенного снова набрал силу. — Ибо если бы я встретил хотя бы одного, могу заверить тебя, чужезе-

мец, ты бы это сразу понял. Они бы наверняка меня сожрали!

Визгливый смешок, последовавший за этим замечанием, в ушах Конана прозвучал безумием. Тем не менее Конан тоже не удержался — хмыкнул, хотя дрожь, вызванная этим странным посетителем, еще не окончательно его отпустила. Всплеск оживления будто бы смыл следы страданий с этого старика, а ведь он страдал много лет!

— Замечательно, — буркнул Конан, у которого от смеха ныло все его избитое тело, — мы теперь вроде как сокамерники. А если это не так, то я мало могу что против этого сделать. — Он прислонился спиной к холодному камню. — Как тебя зовут, старик?

Визгливый смех стих. Воцарилось долгое молчание. Очень, очень долгое. Наконец голос плачуще произнес:

— Позволительно ли мне будет не отвечать, чужеземец? — Невидимый сотоварищ Конана говорил с душевной мукой, граничившей с истерикой. — Мое имя... Это слово... я его не слышал, и оно не сходило с моих губ в течение долгого-долгого времени... Я позабыл его.

— Ничего, забыл, и вспомнится, — попытался Конан утешить своего невидимого друга. — Может быть, ты просто не хочешь говорить, ну и неважно. Тогда лучше скажи мне, за что тебя сюда сунули. Просто так? Или натворил чего?

Старик испустил сухое, слабое рыдание, хотя только что визгливо, дико смеялся.

— Бесполезно! Лучше спроси меня, как мошки могут спастись из паутины! Спроси, где подвальные крысы прячут свое потомство! — Голос сорвался, и старик застонал. — Моя человеческая жизнь окончена. Она забыта, забыта. Все затанули туманы прошлого, минувшего. Слишком долго я нахожусь здесь. Я ничего не помню, все забыто, ушло, погасло в памяти.

Парень, должно быть, окончательно умом тронулся, подумал Конан. Его голос стал ровным, в нем звучал теперь вызов:

— Ты хочешь сказать, что даже не думал о том, как бы бежать отсюда и вернуться в мир? Если так, то проваливай! Мне такой товарищ не нужен.

После короткой паузы старик снова взял себя в руки.

— На самом деле я не раз думал о том, как бы бежать отсюда, — сказал он мрачно, — хотя позабыл уже, как выглядит небо. Знаю, никогда уже не смогу выносить солнечного света. И тем не менее я бы хотел выходить наружу... хотя бы по ночам...

— Тогда притащи мне каких-нибудь булыжников или балку, чтобы я мог сломать эти цепи.

— Мой друг, это можно сделать гораздо проще. — Голос выдержал выжидательную паузу. — Но если я освобожу тебя, ты должен обе-

щать, что сможешь мне выбраться отсюда. Дашь слово?

— Ну конечно, да, да, даю!

— Тогда подожди здесь. Одно мгновение. Сейчас вернусь.

— Можно подумать, у меня есть другая возможность, старый... — Большого Конан не сказал, когда снова слышались странные шаркающие шаги. На этот раз они удалялись от Конана с медлительностью, вызывающей мысли о бесконечном. Было в ней что-то болезненное и жутковатое. Конан вслушивался в темноту, гадая: какое новое безумие выкинет сумасшедший старец?

Однако по крайней мере гули его не глодают. Он поднял затекшие руки и попытался разогнать кровь.

Спустя некоторое время шаги стихли вдали. Конан снова остался один в темноте и пустоте. Он посмотрел на дверь подземелья. Слабая полоска света осталась той же. Либо охранник ничего не слышал, либо боялся голосов из катакомб.

Конан начал гадать, услышит ли он снова старого заключенного. Уж не привиделась ли ему эта диковинная встреча? Может быть, это был бред? Или какой-нибудь ночной дух решил его подурочить?

Он снова стал молчаливо вслушиваться в темноту, готовясь, что в любой момент на него свалится из мрака какая-нибудь напасть.

Над головой послышался шорох, похрустывание. Крыса, подумал он, когда пыль посыпалась ему на лицо. Затем он вспомнил о старике и схватил свои цепи обеими руками. Старец, должно быть, выдернул болт с другой стороны стены!

Конан дернул цепь еще раз, и она поддалась. Еще один рывок — и она окончательно вылетела из гнезда. Он держал цепи высоко, чтобы они не звенели по полу. Затем он осторожно опустил звякающую цепь на пол и осторожно сложил ее в кучу.

Дикая радость переполняла его. Неизвестно, что принесет ему эта проклятая грязная дыра, муку или освобождение, — в любом случае, он больше не прикован к стене!

Цепь длиною в человеческий рост была, конечно, изрядной помехой и весила изрядно. Конан потрогал звенья, пока не добрался до вырванного крюка. Он был не толще, чем остальные звенья.

Конан встал на колени и начал быстро протаскивать цепь через ось, которой скреплялось на шее кольцо. Болт прошел через это отверстие с трудом, но все же прошел. Теперь Конан мог раздвинуть свой ошейник и освободиться от него.

Раскованный, он встал на ноги.

— Теперь ты видишь, мой юный друг, что я все-таки сумел оказать тебе услугу. — Из темноты донесся слабый каркающий голос. Старец,

должно быть, подошел незаметно, пока Конан возился с цепью. Он был совсем близко.

— Премного благодарен тебе за это, старец, — кивнул Конан в темноту. — А теперь насчет охранника. Если ты сумеешь уломать его, чтобы он приоткрыл дверь, я вышибу ему мозги.

— Нет, мой друг! — Старец говорил теперь более уверенно. Он заметно повеселел. — Этот путь для нас закрыт — слишком уж он охраняется. Но смотри! Я тут обдумал другой способ: есть другой путь, там совсем нет охраны. Он выведет нас не только из подземелья — он выведет нас из двorca.

Конан не пошевелился.

— Если ты знаешь о таком пути, то почему сам не воспользовался им много лет назад?

— Увы, дорога эта заложена камнями, а они слишком тяжелы для моих слабых сил. Но я не сомневаюсь, что такой могучий молодой мужчина может сдвинуть этот камень. От тебя не потребуется много труда. Так что — за мной!

Но Конан все еще медлил.

— Здесь темно, как в самых глубоких преисподнях Тартара. Я вижу только полоску под дверью, да и ту еле-еле.

— Не бойся, мой мальчик, я тебя проведу. — Голос звучал приветливо. — Дай мне руку и положи сюда, на мое плечо.

— Ну хорошо, но если это ловушка... — Конан замолчал. Его пронзила дрожь, когда он

коснулся рукой того, что на ощупь казалось птичьими костями, завернутыми в мокрый платок. Он едва ли мог поверить в то, что это живая плоть. Но под влажной холодной кожей он чувствовал, как двигаются мускулы и связки. Хрупкая лапка, похожая на руку скелета, взяла руку Конана, а немощное тело начало уходить прочь от двери, в глубь страшного подземелья.

— Осторожнее, молодой господин, а то своей звериной хваткой ты переломашь мои старые кости! — сказал вожатый. С каждым шагом его плечо подрагивало. Он вел Конана по неровному каменному полу подземелья. — Никаких дурных подозрений! Твой приход был для меня подобен пробуждению! Я снова стал вспоминать, как жил до того, как меня сунули в эту страшную дыру! Пригнись, тут низкий свод.

Конан потянулся наверх и ощутил макушкой грубую древесину балки.

— Я сказал тебе поначалу, что ничего не помню. Но теперь я все больше начинаю вспоминать о том мире, который находится за пределами этого подземелья. Широкое, просторное место, не так ли? Днем там ослепительно ярко, а ночью царит восхитительная прохлада и темнота. И мир населен людьми и животными и другими живыми существами. И там много еды, много питья... И сказочных богатств! — Старик свернул вместе с Конаном в длинный коридор,

ибо Конан ощутил, как изгибается стена. — Коф! Вот как называлось место, где я когда-то жил. Это было восхитительное место.

— А город назывался Тантизиум, — добавил Конан, желая оживить воспоминания старца.

— Да, да! Великий, благородный город, расположен над обрывом, подобно гнезду сокола! Улицы его и переулки и площади кишат людьми, и все заняты делом, все копошатся, как будто это крысиное гнездо. Ночами там светло, как днем, от факелов. И много дыма. Я хорошо знал его. — Старик возбужденно затрепетал. — В прежние дни я владел всем этим, тогда, в мое время, я наслаждался этим, и все это принадлежало мне.

Конан шел очень осторожно, стараясь соизмерять свой шаг с шаркающей походкой старца, который волочил ноги все живее и живее.

— Так ты был владыкой Тантизиума?

— Да, и все там подчинялось моим приказам! — заявил старец кратко. Судя по его тону, он говорил о чем-то само собой разумеющемся. — Смерды и благородные — все одинаково склонялись передо мной. По одному моему слову они мчались исполнять любую мою прихоть. Потому и цепь вокруг моей лодыжки серебряная.

— Серебряная? — Конан налетел на своего вожатого, который неожиданно пошел медленно.

— Да, да, серебряная! Она старая и поношенная и почти развалилась на части. Хотя она все еще чертовски мне досаждала. Ты можешь

взять ее себе, если в твоих руках довольно силы, чтобы освободить меня от нее.

— Попытаюсь, — сказал Конан. Он встал на колени и провел рукой вниз по плечу старца, вдоль его вонючих лохмотьев, по тощей ноге к немощной лодыжке. Она была покрыта мозолями. На ней болталось кольцо и дюжина звеньев, волочащихся по камню. Судя по весу, это было действительно серебро.

Конан схватил оковы могучими руками, напряг болевшие мышцы и порвал металл. Осторожно Конан снял его и снова поднялся.

— Благословение да пребудет на тебе, чужеземец, — пробормотал старец и снова пошел вперед. — Знал бы ты, сколько лет я мечтал об этом миге.

— Подожди! — посулил Конан. — Я размочу эту цепь камнем пополам и отдам половину тебе. Ты заслужил это. Кроме того, серебро поможет нам отогнать злые силы.

— Нет, нет! Оставь ее себе. Я не нуждаюсь ни в защите, ни в богатстве. Моим старым костям не снести его. Ну идем же, идем, выход там, вниз по тем ступеням.

Конан пожал плечами и засунул серебряную цепь за набедренную повязку. Старец, освобожденный от этой тягости, пошел вперед значительно быстрее и бесшумнее. Он двигался без ошибок — либо потому, что очень хорошо знал эти подземелья, либо потому, что развил в себе

почти нечеловеческую способность видеть в темноте. Конан же, наоборот, то и дело наступал в грязные лужи, в дыры, заполненные дерьмом, стучался макушкой о каменные своды. Сейчас все его силы уходили на то, чтобы поспевать за старцем, поэтому разговаривать было невозможно.

Дорога уводила все глубже вниз, по вонючим извилистым коридорам и лестницам, стертым, превратившимся в осклизлые бугорки. Темнота оставалась непроницаемой для зрения варвара. Воздух был все гуще, воняло все отвратительнее. Все чаще справа и слева что-то шуршало.

Наконец старец привел Конана в помещение, где было исключительно сыро. Здесь он заставил Конана опуститься на колени и отпить воды. Когда Конан нагнулся над подземным прудом, зачерпнув воду ладонями, он ощутил, что между пальцев пытаются проскочить какие-то склизкие живые твари. Вода была теплой и на вкус затхлой.

Они шли по коридору, где Конан нащупал пальцами стену, сложенную из необработанного камня. И вдруг остановились.

— Вот там наш выход, — провозгласил старец. Он схватил Конана за плечо и подтолкнул его вперед. — Там, прямо впереди!

— Не толкайся!

Несмотря на сопротивление Конана, старый человек держал его на удивление крепко за

запястье своей костлявой рукой. Старик водил его рукой по камню, заставляя ощупывать препятствие. Киммериец нащупал контуры обработанного камня с высеченным на нем каким-то знаком. Он встал на колени, чтобы охватить камень обеими руками и исследовать его. Это был здоровенный обломок скалы, втиснутый между каменной кладкой стен, не слишком прочно и не слишком умело.

— Вот барьер, вот препятствие. Если этот камень убрать, путь к свободе будет открыт. Долгие годы он преграждал мне дорогу к надежде. Теперь же я думаю, что ночь моего освобождения пришла.

Конан поискал, где бы расшатать камень. Странный символ, высеченный на нем, изображал солнце. Он был очень похож на тот, что он уже видел прежде. До чего же странный мотив для подземной тюрьмы, подумалось Конану. Однако долго размышлять над этим он не собирался. Известковый раствор, которым крепился камень, был уже старым и крошился. Сильные пальцы Конана в одно мгновение выцарапали довольно много старого раствора и вот уже нашли для себя опору, чтобы обхватить камень.

Он присел на корточки возле стены и дернул камень. Сперва он потащил его вверх, затем вниз, затем по сторонам. И вскоре почувствовал, что камень шевелится и поддается. Теперь он выталкивал его наружу. Сначала камень подви-

нулся только лишь на волосок, затем дело пошло легче. Камень громко трещал. Несколько маленьких камешков выпали и громко ударились о большой камень. В темноте они высекали серебряные искры. Хотя они были совсем бледными, их блеск ослепил Конана.

— Подается! Еще немного, малыш! Еще чуть-чуть! Я смогу снова увидеть свет моего мира. Страшный свет жжет как огонь мою старую пергаментную кожу! Давай дальше!

С последним рывком квадратный камень выкатился вперед с громким грохотом. Поток света хлынул в освободившийся проем. Щурясь, Конан сунулся в проем и увидел, что это горит почти полная луна, которая клонилась уже к западному горизонту. Свет луны был ослепителен, невыносим. Конан поглядел назад, чтобы посмотреть на проход, из которого он вышел, но смог разглядеть там только скрюченную фигуру.

— Как это странно... как возбуждающе! — изумлялся старый зек. — Я чувствую свет. Мне кажется, что он течет по моим венам, подобно жидкому огню. Меня одолевают воспоминания. Они приносят так много... дни моей силы, дни моей юности...

Все еще моргая, Конан вытаскивал камни из кладки, расширяя проход. Затем он просунул голову в отверстие, чтобы посмотреть, что находится впереди.

— Кром!

Изрыгая длинный поток невнятных проклятий, он отпрянул назад, во мрак.

— Старик, ты нашел изумительный выход. Действительно, это выход. Причем не только из тюрьмы, но и из жизни. Если хочешь знать, мы находимся на склоне отвесной скалы, на которой стоит дворец! Я не вижу способа ни подняться вверх по скале, ни спуститься по ней вниз. Особенно для такой старой развалины, как ты.

— Пусть это тебя не беспокоит, мой мальчик. Для меня это не составит труда теперь, когда силы возвращаются ко мне. — И действительно, голос старого зека зазвучал куда более густо. Теперь он не дребезжал и в нем слышалась сила. Конан был поражен. — Я могу проходить туда, куда захочу, без всяких приспособлений. Мои враги думают, что я мертв. Но теперь, как в старые добрые времена, я смогу свободно бродить по ночам и изыскивать себе корм на оживленных улицах. — Говорящий стал огромным. — Город снова превратится в мои охотничьи угодья, место обитания моих овечек и коровок. И низкородный сброд научится бояться меня, поклоняться мне, приносить мне жертвы, возносить ко мне молитвы!

Конан привык уже пропускать мимо ушей бессмысленное бормотание старца. Но эта речь, исполненная силы и величия, заставила его насторожиться. Лунный свет рисовал светлые пят-

на на лохмотьях диковинного старца. Конан вгляделся в тени туннеля, где скрывалось лицо его сотоварища. К его удивлению, это лицо оказалось куда массивнее и живее, чем он мог себе представить: квадратный подбородок; рот, не впавший, как у беззубого старца, а наоборот, по-бульдोजьи выпирающий. Мощные скулы. Черным мрачным светом горели провалы глаз. Растрепанные белые волосы свисали до колен.

Старец величаво глядел на Конана.

— Конечно, я сожалею о годах, впустую потраченных в этой дыре. Но теперь, когда все препятствия и препоны исчезли, я снова сполна могу насладиться жизнью. Назовем это жизнью, ибо настоящего слова для такого бытия не придумано. И мстью!

Более того, я многому научился за время моего сидения в подземельях. Я питался новыми формами жизни, которых в противном случае никогда бы не коснулся. Это в большой степени увеличило мою способность принимать различные облики.

Например, вот подходящая форма для этого случая: летучее существо, стремительное и легкое, однако же куда более приспособленное для ночного времени, нежели мой старый неуклюжий образ королевского орла. И тем не менее я остался все тем же свирепым убийцей, как прежде. А может быть, стал еще более страшным! Гляди!

Перед расширившимися от страха глазами Конана началась странная трансформация «старца». Грязные лохмотья спали с его тела. Грудь спасителя Конана расширилась, покрылась мехом. Изменилось и лицо. Оно стало вытягиваться, искажаться, невыразимо деформироваться. За спиной начали расти могучие темные крылья.

Конан стоял безоружным, не зная, на что решиться: бежать или атаковать. Оба пути казались ему одинаково безвыходными. Чудовище росло с ужасающей скоростью. Теперь клыки и когти существа сверкали в лунном свете, как кинжалы.

То ли мысль Конана пронеслась по странной цепочке оккультных знаний, каким-то путем застрявших в его голове. То ли он просто воспользовался тем, что оказалось под рукой, — он сам не мог бы этого сказать. Но он обхватил своими ручищами громадный камень с вырезанным на нем восходящим солнцем и, напрягшись так, что затрещали все его сухожилия, в титаническом размахе вознес его над головой и обрушил на чудовищное подобие летучей мыши.

Каменная глыба с хрустом обрушилась на монстра. Раздался душераздирающий вопль, и меняющая облик тварь была раздавлена, как крот. Но вот тварь извернулась и начала высвобождаться из-под камня. Было видно в слабом свете луны, как она снова начала меняться. Ее лапы, торчащие из-под камня, двигались, при-

нимая безумную последовательность форм. Существо проходило сквозь образы рыбы, насекомого, растения, человека. И вместе с тем не умолкал все время меняющийся вопль.

Не зная, что еще можно сделать, Конан прыгнул, прибавляя свой немалый вес к весу камня, чтобы удержать монстра прижатым к земле. Он ощущал, как тяжелый обломок скалы ходит под ним ходуном. Тогда Конан схватил камень поменьше и начал яростно долбить по голове все время меняющей облик твари. Но успех его был весьма скромным.

И вот тогда стали ясны волшебные свойства самого камня. Он начал светиться. Поначалу загорелся только символ солнца. Его теплый свет разительно отличался от лившегося из проема лунного света. Затем и весь камень начал излучать огонь, будто его только что вытащили из горнила Крома, таким он был горячим. Конан почувствовал, как под его руками разогревается поверхность камня, будто его за целый день нагрело яркое солнце. Отпрыгнув назад, Конан смотрел на это диво в немом изумлении.

Сверхъестественный свет сопровождался поднимающимися вверх дымами и шипящим звуком, который все время заглушался истошными воплями твари. Вслед за тем весь пол туннеля превратился в огненную преисподнюю, озаряемую сполохами. Тень Конана отчетливо чернела на фоне стены. Волшебный огонь не причинил ему

никакого вреда, однако поглотил монстра, чья обугленная плоть корчилась теперь под массой камня, подобно клочку ткани в добела раскаленном горниле.

Наконец вопли стихли. Свет погас. Остался только почерневший волшебный камень, лежащий на ложе из обугленных останков и жирной золы.

Конан сморщил нос, обоняя омерзительную вонь, и изрыгнул чудовищное ругательство. Затем, стараясь держаться подальше от останков, он повернулся и вылез через отверстие, куда пробивался лунный свет.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

СМЕРТЬ КРАДЕТСЯ В ЛУННОМ СВЕТЕ

Преодолев страх, Конан, подобравшись к пролому, выглянул наружу. Высоко над холмами Кофа сияла луна, окрашивая серебром их темную зелень. Но для варвара этот великолепный простор означал скорее смерть, нежели свободу.

Прямо под выходом из тоннеля, на два человеческих роста вниз, утес загибался, образуя выступ, который скрывал все остальное. Возможно, там находилась отвесная скала. Камень растрескался и не внушал доверия. Конан высунулся так далеко, насколько мог, но, как ни старался, так и не смог увидеть подножие утеса. Однако вспомнил, что еще недавно днем, подъезжая к городу и рассматривая городскую стену, он видел этот утес. Эта часть скалы показалась ему тогда неприступной.

Под ногами Конана была разбитая кладка. Сейчас один камень сорвался, покатился по наклонной плоскости — и Конану пришлось долго ждать, пока наконец где-то далеко внизу камень не разбился о невидимые скалы. Высота была смертоносной, в этом не было сомнений.

Это был, несомненно, запасной тайный вход на случай осады. Выбираться отсюда предполагалось, по всей видимости, при помощи веревок. Однако никаких веревок здесь, естественно, не было.

Какие же имеются альтернативы? Сзади находились гнусные останки демона, черные лабиринты подземелья, надежно охраняемые дворец и город. Если он повернет назад, вряд ли ему удастся выбраться отсюда живым. Тем более, необходимо как можно быстрее предупредить остальных наемников о том, что их жизням угрожает страшное колдовство.

Смерть, что находилась прямо перед ним, казалась более чистой. И этот путь предоставлял хотя бы ничтожный шанс выжить. Нужно только вспомнить старое умение лазать по отвесным скалам.

Долгий опыт покорения пиков Киммерии научил Конана, что спуск куда опаснее восхождения. Даже когда возвращаешься тем же самым путем. Слепо ставить ногу, идя совершенно неизвестной дорогой, — это выглядело сущим самоубийством.

При мысли об этом Конан угрюмо засмеялся. Совершать подобный спуск ночью, даже в свете луны, — еще больше увеличивать безумный риск. Пытаться делать это, полагаясь только на мышцы тела, ослабшего после зверского избиения, означало обречь все предприятие на полный провал.

И все же, как будто пытаясь подбодрить его, вдали мелькали палатки лагеря наемников. К северу они исчезали за неровной грядой холмов. В лагере все было тихо. Это означало, что принц еще не приступил к осуществлению своих коварных планов. Возможно, у Конана еще оставалось время!

Итак, утес. Более не колеблясь, Конан уселся на край тоннеля, свесив ноги вниз. Он снял сандалии и повесил их себе на шею. Затем повернулся к источенному камню. Медленно и осторожно он начал спускаться, выбираясь из зева туннеля. Босыми ногами он выискивал себе опоры.

Скала была холодной и шершавой. Трещин на поверхности он не заметил. Киммериец точно приклеился к отвесной стене, цепляясь за нее пальцами рук и ног. Вплотную прижавшись к собственной тени, он медленно пополз вниз, уходя в сторону от зева туннеля.

Конан прекрасно понимал, что любое неосторожное движение — и он найдет свою смерть у подножия утеса. Его ноющее исцарапанное тело снова начало болеть от сильного напряжения. Наконец пальцы ног отыскивали узкую расщелину, хотя и забитую песком и галькой, но пригодную для того, чтобы опереться, пусть даже кончиками пальцев.

Доверившись этой ненадежной опоре, Конан отважился бросить взгляд вниз, измеряя

наметанным взором путь, уходящий на головокружительную глубину. Нижняя часть скалы изобиловала трещинами и выступами. Основание терялось среди холмов и огромных валунов, так что, по крайней мере, ничтожный шанс на спасение был.

Конан продвинулся на дюйм вдоль своей опоры, пальцами ног выбрасывая песок и гальку и обходя большой выступ. И наконец он повис над бездной. Выступ остался сбоку. Тогда Конан остановился. Предстояло почти невозможное: перенести вес тела с пальцев ног на пальцы рук.

Несколько секунд потребовалось ему на то, чтобы утихомирить бешено стучащее сердце. Затем он схватился за пучок сухой травы, пробившийся из вертикальной трещины в скале. Осторожно он опустил на корточки, прижимаясь к скале боком и царапая колени о камень.

Он вырвал растение, утес начал было уходить из-под ног, но Конан с быстротой молнии схватился за ту трещину, где только что стояли его ноги. При этом рывке он чуть было не вывихнул себе плечо, но тем не менее ему удалось удержаться на скале. Итак, он остался висеть на одной руке, оставив на скале добрый лоскут собственной шкуры.

Холодный пот выступил у него на лбу. Теперь ему снова нужно было перебраться в сторону. С трудом он поднял вторую руку и двинулся пальцами по узкой трещине. Что с того? Перед ним

была совершенно вертикальная стена, высотой больше его собственного роста. Ее поверхность растрескалась и выветрилась. Киммериец долго не думал — ослабил руки и полетел вниз, тщательно выбрав перед тем место приземления.

При ударе о голый камень его ноги и колени соскользнули, оборвав кожу, но он сумел ногтями уцепиться за наклонную скалу и страшным усилием заставить себя остановиться и не рухнуть в пропасть.

Намертво вцепившись в опору, он поднялся немного выше и, устроившись удобнее, долгое время отдыхал, переводя дыхание. Ему было ясно: после этого прыжка ему уже невозможно будет подняться наверх, даже если спуск окажется неудачным. Дороги назад, в тоннель, больше не было!

Собравшись с силами и отдохнув, он осторожно спустился немного ниже и, разжав руки, сполз по гладкой скале к следующему уступу. Затем перебрался на третий. Каждый раз это требовало от него напряжения всех его сил и умений, всей его кошачьей ловкости и гибкости — и отличной тренировки. По мере того как в его сердце росла надежда совершить невозможное, руки и ноги становились все слабее. Он уже почти не чувствовал их.

Уже под утесом внизу видна была земля, залитая лунным светом, но все равно он находился еще слишком высоко, так что любое

неверное движение означало для него смерть, тяжелые повреждения — в самом лучшем случае — бессознательное состояние.

Переползая через третий выступ, он обнаружил, широкую, но не глубокую расселину, внутрь которой он мог забраться. Он быстро преодолел самый опасный и отвесный участок утеса.

По мере приближения к земле в трещинах скалы стало попадаться все больше пучков травы. Конан цеплялся за растения, которые давали ему лишний шанс победить в нелегком единоборстве с природой.

Уголкем глаза он заметил, как что-то темное движется поблизости, и ощутил нечто странное. Приглядевшись, он обнаружил сонмище серых пауков, которые разбегались по его руке и предплечью.

Усилием воли он отогнал от себя страх. Но пауки все же на мгновение отвлекли его внимание. В этот самый миг шаткий камень под его ногой подался. Конан заскользил вниз. Крик застрял у него в горле, когда он сорвался.

Мгновение спустя он ударился ногами о каменное крошево. Так продолжал он скатываться дальше, пока не ударился о полуосыпавшийся круглый выступ скалы. Следом за ним летела целая лавина мелких обломков. И теперь он катился вниз по склону, перескакивая через камни, скальные выступы, горы гальки. Все вертелось перед его глазами — холмы, луна, камни.

С сильным ударом рухнул он наконец на землю. Он лежал среди камней на сухой почве, где росла скудная трава.

Все еще дрожали локти и колени. Конан потряс головой, чтобы избавиться от головокружения. Все его тело страшно болело, но — о счастье! — он не чувствовал той острой боли, которая возвестила бы о переломе или какой-нибудь иной сильной травме.

Конан ощупал себя — запыленного, ободранного. Пауков не заметил. При падении потерял он и серебряную цепочку. Остался только ноющий след в паху, там, где серебряные звенья ободрали ему кожу.

Он сел, взглянул наверх. На ярко освещенном утесе зева тоннеля не было видно. На самой вершине темнели стены дворца. Не было заметно никаких наблюдателей. Не слышно было и тревоги, поднятой по случаю его исчезновения. Должно быть, шум падения его тела остался незамеченным.

Когда в голове у него прояснилось, мысль о том, что он свободен и невредим, была для него сущим исцелением. Он ощутил дикую радость и вместе с ней — стремление немедленно действовать. Сняв с шеи свои сандалии, он, кривясь от боли, надел их на израненные ноги. Затем он заковылял на все еще онемевших ногах в сторону лагеря наемников.

Киммериец шел по тележной колее, которая вела вокруг городских стен, огибая утес. Он

поглядывал на вершину стены и держался на краю дороги, готовый при малейшем сигнале опасности броситься в придорожную канаву. Здесь стена изгибалась, повторяя естественные очертания утеса. На коротком отрезке стены он не видел ни одного факела. Не слышно было даже обычной переключки часовых. Он продолжал быстро идти, силой воли заставляя свое ноющее тело двигаться вперед.

Вскоре утес террасами начал спускаться вниз. Зубцы дворцовой стены скрылись за его склоном. Теперь он достиг городской стены. Здесь стена и дорога выпрямлялись. Далеко впереди Конан заметил какое-то движение.

Как тень, рослый киммериец сошел с дороги, скользнул по краю первой террасы и продолжил движение вперед, прячась за ней.

На первой из двух башен, стоявших по обе стороны от городских ворот, что-то явно происходило. В свете большого костра, разложенного там, наверху, Конан видел мелькающие силуэты полудюжины людей. Хотя сам костер был скрыт бруствером, желтовато-оранжевая колонна дыма поднималась прямо вверх в безветренном ночном воздухе.

Конан подошел ближе и узнал в одном из людей на башне тощего Агохофа. Высокая фигура колдуна яростно размахивала руками. Однако не похоже было, чтобы Агохоф делал магические пассы. Скорее, он просто объяснял своим подручным, что от них требуется.

Несколько человек водрузили какой-то неуклюжий предмет на один из зубцов. Это был вроде бы большой кувшин из меди или другого металла. Конан видел, как огонь мерцает на пузатых боках сосуда.

Как раз когда Конан остановился, чтобы присмотреться получше, эти люди наклонили свою ношу вперед, опрокидывая ее. С башни излился поток серой жидкости.

Эта дрянь была скорее паром, ибо падала вниз со странной медлительностью, по дороге завиваясь странными кольцами. Коснувшись земли, она поднялась вверх, закрутилась, несколько секунд стояла неподвижно, подобно нерешительному фантому, а затем двинулась вперед, пройдя мимо каменных стен, по склону холма, к лагерю наемников.

С вершины башни огромная урна продолжала изрыгать неиссякаемый поток смертоносной жидкости. Агохоф перегнулся через парапет и внимательно наблюдал за своим созданием. Затем он заговорил с кем-то, кто стоял рядом с ним. Конан полагал, что рядом с колдуном стоит Ивор.

Что за зараза, что за яд таится в этом паре? Конан ничуть не сомневался, что Агохоф породил нечто крайне вредоносное. Более всего ему сейчас хотелось бы каким-то образом оказаться рядом с Агохофом и свернуть ему тощую шею. Но это желание он отринул как невыполнимое.

Вместо этого он осторожно подобрался поближе и стал высматривать, что находится на соседней террасе.

Перед закрытыми городскими воротами виднелось несколько стражников. Все их внимание было целиком поглощено низвергающимся серым водопадом. Как зачарованные, они с почти-тельного расстояния наблюдали за тем, как свиваются серые кольца. Находящиеся на стене солдаты тоже не сводили глаз с фантома и, казалось, забыли обо всем остальном. Конан соскользнул с террасы и бесшумно, никем не замеченный, направился вниз по склону к лагерю наемников.

Однако когда он был уже у края следующей террасы, ему пришлось замереть. Ибо там возле оседланной лошади стоял человек. Это был, несомненно, кто-то из кордона, поставленного Браго. На человеке поверх лат красовался плащ с гербом капитана-изменника. Он стоял, скрытый кустарником, лицом в сторону лагеря и глядел на ряды ближайших к нему палаток.

К счастью, больше никого поблизости не было видно. Конан присел на корточки и прыгнул вниз.

Мгновение спустя в ночи раздался придушенный крик, сопровождаемый хрустом ломающегося позвоночника. Киммериец бросил безжизненное тело стражника на траву. Он наклонился и сорвал с трупа пояс с мечом и плащ.

Лошадь зафыркала и попятилась. Конан схватил ее за поводья и наклонил ее голову вниз. В одно мгновение он уже взлетел в седло и погнал животное к лагерю. При этом он ревел так громко, что могли бы проснуться не только пьяные, но и мертвецы.

— Товарищи, к оружию! Нас предали! Лагерь окружен! Вставайте с постелей, ленивцы, грязные свиньи!

Рева во всю глотку, Конан беспощадно погнал лошадь прямо на палатки. Перепуганное животное несколько раз споткнулось о натянутые веревки и колышки. Из палаток понеслись ругательства.

— Вставайте, ублюдки! Дадим отпор банде Браго! Берегитесь колдовского тумана!

Лунный свет придавал лагерю призрачный вид. Огромные тени играли странные пьесы. Тут и там из палаток доносились сонные голоса. Те немногие часовые, что не спали, сначала бросались навстречу Конану, а затем столь же стремительно отшатывались, чтобы не попасть под копыта мчащего во весь опор коня. Когда впереди мелькнуло ограждение, варвар привстал в стремях и заставил свою наполовину обезумевшую от страха лошадь совершить головокружительный прыжок.

— Амазонки, вставайте! Пробудитесь! Принц приказал Браго и колдуну убить всех нас!

Когда Конан с тяжелым топотом скакал по лагерю женщин, он увидел, что Друзандра уже показалась из палатки. На ее лице, обрамленном белокурыми волосами, еще оставались следы сна. Конан осадил коня. Передние копыта мелькнули в воздухе.

— К оружию! И предупреди остальных! Агохоф наслал на нас ядовитый туман!

Конан увидел, что воительница поняла его, и галопом помчался к лагерю Гундольфа.

— Эй! Проснитесь, ленивые сонные мешки!

Повсюду, где проносился на коне киммериец, поднимались крики и гром доспехов. К этой какофонии звуков прибавлялось ржание, в то время как воины ловили и седлали лошадей. Конан понесся назад, к верхней части лагеря. Когда он скакал по центральной дороге, путь ему преградил поток клубящегося серого тумана. Он отчаянно натянул поводья, и конь остановился, подняв облако пыли.

— Берегитесь тумана! Это дело рук Агохофа! — крикнул он людям, которые показались из палаток, разбитых поблизости. Чародейское создание быстро стекало вниз по склону. Здесь туман становился более прозрачным, разреженным. Местами сквозь него можно было видеть. Он сползал с террасы призрачными водопадами и разбегался ручьями среди палаток. Жадные когти тумана тянулись и кружились под бледным светом луны.

Конан увидел, как полуодетый солдат пробежал прямо сквозь туман. Внешне ему не причинили никакого вреда. Однако сам Конан старался держаться в стороне, чтобы расплзающаяся серая призрачная масса не коснулась его. Он побаивался отвратительных чар. Варвар развернул свою лошадь и поскакал по боковому проходу, стремясь уйти от надвигающегося фронта колдовского тумана.

Мгновение спустя, когда они уже скакали вниз, конь ступил в стелющийся по земле невидимый ручеек пара, который струился между палаток. Конан впервые ощутил запах — странный запах, в котором было что-то едкое и гнилостное.

— Гундольф, вставай! Нас предали!

Туман уже повис серыми ключьями между виноградных кольев, он забрался, как настоящий туман, в самые верхние палатки.

— По коням! Да ты здесь ли, Гундольф?

— Эй, лейтенант! — донесся грубый голос капитана из палатки. — Я сразу понял, что это ты. Кто еще может реветь как обезьяна-ревун, которой заехали копьём в задницу? Ты что, сбрендил?

— Не сбрендил! Это грязнейшее предательство! — Так коротко, как только мог, Конан рассказал всю историю. В ответ разразилась целая буря проклятий. Люди стояли вокруг, вооружаясь, и, не стесняясь, изрыгали ругательства.

Конан тем временем слез со своего коня, который выглядел полумертвым после такого дикого галоп-а да еще под тяжестью варвара. Шлепком он отослал бедное животное прочь. Затем он оседлал своего черного жеребца.

— Наша единственная надежда в том, чтобы вовремя сесть в седло и прорваться сквозь окружение Браго, прежде чем ядовитый туман нас убьет. — Он взял свой щит, копье, секиру и сел в седло. — Гундольф, ты готов?

— Да, Конан. Только не надо нестись вперед сломя голову. — Тяжеловесный капитан вынырнул из палатки и широко улыбнулся Конану. — Не к лицу нам. Смерть — она баба терпеливая. Она подождет.

В полном вооружении он пошел к загону, где один из наемников уже держал его лошадь.

— Гундольф, держись подальше от тумана! — крикнул ему вслед Конан. Но его друг уже полез в серое облако. — Это все колдовские штучки того волшебника...

Конец его крика потонул в оглушительном грохоте, от которого содрогнулись холмы.

Грохот зародился где-то наверху с ревом и ослепительной вспышкой. Затем по всему лагерю пронеслась целая цепь таких вспышек. Огонь разорвал воздух над склоном. Казалось, самая земля начала корчиться в адской агонии. Конан видел, как бушующий хаос близится. Киммериец перевел взгляд на Гундольфа. Тот стоял по пояс

в сером тумане, отливающим посеребренным светом луны. В первый момент Гундольф раскрыл рот, чтобы изрыгнуть проклятье, но затем пламя взлетело и охватило его, и он исчез. Гундольфа подбросило наверх. Конан видел, как его изуродованное тело подняло высоко в воздух, бросая над деревьями, которые гнулись под ветром, будто колосья в бурю.

Затем раздался еще один, более мощный взрыв, сопровождаемый волной, и Конан завалился набок вместе со своим конем. Конан боялся, что конь задавит его. Но тут он заметил, что завернут во что-то податливое и мягкое. Это была ткань палатки, где он запутался вместе со своим животным. Несколько секунд Конан яростно пытался освободиться. Земля под ним содрогалась, а вспышки одна за другой озаряли небо.

Наконец перепуганное животное сумело встать. Оно освободило придавленную ногу Конана, и тому удалось сорвать с себя ткань палатки. Он вскочил как раз вовремя, чтобы схватить поводья охваченного паникой коня.

Он обнаружил себя стоящим под настоящим ливнем комков земли, обломков, темных капель, в происхождении которых сомневаться не приходилось, — это была кровь. Вокруг носились облака пыли, столбы тумана, рваные клочья — сквозь них почти ничего не было видно. Даже луна потемнела над бойней. На некоторых

местах еще горели огни, но главный ужас этой наколдованной преисподней был, кажется, припасен напоследок. Вокруг Конана летала сплошная мешанина обломков разрушенного лагеря. Доносились мучительные стоны, крики боли и ужаса. Те люди и лошади, которые сумели остаться на ногах, разбегались кто куда. Издалека слышен был шум боя — там вступили в дело люди предателя Браго.

Конан вел свою лошадь, помогая некоторым из своих товарищей встать на ноги. Он собирал их в отряд, чтобы дать достойный отпор предателям. С ранеными он не возился. Когда все способные держать оружие в руках сплотились в боеспособную единицу, он снова вскочил в седло и погнал коня вниз по склону.

Между разорванных в клочья палаток, упавших деревьев и растерянных, оглушенных, медленно приходящих в себя жертв Конан увидел еще более жуткие бранные останки — тела людей и лошадей, некоторые обугленные, другие разорванные на части или вывернутые наизнанку силой агохофовского заклинания.

Гнусное дело умереть таким образом, настоящий позор для Гундольфа и — Кром знает, сколько их было! — для многих других. Лицо Конана было страшным. Люди, мимо которых он проходил, невольно отводили взгляд.

И однако же гнусные усилия колдуна не увенчались тем головокружительным успехом, на ко-

торый он рассчитывал. По мере того как Конан продвигался по лагерю, следов разрушения было все меньше. Вскоре он был уже в нижней, совершенно не пострадавшей части лагеря. Там все еще седлали лошадей и готовились дать решительный отпор предателям. С того момента, как Конан ворвался в лагерь и поднял тревогу, прошло всего несколько минут. Не поступи он подобным образом, колдуну удалось бы распространить свой огненный туман значительно дальше, прежде чем поджечь его. И если бы не Конан, то эти уцелевшие люди сейчас бы тоже валялись с вывороченными кишками.

Теперь огонь и ужас подвигали всех к лихорадочной деятельности. Конан шел по широкой тропе сквозь поток лошадей и пешех. Многие были готовы уже к бою и вооружились, но металась туда-сюда, не зная цели. Конан искал, не попадется ли ему штандарт или значок отряда, но ни одного не нашел.

Когда он пришел в лагерь Браго, теперь пустующий, он наткнулся только на одного конного солдата, который кричал ему:

— Конан! Здесь ты не пройдешь! Дорога закрыта!

— Хо, Франос! — Голос Конана казался даже ему самому сиплым и еле слышным. — Если дорога закрыта, то нам придется всего-навсего ее открыть, только и всего. Прежде чем банда Браго загрызет нас до смерти, взяв в клещи. Или

принц атакует из города. — Конан проехал мимо толстого перепуганного наемника. Тот повернул свою лошадь и поехал за ним. — Что ты имеешь в виду, говоря, что «дорога закрыта»? — спросил Конан.

— Лучшие всадники Браго перекрыли дорогу за лагерем. Все, кто пытался прорваться, были убиты. Лучше будет проходить на флангах.

— Ах, правда? — Конан погнал своего коня вперед, оставив далеко позади своего прежнего приятеля по воровским делам. Он проскакал мимо палатки Браго, которая стояла открытая и пустующая. Затем он наткнулся на несколько всадников, которые ждали у обочины, не зная, на что решиться. Заметил баррикаду на краю лагеря. За баррикадой он увидел в серебристом лунном свете несколько пикинеров на конях. Он только прищипил своего коня.

— Глядите, Конан хочет попробовать на ужин копье! — закричал кто-то.

— Храбрый воин! Нужно помочь ему! — подхватил другой.

Не обращая внимания на их крики, Конан подхватил свой щит, продел руку в ремни. Свободная его рука взялась было за древко копья, однако остановилась на секире. Это оружие имело два широких изогнутых лезвия и было тяжелее, чем его старое. Он схватил ее, поднял наверх и приготовился нанести удар. Тяжелые копыта черного скакуна гремели по дороге, ведущей

вниз по склону. Конь несся все быстрее и быстрее. Конан уселся поплотнее в седле, накинул петлю топора на запястье и стал погонять коня. Конь понесся еще быстрее. Дробный перестук копыт ускорился.

Впереди на дороге поджидали его всадники. Рослый воин из середины выскочил навстречу Конану. Он держал копье наготове, собираясь разить. Султан на шлеме, морда волка на щите — по этим приметам Конан узнал его. Это был сам Браго, командир наемников-предателей.

Кони бешено неслись навстречу друг другу. Подковы выбивали искры из камней. Конан взял поводья в левую руку, держащую щит, правой же занес секиру. Браго держал свой щит на высоте плеча, чтобы принять на него нанесенный сверху удар секиры. Острие копья он нацелил прямо в сердце своего противника. Глаза Браго были скрыты за черной прорезью забрала, но зато в сияющем свете луны были видны его светлые усы и яростно искаженный рот. Расстояние между врагами быстро сокращалось.

С оглушительным звоном металла всадники сшиблись. Деревянный круглый щит Конана отбил в сторону копье Браго, так что острие не причинило ему вреда. Конь Конана несся с бешеной скоростью. Удар секиры пришелся вождю наемников в середину корпуса, прямо под поднятый щит, зацепив нижний край нагрудной пластины. Нечеловечески жутким был краткий,

пронзительный крик Браго. Воздух с шипеньем вырвался из пробитых легких. Но еще более жутким для его товарищей было видеть, как тело их вождя выпало из седла, распавшись на две половины. Не останавливаясь, Конан развернулся и атаковал следующего врага. Остальные воины кордона были смяты и снесены лавиной всадников, которые мчались из лагеря вслед за киммерийцем. Некоторые из солдат Браго поскакали прочь, лишённые последнего мужества. Лишь немногие стойко оборонялись. Звон мечей разносился в лунной ночи.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

— Вон убийца!

Конан с трудом выкарабкался из тяжелого сна. В голове был туман. Казалось, она была набита войлоком, а сердце тяжело бухало от внезапного пробуждения. Однако даже во сне он реагировал на такое пробуждение быстрее, чем готов был ухватить разумом: меч был уже в его руке, прежде чем он успел это осознать.

Он поднялся на колени среди разбросанных меховых шкур. Он сам устроил себе это ложе между корней раскинувшегося над ним дуба. Прислонившись спиной к массивному стволу, он смотрел на окружившие его разъяренные лица.

Один из них сказал:

— Зено, имей милосердие! Этот человек несколько часов спал как убитый — хотя лично я совершенно не понимаю, как кто-то мог заснуть посреди этого безумного шума! — Говоривший перевел взгляд с Конана на рыжеволосого воина. — Дай ему время очухаться, проснуться и подготовиться, прежде чем обрушить на его сонную голову обвинения!

— Нет! К чертям! Справедливость и так ждала слишком долго! — Зено оттолкнул человека, который его останавливал. — Эта скотина разве дала Стенгару время? Или мальцу Лалло? — Наемник был облачен в кожаную куртку, насквозь пропыленную. Произнося свои обвинения, он бил рукой в такт по рукояти своего меча. Он кипел от ярости. — Нет, я не дам ему времени обдумать новое предательство. Теперь, когда он убрал с дороги Гундольфа, он решил сам взять командование над нашим отрядом! Можно подумать, это дано ему по праву рождения!

— Грязная ложь! — яростно заревел Конан. — Я пытался спасти Гундольфа — и твою бесценную задницу, Зено!

— Да, он говорит правду! — встрял молодой солдат. — Я был там. Варвар как раз предупредил капитана в тот момент, когда огненный туман охватил его.

— Не доверяю я его предупреждениям. Слишком уж проникательный для невиновного. — Голос Зено перекрыл гуденье голосов остальных. — Я только знаю, что нынче ночью его среди нас не было. Отправился во дворец по каким-то грязным темным делишкам. Слишком уж хорошо он был посвящен в планы Ивора предать нас. — Голос Зено стал густым и сладким, точно эти обвинения доставляли ему удовольствие. — А затем он врывается с шумом и громом в наш лагерь и приносит на хвосте этот

проклятый колдовской туман. Я выжил отнюдь не благодаря его помощи! Наоборот! Я действовал вопреки его совету, положившись на собственное соображение и умение.

Еще один голос донесся из толпы:

— А что насчет Браго? Конан убил его и тем самым прорвал окружение. Если бы не он, нам бы крышка.

— Глупости! Еще одна варварская брехня в поисках славы! Я сам провел отряд сквозь южную цепь людей Браго! — При этих словах Зено несколько человек кивнули. — Вопрос стоит так: как долго мы еще будем позволять этому варвару убивать наших лучших людей, в чем он проявляет поистине дьявольскую ловкость?

В толпе, собравшейся под дубом, разгорелся яростный спор. И снова, как во время столкновения в таверне, люди разделились. Некоторые заняли сторону Конана, другие поддерживали Зено. На челе киммерийца собрались грозовые тучи. Он заметил, что этот спор, при всей его ярости, носил только локальный характер. За головами толпы на пологих склонах холма он видел других наемников, которые готовили пищу на кострах, разбивали лагерь, беззаботно расседывали лошадей.

— Я бы поставил вопрос иначе, — громко сказал старый, покрытый шрамами наемник с седыми волосами. — Кто станет во главе банды Гундольфа теперь, когда старого пирата больше

нет с нами? — Он с ухмылкой оглядел собравшихся. — У нас тут два боевых петушка, которые сцепились за этот пост. Вот что я вам скажу. Вместо того чтобы тут спорить, уладим дело традиционным образом. Пусть ОНИ бьют друг друга морду, если хотят. А мы поглядим.

При этом предложении толпа разразилась радостными криками и немедленно подалась назад, окружив соперников и дав им место для поединка. Зено вошел в круг и извлек свое оружие из ножен.

— Отлично! Честный меч против грубого варварского натиска!

Он встал в боевую позицию и взмахнул своим серебристым клинком.

— Иди же, киммериец, если только ты не наклал в штаны! Посмотрим, как тебе на этот раз удастся сломать мой меч!

Молча, на крыльях ярости, Конан бросился вперед. Еще быстрее обычного его меч взлетел вверх и со страшной силой ударил по мечу Зено. Только один удар... и сокрушительная мощь этого удара отбила меч Зено вниз и в сторону. Вместо того чтобы отпрянуть назад для нового замаха, Конан пошел вперед, пока не оказался в пределах досягаемости меча Зено. Однако киммериец беспечно отбросил свой меч и обхватил голыми руками Зено вокруг живота.

— Апп! Хочешь бороться! Ну так я тебя заломлю!

Зено хрипел и задыхался, а могучие руки противника сжимали его, не давая вздохнуть. Он опустился на колени и попытался лягнуть Конана между ног; кроме того, он все еще не оставлял затеи ударить варвара мечом. Но и та и другая попытка были тщетны. Конан резко развернул своего противника, прижав спиной к себе, и сдвинул его еще сильнее.

Несколько секунд ноги Зено беспомощно болтались, лягая воздух. Будучи далеко не хрупкого сложения, в могучих объятиях Конана он был беспомощен, как антилопа в пасти льва. Однако Зено еще не сдавался. Одной рукой он упорно сжимал меч, другой же пытался дотянуться до кинжала в голенище сапога. Однако выхватить его не удавалось.

Затем могучая ручища Конана взвилась над плечом противника. Грандиозный кулак впечатался в обтянутый кожей зад Зено. Жертва висела теперь горизонтально над землей. И не успел тот даже издать яростного рыка, как Конан с силой отшвырнул его.

Зено отбросил меч, чтобы случайно не упасть на него. Затем со всей силой грянулся о корявые корни дуба. Слышно было, как у него треснули все ребра. Лицом в грязь лежал он, глотая воздух. Двое его товарищей поспешили к нему, остальные окружили Конана широким кольцом.

— Ну что! На этот раз все понятно, кто тут будет командовать? — Конан яростно сверкнул

глазами на людей, стоявших вокруг него. Желваки играли на его лице. В глазах горел вызов. В ответ раздался восторженный рев. Зрители радостно заколотили оружием по щитам. Конан ступал среди людей. Одни с удовольствием сильно били его по плечу, другие же опасливо отодвигались подальше.

Он обратился к старому наемнику, чье лицо покрывали боевые шрамы:

— Горус, выясни, кто еще остался с нами. Прежде всего, узнай, как обстоят дела с младшими командирами. Мои обязанности командира отряда требуют, чтобы я кое-куда пошел.

Конан оставил людей в тени дуба и вышел на солнцепек. Наспех разбитый лагерь раскинулся на поросшем травой холме, от вершины до подножия, где протекал ручей. Холм и река представляли довольно слабую защиту, но все же это было больше, чем ничего. Особенно если речь заходит об угрозах, исходящих от Агохофа. Сотни солдат были повсюду в примятой траве — врачевали раны друг друга, делились впечатлениями о ночной битве, утренней стычке. Некоторые разбирали наспех захваченные с собой вещи.

Конан остановился возле бочонка с водой и, поднеся его к губам, сделал несколько добрых глотков. Немного воды плеснул себе в лицо и потряс головой. Капли полетели в разные стороны. Затем, пригладив свои черные волосы, он

двинулся дальше, навстречу человеку, идущему мимо целой шеренги оседланных лошадей.

Человек был крепко сбит. На нем был плащ, выгоревший на солнце почти добела. Светлый плащ только подчеркивал бронзовый цвет его кожи. На голове сидел стальной заостренный шлем. Когда он поравнялся с Конаном, тот окликнул его:

— Будь здоров, Аки Вадсай!

— А, Конан! — предводитель пустынных воинов заговорил на туранском, зная, что варвар общается на нем бегло. — Приношу соболезнования по поводу смерти Гундольфа. Он был для тебя больше, чем капитан. Мне он тоже был хорошим другом.

— В самом деле, — кивнул Конан. — Вот что я хотел спросить тебя. Почему твои люди пригодились уходить отсюда?

Темные глаза офицера сузились.

— Ах да, я забыл. Ты же теперь капитан вместо Гундольфа, если только люди пойдут за тобой. — Его взгляд на мгновение задумчиво замер на бесстрастном лице Конана. — Ладно, мой друг, скажу тебе. Мы уходим, потому что выполнили все наши задачи. Наши ряды — как вы там, гиперборейцы, говорите? — поредели. Мне повезло. Я все-таки сохранил почти всех моих людей. Но мы больше не хотим иметь никакого дела с джиннами этого шайтана Агохофа. — Его темное лицо еще больше омрачилось. — Итак, мы

уходим. Куда пойдет твой отряд, я не знаю. Но мои люди и я — мы уходим в восточный Шем. Всегда найдется для нас работа в тамошних городах-государствах.

Конан поднял брови:

— Вы оставите Ивора наслаждаться плодами его победы после того, как он нагло обманул вас? — Киммериец спокойно разглядывал Аки Вадсая. — И ты, ты, Аки Вадсай, сможешь жить с этим? И твои воины смогут? Как после этого ты можешь надеяться на уважение своих солдат?

Глаза всадника пустыни опасно сузились.

— Все мои люди уважают меня! — резко произнес он. — Все живые люди! Клянусь Таримом! — Он сплюнул в сторону и вызывающе посмотрел на Конана.

— Я тебя уважаю. — Киммериец кивнул. — Я знаю, что ты ищешь только честных побед и печешься исключительно о благе своего отряда. Но я прошу тебя: не уезжай пока отсюда. Я хотел бы встретиться с тобой и другими командирами наемников. Все, кроме Гундольфа, живы. Ведь так?

— Да.

— Тогда задержись на некоторое время. Я соберу всех.

Аки Вадсай кивнул нехотя, после чего Конан повернулся и пошел через лагерь. Он оглядывал солдат в поисках знакомых лиц. Через несколько

секунд нашел Бильхоата. Тот шумно препирался с другими наемниками из отряда Виллезы.

Когда бывший вор увидел Конана, он выбрался из толпы своих товарищей и, широко ухмыляясь, подошел ближе.

— Итак, ты все еще жив, хотя всякое там колдовство и интриги так и обвиняют тебя с головы до ног. А теперь еще и спаситель вольных наемников. Вот Конан, которого я знаю!

Киммериец дружески кивнул:

— Бильхоат, я хотел бы отыскать твоего командира.

— Виллезу? Это не так тяжело. Вон он в палатке и пьет до отупения. То ли от глупости, то ли от ярости, а может быть, от того и другого сразу.

— А что Друзандра? Ее отряд тоже в этом лагере?

— Да, я слышал, что она поставила свои палатки выше по течению реки, у водопада. Там узкая расселина с очень отвесным склоном, не подобраться. И выставила посты против мужиков, которые могли бы туда сунуться. — Бильхоат облизнулся. — Но кое-кто из парней поговаривает, что позже можно будет сходить на пороги поудить рыбку...

— Отсоветуй им! — Конан положил ладонь на плечо старого друга. — Бильхоат, я бы хотел, чтобы ты пригласил Друзандру на совет всех вождей.

— Я могу попытаться. — Стигиец призадумался. — Я только надеюсь, что эти потаскушки не подвесят меня за яйца на ближайшей же ветке.

— Если Друзандра будет сомневаться, скажи ей, что я лично гарантирую ей безопасность в этом лагере. — Конан улыбнулся. — Эти слова так ее разозлят, что она непременно явится. А я пока поговорю с Виллезой.

Бильхоат отправился вниз по склону холма. Конан зашагал в противоположном направлении. По дороге он заговорил с Горусом. Старый солдат докладывал ему, сколько человек из отряда Гундольфа осталось в живых.

— Конан, люди хотят, чтобы их вела сильная рука. Особенно сейчас, когда они оказались на враждебной территории, — сказал седобородый воин. — Большинство твердо стоят за тебя.

— Отлично, Горус. Оставайся теперь при мне. Ты мой адъютант.

Прошло некоторое время, прежде чем Конан пробудил Виллезу из его алкогольной медитации. Затем ему пришлось позаботиться о том, чтобы господин капитан был умыт и одет. Когда они наконец выбрались из пропахшей винными парами палатки на свободу, Конан увидел Бильхоата стоящим на склоне холма. Друзандра и Ариэль настороженно шли следом, держа ладони на рукоятках мечей. Со всех сторон их приветствовали свистки и выкрики. Когда белокурая

воительница увидела Конана, она коротко кивнула ему.

Предводители наемников и их адъютанты сходились к шатру Аки Вадсая, от которого удалось спасти из разрушенного лагеря только крышу и четыре колышка. Двадцать воинов пустины держали на расстоянии толпу любопытных. Они стояли на страже. Когда все приглашенные вошли под навес и уселись, скрестив ноги по-восточному, Конан взял слово.

— Как предводитель отряда Гундольфа я настоятельно прошу вас, вольные наемники, не уходить из Кофа и не расходиться. — Он оглядел собравшихся. — Вместе мы представляем собой силу, с которой противник вынужден считаться. Мы можем получить с Ивора то, что нам причитается по справедливости. Либо же, в противном случае, взять с него плату за его предательство его же собственной плотью.

— Э, да это великолепная идея! — вскричал Виллеза. — Мы можем выдавить из него деньги, разоряя его страну. В конце концов, нас тут достаточно много, чтобы спалить у него каждый сарай на этих несчастных холмах и залить пожарища кофийской кровью! Мы покажем этим мерзавцам, как остры наши клинки! — Его пьяная ярость так и вскипала, и он перекрикивал всех остальных. — Добыча, может быть, будет и не слишком богатой, но все же достаточной, чтобы кормить нас некоторое время и

чтобы нас распотешить. Мы будем разорять его днями напролет, а ночью будем скакать, и тогда ни Ивор, ни его проклятый колдун не смогут нас настигнуть.

— Никогда и ни за что, ты, пьяная жадная скотина! — Друзандра приподнялась на своем месте и сильнее сжала рукоять меча. — Если ты думаешь, что сможешь обесчестить женщин в этой округе, если ты хочешь избить невинных людей, то имей в виду: единственный, кто подвергается опасности в таком случае, — это ты! Тебе придется иметь дело со мной и моими подругами!

— Тихо! Остановитесь оба! — прервал их Конан резким окриком. Затем он продолжал более спокойным тоном: — Мы будем сражаться, это правда. Но не против народа Кофа. — Он строго поглядел на вождей наемников. — Многие из местных уже отвернулись от Ивора, и еще больше местных жителей скоро начнет его ненавидеть. Не в наших интересах убивать тех, кто скоро станет нашим союзником. — Он нахмурился. — Нет, мы должны нападать только на принца и его солдат. Мы должны совершать тщательно обдуманные нападения на его гарнизоны или, возможно, на лагерные стоянки.

— Но, Конан, подумай о тех потерях в живой силе, которые мы понесли, об утраченном вооружении. — Аки Вадсай нетерпеливо покачал го-

ловой. — После того как огненный туман опустился на лагерь и после того как мы утратили отряд Браго, мы много потеряли в силе.

Конан скрестил руки на груди.

— Отряд Гундольфа... то есть мой, насчитывает почти тысячу человек. Кроме того, сюда постоянно прибывают новые люди, включая и тех, кто ушел от Браго. — Он повернулся к другим капитанам: — Друзандра, твои дьяволицы — они как, в порядке? Хорошо. Виллеза, твой отряд пострадал куда меньше моего.

— Благодаря тебе, Конан. — Зингарец сделал величественный жест своей пухлой рукой.

— Теперь насчет припасов, — продолжал Конан. — Тут и в самом деле, почти все пропало. В настоящий момент какое-то время нам придется кое-что реквизировать, возможно, даже пограбить. Но в ограниченных масштабах. Правда, тут есть местные партии, которые будут рады оказать нам поддержку. Что до меня, то у меня есть связи с королевской семьей Хорайи, чье королевство находится отсюда всего в шестидесяти милях к западу. Готов поспорить, что там будут очень рады мятежу против такого опасного для них соседа, как Ивор...

Его прервал шум всадников, въехавших на охраняемую территорию перед шатром. Обернувшись, он увидел двух человек, слезающих со взмыленных коней. Наемник в тюрбане выбежал вперед и распростерся перед Аки Вадсаем.

— Господин, они хотят говорить с ним... с варваром.

Конан поднялся на ноги, чтобы встретить своих гостей. Это были мужчина и женщина в дорожной одежде, сейчас насквозь пропыленной. Они были ему слишком хорошо известны. Неужели он познакомился с ними всего лишь прошлой ночью? Его тело заняло при воспоминании обо всем том, что с тех пор произошло.

— Евлалия! Рандальф! Вам удалось убежать из дворца!

— Да, Конан. — Аристократка, несмотря на свою растрепанную прическу, несмотря на явную усталость, оставалась очень красивой. Она подошла к Конану и взяла его руку своими маленькими ручками. Рандальф стоял рядом с ней. Он выглядел отсутствующе и только кивнул коротко. Его одежда вся была покрыта пятнами крови, которых было слишком много, чтобы можно было считать всю эту кровь его собственной. Глаза его ввалились от усталости. Евлалия продолжала: — Барон Стефани также ускользнул из города вместе со всеми его людьми. Он вынужден был срочно отправиться в свое имение — защищать его. Это единственная причина, по которой его нет сейчас с нами. В настоящее время он открыто возглавил мятеж против Ивора. Нас он послал в качестве своих доверенных послов.

— Вы прибыли как раз вовремя. — Конан повернулся к остальным своим товарищам: — Евлалия и землевладелец Рандальф были со мной во дворце прошлой ночью, когда Ивор заключил сделку с королем Страбонусом и решил предать нас. Подобно мне, они ускользнули, избежав опасностей оружия и тайной магии. Они убеждены, что Ивор имеет много противников по всей стране, да и в самом Тантизиуме.

— Да, это так, — подтвердил Рандальф. — Самые бедные слои городского населения на пороге восстания. Даже жители гор вдоль границы моих владений не поддерживают больше принца. Когда прошел слух, что он примирился с королем, там поднялось открытое недовольство.

— Видите? Коф вовсе не объединился против нас! — обратился Конан к своим товарищам. — И эти местные мятежники ищут сейчас нашей поддержки.

— И не только это, Конан, — добавила Евлалия. — Барон говорит, что он и его крестьяне и скотоводы, которые заодно с ним, будут снабжать провизией любых наемников, кто только останется помочь нам в нашей борьбе против Ивора.

— Но этого недостаточно, — вмешался Виллеза. — Если мы должны сражаться, то нам нужно выплатить то, что задолжал Ивор. Плюс дополнительную плату за задержку. Да еще

подъемные. А ваш барон — он как, готов выплатить все это? Ну, тогда мы сравняем Тантизиум с землей.

— Я бы лучше подралась с этим кровавым ублюдком, который тут сидит рядом со мной, чем стала бы биться с принцем-предателем, — сверкнула глазами Друзандра на зингарца. — Когда я сражаюсь, я сражаюсь ради того, чтобы спасти женщин и бесправных людей, — но я не сражаюсь для того, чтобы притеснять слабых еще больше.

— Очень хорошо, женщина. Вот ты и продавай свою горстку дракониц за просто так! — выкрикнул Виллеза с неподдельным негодованием. — Мятажникам они не мешают. Что до меня, то под моим началом тысяча двести отборных воинов. Они могут своротить горы, но только за хорошую плату. А так они не сражаются!

— А что мы вообще сможем выиграть во всех этих битвах, если магия Агохофа сотрет нас в пыль? — спросил Аки Вадсай, слабо покачивая головой. — Вся добыча этого мира не сможет оплатить такую смерть. Все наши препирательства — это пустое сотрясение воздуха, если мы не найдем управы на колдуна. Даже торчать здесь, в этой палатке, сущее безумие.

— Ты прав. — Конан посмотрел на сына пустыни. — Я тоже весьма уважительно отношусь к магам Кхитая, гильдии, которая выпестовала Агохофа. Ты и я — мы оба служили на востоке

и знаем, какова их власть и сила. Нам это известно лучше, чем кому бы то ни было из присутствующих. — Он пожал плечами. — И все же и колдуна можно одолеть. Или избежать его чар. Мы могли бы поиграть в пятнашки и предпринимать ложные атаки, отвлекая внимание колдуна.

— Достаточно странно. Ведь этот Агохоф был послан королем Турана, чтобы помочь Ивору в его восстании, — проговорила Друзандра, будто размышляя вслух. — Как король Илдиз отнесется к тому, что принц Ивор и король Страбонус заключили мир и теперь они снова союзники? Возможно, отзовет колдуна или, в крайнем случае, убьет его. Не может же он позволить, чтобы такое мощное оружие попало в руки его противника, короля Страбонуса?

При этих словах Аки Вадсай энергично затряс головой:

— Ты что думаешь, Илдиз обладает достаточной властью так поступить? Агохоф не подчиняется его приказам. Он отчитывается только перед своими кхитайскими Мастерами Колдовской Гильдии. Это отдельная и исключительно тайная сила, которая часто служит обеим враждующим сторонам. Они преследуют всегда только свои собственные интересы. — Предводитель воинов пустыни выдержал мрачную паузу. — Я думаю, что они с превеликим удовольствием ухватятся за возможность распространить свое

влияние на запад, в хайборийские земли. Помните об этом. Я сказал, ваше дело — прислушаться.

— Двуличность колдуна вовсе не сюрприз для короля, — заметил Конан. — Возможно, Илдиз специально послал его, чтобы внести хаос и разрушение в столицу Страбонуса. — Киммериец засмеялся. — Будь я королем, я бы держал его подальше от моего двора, а вы? Нет, оставьте Агохофа мне, — продолжал Конан. — Кром знает, что всякое колдовство мне так же противно, как и вам. Я зубами готов скрипеть. Но мне и прежде доводилось встречаться с колдовством. И вы видите, что я еще жив! — Он начал мерить шагами пространство между послами барона и сидящими командирами наемников. — Когда в последний раз я усадил на трон в Хорайе принцессу Ясмелу, я уничтожил одного колдуна — ни живого ни мертвого чернокожника, который бы слопал этого жалкого колдунешку с потрохами без соли и хлеба. А потом я командовал ее армией из десяти тысяч человек. — Обведя недоверчивые лица слушателей взглядом, он быстро добавил: — Это был счастливый случай. Его предсказал храмовый оракул. Ну, как бы то ни было, я предлагаю внести вклад в это доброе дело. Стефани и бунтовщики хотят иметь дело со мной, как вы слышали. Если вы предпочтете остаться со мной, то мы сможем все вместе

преподать Ивору урок, который послужит назидаанием потомкам. Научим его чисто вести дела. Что до того, кому взять верховное командование этой операцией... — Конан пожал плечами. — Все здесь опытные командиры. Мы приходим к согласию по стратегическим вопросам.

Виллеза заговорил первым:

— Я буду сражаться рядом с тобой, Конан, если Аки Вадсай тоже останется.

— Я тоже. — Друзандра бросила сердитый взгляд на зингарца.

— Ну а ты, друг Турима, что ты скажешь? — Конан посмотрел на смуглое непроницаемое лицо кочевника. — Когда наши враги сплотились, нам лучше сделать то же самое. Ты так не считаешь?

Тогда и воин пустыни медленно кивнул:

— Хорошо. Ладно, Конан. — Он встал, шагнул навстречу улыбающемуся киммерийцу и протянул ему руку. Но от объятий чудовищных лап варвара все же уклонился. — Только пусть этот Стефани и его доблестные мятежники предложат нам хорошие условия.

Евлалия поспешила успокоить его:

— Я знаю, что барон более чем в состоянии быть щедрым. — Она придвинулась к нему поближе и пустила в ход свое самое сильное оружие — прелестную улыбку.

— Ну, Конан, хорошо. Нам не следует больше оставаться в этом лагере. — Друзандра потянула

киммерийца за рукав и оттащила от красивой женщины. — Это смертельная ловушка. И довольно неудобное место для моего отряда. Здесь для нас небезопасно.

Конан задумчиво провел пальцами по подбородку.

— Да, нам нужно найти безопасное место, но неподалеку от Тантизиума. И прежде чем мы приступим к осаде города, нам нужно каким-то образом покончить с колдуном...

После обсуждения, затянувшегося далеко за полдень, собравшиеся наконец разошлись. Аки Вадсай предложил Евлалии и Рандальфу свое гостеприимство — довольно пышное по сравнению с тем, что имели другие. Остальные капитаны со своими помощниками разошлись по отрядам.

Конан, в голове которого все еще роились планы военной кампании, условия оплаты и так далее, обнаружил, что машинально направляется назад, к своему лежбищу под дубом. Он был счастлив остаться наконец в одиночестве и наслаждаться тишиной.

Затем, когда он проходил мимо кустарников, когда было уже рукой подать до наемников, он услышал позади шаги и хруст сучьев. Быстро повернувшись и схватившись за оружие, он приготовился к поединку.

Преследователь был всего в нескольких шагах. Конан тотчас же узнал его.

Конан — Зено! — Конан стоял наготове с обнаженным мечом. — Наше дело, как я вижу, еще не улажено?

— Нет, Конан. — Солдат, держа руку на рукояти меча, держался, однако, так, чтобы Конан не мог его достать. — Сегодня днем, когда мы подрались, ты меня так унизил, что ни один воин не мог бы этого вынести. — Его голос упал. Это был хриплый шепот. — Неважно, честный ты человек или предатель. В любом случае было бы лучше убить меня.

— Возможно. — Конан внимательно рассматривал этого сильного человека. Зено, казалось, приходилось прилагать немало усилий для того, чтобы держаться прямо. Возможно, это было связано с той поркой, которую задал ему Конан.

— И многие теперь удивляются, почему ты не сделал этого.

Конан не ответил, молча глядя на него.

— Я искал тебя позднее, чтобы отомстить за оскорбление. Но там было слишком много наемников. Потом ты встречался с другими командирами. Я следил из толпы. — В глазах рыжеволосого Зено застыла решимость. И вместе с тем в них читалось смятение. — Мы были слишком далеко, чтобы много понять из того, что между вами говорилось. Но одно ясно. Для простого северянина ты слишком далеко пошел. Чертовски далеко. На удивление. — В его голосе

слышалось нечто вроде уважения. — Как кажется, ты теперь командуешь не только отрядом Гундольфа. Похоже, ты повелеваешь ими всеми, неважно, догадываются они об этом или нет.

Конан нахмурился и передернул плечами.

— Ну и?..

— Ты обскакал меня... То есть ты сделал больше, чем я бы смог сделать на твоём месте. — Зено задумчиво нахмурил брови. — Я знаю, что Стенгар... Хотя он и был моим другом... Он был довольно тяжёлым человеком. Я... Я больше не уверен в том, что ты так уж виноват в той истории. — Он замешкался. — И, возможно... возможно, у тебя есть все способности для того, чтобы возглавить... просто я этого не видел... — Он опустил глаза. — И я... я готов предложить тебе мою службу.

Конан кивнул и смерил его взглядом с головы до ног.

— Из тебя получится неплохой офицер. Если только люди пойдут за тобой.

Зено заглянул Конану в глаза:

— Я не думаю, что среди них отыщется кто-нибудь, кто одолеет меня, как это сделал ты.

Киммериец широко улыбнулся:

— Итак, решено! — Он подошел к Зено, протянул руку и сжал его предплечье в традиционном солдатском приветствии. — Ты можешь быть моим лейтенантом вместе со старым Горусом.

Зено вздрогнул, когда ощутил на плече руки варвара, который еще недавно обошелся с ним довольно сурово.

— В ближайшие дни я и другие командиры — мы будем заняты мятежом. Так что почти все командование отрядом Гундольфа я переложу на твои плечи.

И Конан приказал Зено собрать людей. Затем он отошел поговорить с Горусом. Старый воин наблюдал их встречу, держась на почтительном расстоянии.

— Ты в самом деле хочешь сказать, что доверяешь этому коринфийцу? — спросил старый воин. — Он не успокоится, будет повсюду мутить воду, использует против тебя свое офицерское положение.

Конан пожал плечами:

— Скоро увидим, насколько он мне предан и на что он способен. Завтра на заре мы выступаем.

В ГОРАХ

Копыта стучали по узкой долине реки Хоргас. Там, где берега поросли травой, этот звук был более приглушен, но в тех местах, где дорога пролегла по каменистой возвышенности, стук копыт превращался в настоящее громовое стакато, сопровождаемое стуком падающей гальки, вылетающей из-под копыт. Но еще громче доносились крики людей и звон оружия плохо вооруженного войска.

По большей части река петляла мимо пашен и пастбищ. Долина, окруженная высокими горами, была густо населена. Повсюду виднелись хижины крепостных крестьян. Только изредка встречались богатые господские дома. В стародавние времена в одном месте река была перерожена барьером — остроконечный скальный хребет наискось пересекал долину.

Проявив огромное терпение, река все-таки прогрызла себе путь сквозь это препятствие, размыв гору с одной стороны. Здесь вода пронеслась с огромной скоростью, образуя пороги, в то время как почти на всем остальном течении ее было легко перейти вброд, так спокойны были

ее воды. В теснине же река была неукротима и водопадом обрушивалась вниз, в широкий разлив. Дорога была здесь очень узкой и пролегла в опасной близости к водопадам вдоль самого берега реки. После этого она заводила в долину, поросшую негустым лесом.

Сейчас по дороге тащились последние из армии наемников, самые бедные из солдат, на медлительных лошадях или ослах, сопровождаемые небольшим обозом выючных животных, легко нагруженных. Позади них двигался арьергард: дюжина шемитов на быстрых южных лошадаках, вооруженные копьями, щитами и железными прикрытиями для штурма. Они ехали не соблюдая никакого порядка и то и дело беспокойно оглядывали долину.

Не успел последний выючный мул исчезнуть в теснине, как в долину галопом ворвался высланный вперед дозорный. На шемитском языке он закричал:

— Быстрее вперед, братья! Они едва не хватали меня за пятки!

Он присоединился к остальным всадникам и тоже исчез в облаке пыли.

В следующее мгновение в долину ворвалась целая толпа — примерно сотня всадников в пурпуре. Они выскочили из леса и неслись неудержимым галопом, широко рассеявшись по долине. Кофийские королевские солдаты преследовали своих врагов. Их доспехи сверкали на

солнце. Перед тесниной они остановились в нерешительности, но резкий приказ одного из офицеров заставил их осторожно повернуть лошадей и гуськом, один за другим, двинуться вверх по узкой тропе, следом за исчезнувшими наемниками.

Этот отрезок пути был трудным и мучительным. Всадникам приходилось держаться друг от друга на расстоянии. Когда первые кофийские всадники достигли возвышенности над водопадами, они не бросились сразу в лес. Молодой офицер, возглавлявший эту цепь, ясно видел, что следы отступающей армии здесь исчезают. Однако он поразмыслил над тем, что произойдет, если лес, раскинувшийся впереди, кишит воинами. Он предпочел поэтому подождать своих людей, приближающихся к нему поодиночке, чтобы затем атаковать всеми силами. Поскольку для того, чтобы подтянулись остальные, требовалось еще некоторое время, он послал вперед двух разведчиков, а остальных построил полукругом.

Когда он дождался примерно половины своих солдат, появился офицер рангом старше, комендант Тоск. Он командовал операцией по преследованию мятежников с того часа, как его стражники этим утром доложили ему о наличии в долине лагерных костров. Он приказал всадникам отступить. Молодому офицеру сделал резкий выговор и указал ему на то, что наемникам нужно было бы обезопасить склон. Вряд ли они

выставили защитные кордоны в долине. Солдаты продвигались вперед широким фронтом между потоком и горной цепью.

Углубившись в рощу на несколько дюжин шагов, кофиты наткнулись на тела своих разведчиков. Те были убиты стрелами. Они были буквально истыканы — на каждого приходилось по полудюжине стрел. Вновь пробудилось недоверие. Солдаты тревожно смотрели на обступившие их кусты. За спиной у них загремел боевой клич. Ряды кофитов расстроились. Вслед за воплями повстанцев донесся грохот падающих камней.

Пришпорив коня и проскакав в хвост колонны, командир Тоск обнаружил, что обрыв над потоком действительно кишит мятежными наемниками. Этот засадный полк осыпал солдат стрелами и настоящим потоком камней. Кофийские солдаты растянулись по узкой тропе и не могли оказывать действенного сопротивления. Кое-кто из мятежников сталкивал большие камни вниз по склону. Дюжина человек сдвинула с места громадную скалу. Упершись спинами в скальную стену, эти люди ногами вместе столкнули обломок со склона. Тоск глядел, как монолит катится вниз, сопровождаемый потоком гальки. Несколько всадников и вьючных животных были сбиты с ног и рухнули в водопад.

Кофийский командир мчался так быстро, как только мог, в сторону обрыва, к своим людям,

которые еще оставались на той стороне. Королевские солдаты явно терпели поражение. Им пришлось бы гнать лошадей вверх по крутому склону, а для наемников они представляли здесь слишком легкую цель. Тоск повернул назад, к дороге. Отрезанный от основной части своей армии, командир Тоск не видел способа с ней соединиться. Он велел своим людям держаться вместе и повел их в атаку в сторону леса.

Теперь долина вся была полна мятежников. Целый дождь стрел сыпался на кофитов. Многие из них упали из седел. Таск увидел, как его младший офицер сползает с седла, захлебываясь кровью: стрела торчала у него из горла. Лучники отступили в лес, все еще стреляя и вынуждая атакующих кофитов рассеяться среди деревьев. Всадники тщетно пытались преследовать пеших в густом кустарнике, подвергаясь смертельному риску и полностью теряя ориентацию.

Затем пришла новая угроза — ее провозгласил стук копыт, плеск воды, визг охотничьих рогов.

Сотня конных наемников перешла поток вброд выше водопада по течению, ударив кофитов в незащищенный фланг. Наконец кавалерия сошлась в бою с кавалерией. Но сила была не на стороне кофитов, ибо их конница была рассеяна и ряды ее поределли. Однако кофиты продолжали сражаться с упорством обреченных. Одним из

последних пал командир Тоск, сраженный ударом двуручного меча ревущего варвара, пронесшегося на угольно-черном скакуне.

— Асса, Конан! — выкрикнул шемитский офицер, натягивая поводья своего забрызганного кровью коня. — Отменный прием мы им оказали! Мы победили, если не считать того, что сейчас сюда явятся остатки их легиона.

Киммериец засмеялся:

— Нет, Элаель. Пройдет несколько часов, прежде чем они очистят дорогу. А может быть, и дней. Не так просто затащить сюда обозы.

Шемит улыбнулся широко, показывая дырки среди зубов:

— А я-то считал тебя за плохого генерала, раз ты позволил арьергарду так далеко оторваться от основных частей. Теперь я понимаю. Тебе нужно было время подготовить эту засаду.

— Верно, — Конан кивнул и принял похвалу как нечто само собой разумеющееся. — Для тебя было не так-то просто, имея под командой самых медлительных солдат нашей армии, тягаться с самыми быстрыми из армии противника. Что ж, наш арьергард против их авангарда! Но ты хорошо сделал свое дело. Теперь мы можем без всяких помех уйти в горы.

К Конану подскочил капитан Виллеза:

— Как насчет того, чтобы организовать оборону прямо здесь? Мы могли бы удерживать эту долину до скончанья века.

— Нет. — Киммериец нахмурил лоб. — Ударить и отскочить — вот наша тактика. — Он холодно смерил глазами этого приземистого человека. — Нам ни к чему ввязываться в битву. Хотя у нас недостаток в продовольствии и припасах, зато мы очень подвижны и можем быстро передвигаться. Как только мы перейдем хорайянскую границу, мы найдем там союзников. Да и вряд ли какой-нибудь кофийский генерал посмеет преследовать нас в Хорайе, разве что получит прямой приказ из столицы.

Виллеза ухмыльнулся. Весь подбородок у него зарос черной щетиной.

— Отлично, Конан! Продолжай играть в свои генеральские игры! Похоже, у тебя получается, хотя кофийский легион висит у нас на штанах, как вздорная собачонка. — Когда киммериец повернул коня и поскакал вперед, Виллеза, понизив голос и оглядываясь по сторонам, обратился к шемиту: — Бьюсь об заклад, он никогда нам не сообщал, почему он НА САМОМ ДЕЛЕ решил идти в Хорайю.

Уладив все дела в арьергарде, Конан через несколько часов бешеной скачки был уже на границе. Он обогнал обоз с припасами, затем по очереди все передовые отряды своей армии. Таким образом он перешел границу впереди авангарда. Долина стала узкой. Здесь были уже не холмы, а высокие горы, вершины которых покрывал сверкающий снег. Река Хоргас

превратилась из широкого потока в певучий ручей.

Конан привязал своего коня на лужайке, заросшей прекрасными цветами. Разминая затекшие от долгого сидения в седле ноги, он направился вверх по склону. Дорога вела к квадратной оборонительной башне. Она господствовала над дорогой здесь, у подошвы гор. Бронзовые ворота башни стояли открытыми. Там находились Зено и полдюжины наемников. Они были расставлены у амбразур, наблюдая за долиной, дорогой, приближающейся армией наемников.

— Здесь было восемь пограничных охранников, — сообщил Зено. — Они ударились в галоп, как только мы подъехали сюда. По твоему приказу мы не стали их преследовать.

— Хорошо. Ничего не повредите тут в башне и оставайтесь здесь, чтобы прикрыть наши тылы. — Конан подошел к старому шкафу, открыл его и увидел зеленые зимние плащи хорайянских солдат. — Если легионеры подойдут, набросьте эти плащи и попытайтесь их отогнать, крича что есть мочи насчет суверенитета королевства Хорайя. Если они все же решатся перейти границу, вы должны бежать впереди них. Мы организуем оборону выше по реке.

Зено кивнул:

— Тут под крышей целые корзины, полные стрел. Мы могли бы сдерживать их несколько дней, если хочешь.

Конан засмеялся и покачал головой:

— Нет, я хочу сохранить каждого офицера, каждого солдата. Скоро вы мне понадобится.

Он пошел назад к своей лошади и поскакал с авангардом своих солдат по лугам и лесам к тому месту, где поросшее камышом озеро занимало почти всю долину. На противоположном берегу озера они и разбили лагерь. Наемники расчистили небольшой участок земли между берегом озера и горами и воздвигли там палисад, перед которым выкопали канаву, тотчас же заполнившуюся водой.

Когда Аки Вадсай заговорил о том, что неплохо было бы усилить защиту вдоль стороны лагеря, обращенной к Хорайе, Конан осадил его.

— Если хорайяне захотят атаковать нас, их горные отряды нападут на нас со склонов, — объяснил он. — Так что постоянные оборонные сооружения нам тут не помогут. Нравится нам это или нет, но придется полагаться на их добрую волю.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Хораджане появились много позже, когда везде уже загорелись костры. Охотники, посланные за добычей, уже возвратились с оленями, голубями, рыбой. Первыми хораджанами были четверо конных солдат, величаво ехавших на благородных белых конях. Они были легко вооружены, а судя по форме, принадлежали к королевской гвардии. Один из них спешил к заговорил с офицерами.

Друзандра сказала Конану, когда он подошел ближе:

— От имени короля Хоссуса и аристократов Хораджи они заявляют, что ты должен ехать с ними. Я полагаю, что один из членов королевской семьи ждет нас неподалеку отсюда. Они не говорят, кто это именно и где он остановился. — Она осмотрела киммерийца с ног до головы. — А я даже и не знала, что ты принят в столь высоких кругах.

— Я тоже. — Конан пошел к озеру, где пасся его боевой конь.

При его возвращении Виллеза заступил ему дорогу.

— Кто-нибудь из нас должен поехать с тобой. — Он выглядел раздосадованным, потому что королевское приглашение его не касалось. — Откуда ты знаешь, вдруг тебя заманивают в ловушку?

— Я не боюсь никаких ловушек. Я собираюсь говорить с членами хораджанской королевской семьи совершенно открыто.

Конан легко вскочил в седло.

— А если, как ты говоришь, они замыслили что-то недоброе... Если ты поедешь со мной, то окажешься в большей опасности, нежели здесь, с наемниками.

Несколько мгновений Виллеза напряженно обдумывал услышанное. Затем кивнул:

— Отлично, Конан. Поезжай. Мы будем ждать тебя. Но только до завтрашнего полудня. — Его голос звучал уверенно, но он старался говорить тихо, чтобы не услышал ожидающий Конана эскорт. — А после этого мы начнем пробиваться через эти горы. Либо через Кофские, либо через Хораджские — не могу сказать заранее, через какие.

— Хорошо, к этому времени я уже вернусь.

Конан подъехал к ожидающим его четверым всадникам, и все вместе они двинулись вверх по течению реки.

Они продвигались по узкой тропе, петляющей у основания гор. То горячие лучи заходящего солнца жгли их, то обжигала холодом тень

горных пиков. Эта область была дикой и живописной, однако Конан не находил ее красивой после всех этих дневных происшествий, изрядно утомивших его. Он обрадовался, увидев сверкающие впереди воды горного озера и отражающиеся в них очертания красивого замка.

Замок был расположен на утесе на берегу, почти у самой воды. Стена замка была усилена двумя круглыми башнями. Конан проехал по подъемному мосту и оказался во внутреннем дворе замка. Его удивило, когда он увидел, что та сторона замка, которая обращена к озеру, не была отгорожена стенами. Сплошные веранды, увитые листвой, спускались к пирсам, возле которых покачивались различные прогулочные суда и великолепные яхты. Сам дворец представлял собой роскошное мраморное здание с куполом.

Конан слез с седла и, оставив коня на попечение эскорта, прошел через открытый портал дворца. Он оказался в зале с высоким потолком и стенами из серого мрамора с розовыми прожилками. Из боковой двери выскочили две служанки в полупрозрачных одеяниях. Они несли таз, полотенца и стул. Конан уселся на расшитые подушки и позволил им омыть его разбитые пыльные ноги и руки в ароматной жидкости.

Затем он услышал знакомый голос, доносившийся откуда-то из глубины дворца. Конан резко поднялся на ноги. Страхнув с себя

встревоженных девиц, он босиком пошел на звук, оставляя на полу мокрые следы.

Пройдя под позолоченной резной аркой, он остановился. Перед ним раскинулся роскошный спальный покой. Со стороны озера он был открыт, и розоватые лучи заходящего солнца заливали его. Узкий канал был отведен из озера прямо в комнату, заполняя овальный, выложенный мрамором пруд на полу. Там, под наблюдением молодого слуги в золотой тунике, беззаботно плескалась юная принцесса Ясмела, регентша Хораджи.

— Конан! Я не ждала... — Ясмела зарделась, но не сделала ни одного движения, чтобы прикрыть наготу. Она даже не опустила глаз. Слуга, который не был воином, неуклюже выступил вперед, чтобы защитить свою госпожу. Взгляд Конана был прикован к телу принцессы, которая нежилась на воде, подобно белоснежному цветку. Две служанки отчаянно тянули Конана за одежду, и на мгновение он поддался их натиску.

— Подождите. Все в порядке. Оставьте его, пусть остается! — Звонкий голос Ясмелы наполнил комнату. Вода плеснула на выложенный плитками пол, когда она не спеша поднялась из бассейна и взяла полотенце из рук слуги. — Можешь идти, — сказала она ему. — И вы тоже. Но принесите нам что-нибудь поесть.

Слуги исчезли. Конан подошел к принцессе.

— Ясмела! Мне так тебя не хватало, девочка. Иди же, дай мне заключить тебя в объятия...

Конан шагнул к ней. Но Ясмела подняла перед собой маленькое полотенце и отступила за стол из резного оникса.

— Нет, Конан! Не подходи! Сейчас не время...

Киммериец затормозил. Он наклонился над столом к принцессе. Костяшки его пальцев побелели, так сильно сжал он темный полированный камень.

— Послушай-ка, женщина. Я тебя не съем. — Но взгляд у него стал мрачным. — Будь я трижды проклят, если ты собираешься опять терзать меня, как делала несколько месяцев при дворе... В тот, последний раз.

— Нет, Конан! Обещаю тебе. Ты заслужил мою любовь, после того как столько сделал для меня. Но многое нужно обговорить и многое сделать.

Хотя в груди варвара бушевала буря, он чувствовал, что готов поверить ей — стоящей перед ним в полупрозрачном от влаги тонком полотне. Во взглядах, которые она посылала ему, было много того тепла, что он помнил. И почти ничего — от того самолюбия и жажды власти, которые выстудили это тепло. Наконец она улыбнулась:

— Шпион рассказывал мне, какую роль ты играешь в кофийском восстании, Конан. Честно

говоря, меня это не удивило. В конце концов, ты отлично управлял армией в моей стране.

— Верно. — Конан скрестил руки на груди. — Вот именно. Но на этот раз все это произошло не благодаря капризу какого-нибудь бога или жреца... или принцессы... — Он пристально смотрел на нее. — Я действую здесь по своей доброй воле. Все, что я сделал, я сделал сам, следуя естественному течению событий... и естественному истечению крови.

— А теперь принц Тантизиума заключил мир с его кофийским величеством. А ты открыто выступаешь против него. — Ясмела уронила свое покрывало и подошла к резному креслу, с которого взяла свое платье, шелковое, усеянное множеством мерцающих пестрых перьев. У этого платья была длинная юбка, свободная снизу, но плотно облегающая ее узкие бедра. Лиф также позволял увидеть очертания ее тела. Он застегивался на одну жемчужную пуговицу. Ее груди оставались при этом соблазнительно обнаженными.

Внимательно, как голодный кот, Конан наблюдал за переливом прекрасных перышек.

— Да, этот дьяволом траханный Ивор продал нас всех с потрохами в замбулийский бордель с колдунами. Королевский поступок. Как тебе нравится это дерьмо?

— Ивор? Я с ним еще не встречалась. Но я знаю людей такого типа — по моему собствен-

ному двору! — Ясмела вернулась к столу, упираясь коленом в кресло. Она заглянула Конану в глаза. — Я сыта по горло этими скудоумными и высокомерными аристократами. Они вечно толкуются под ногами, громко вопят о своей чести и своих свободах. Единственное, чего они действительно хотят, — это власти. Власти разорять страну и жестоко притеснять крестьян. Почему же простой народ никак не может понять, что правящий монарх — это единственный его настоящий друг, единственный, кто может укротить всех этих мелких тиранишек?

Конан пожал плечами:

— Я встречался в Кофе также и с королем Страбонусом. Между этими двумя сортами тирании разница действительно невелика.

— Да, наверное. Даже мой братец-король Хоссус... — Ясмела вздохнула и поглядела на Конана заговорщически. — С тех пор как ты освободил его из офирских подземелий, он стал королем... но не таким королем, на которого я так надеялась. Днями напролет он все больше и больше занят парадами и дворцовыми церемониями. А ночами упивается лотосовым вином и предается любви с танцовщицами из разных далеких стран. А тем временем у нас на родине заправляют придворные интриганы и мошенники разных сортов. На них оставлено все попечение о государстве. — Принцесса присела в кресло, скрестив руки под своим оперенным

деколье. — Ради процветания нашего королевского дома я была вынуждена взять дело в свои руки. Хотя я, конечно, уже поднаторела в подобной работе, но у меня нет официальной власти, пока мой брат считается правителем. Поэтому я незаметно подсовываю ему жизнеспособные решения, очень осторожно вбивая их ему в голову. Он считает, что это его собственные идеи. — Ясмела покачала головой. — Он совершенно не уважает меня, не испытывает никакой благодарности. Часто поговаривает о том, что неплохо бы продать меня в какой-нибудь гарем к какому-нибудь шемитскому жирному владыке. Чтобы подобная свадьба улучшила его торговые связи.

Конан терпеливо выслушивал принцессу. Сейчас, когда изгибы так хорошо знакомого ему тела были скрыты одеждой, тем больше бросалась в глаза красота ее изумительного лица — влажные, как у газели, зеленоватые глаза, тонкие черты, оливковая бледность кожи. Ее темные волосы спадали роскошной волной. Влажные локоны скользили по ее плечам. Она была и в самом деле изумительной штучкой, дивным призом. Однажды он сумел завоевать этот приз. И был ею одержим. Но сейчас, когда она говорила о своем положении при дворе, он вспомнил обо всех тех причинах, которые заставили его принять решение никогда не возвращаться к ней.

— Да, в самом деле, — ответил он на ее последнюю жалобу. — Хоссус говорил мне о необходимости подыскать тебе подходящего мужа, когда объяснял мне, почему я никогда не... не смогу достигнуть высокого положения в Хорадже.

— Или никогда не сможешь жениться на мне, Конан? — Ясмела поглядела на него пристально. Она наклонилась вперед, почти касаясь полированной столешницы резного темного оникса голыми грудями. — Боюсь, что здесь ничего не изменилось. Но возможно...

Она внезапно замолкла, когда услышала шаги у входа. Трое слуг внесли блюда на голубом хрустальном подносе. Они расставили их на столе между Конаном и Ясмелой. Всеми цветами радуги сверкали экзотические фрукты, золотистые поджаренные хлебцы, боевой петух в золотистом соусе, пузатые кувшины с вином. Слуги суетились, раскладывая блюда и выставяя винные бутылки, покуда принцесса неторопливым движением не отослала их.

— Я могу доверять этим слугам в том отношении, что они защитят меня. Но предпочитаю не говорить при них о том, что наболело, — сказала Ясмела. — Ах, если бы рядом со мной была моя верная Ватесса! Но она нужна мне сейчас во дворце. Она должна слушать то, что говорится там в мое отсутствие.

Некоторое время они молча ели и пили. Принцесса едва притронулась к пище. Конан же,

напротив, наворачивал грандиозные порции, заливая их водопадами вина. Вокруг его тарелок росла гора костей. Пока они ужинали, солнце почти село. Озеро превратилось в ровное зеркало, отразившее глубокую синеву неба, переливающегося всеми красками заката, от голубого до пурпурного. Со всех сторон оно было окружено резными зубцами горных пиков.

Наконец варвар отодвинул блюдо от себя и громко рыгнул. Тотчас же вбежали служанки. Они зажгли лампы и очистили стол. Затем они принесли хрустальный кувшин, наполненный золотистым южным вином. Ясмела позволила им уйти, а затем встала и направилась к широкой кушетке, стоявшей у стены. Конан последовал за ней, прихватив со стола кувшин с вином. Принцесса подождала, покуда он займет место, а затем уселась сама на шелковых подушках. Она выбрала себе место подальше.

— Ты, как я погляжу, совсем не изменился. Все такой же варвар. Простой, прямой.

— Про тебя такого не скажешь. — Конан вольготно развалился на диване, лаская пальцами изогнутый бок кувшина. Повернув голову, он искоса поглядел на нее. — Ты подросла, моя девочка, и созрела. Я тебя такой не помню.

— Верно. — Ясмела вспыхнула. — У меня были... консорты... с тех пор как ты оставил меня. И кое-чему я научилась из трудной науки вла-

сти. — Она встретила с ним взглядом. — И научилась я также ценить твою честность, твою прямоту, твою решительность.

— Вот и прекрасно. — Конан придвинулся к ней поближе. Увидев, что она напряглась, он остановился. — Без сомнения, твои любовники были высокорожденными и учтивыми придворными, соответствующими твоему положению?

— Ах, Конан! Опять терпеть этих ублюдков с голубой кровью в жилах! Я готова от них свихнуться! Да, они помогали мне своими пошлыми ухаживаниями. И всегда только для того, чтобы воспользоваться мною в очередной грязной интриге. Дошло до того, что я начала изнывать по честному слову, по искреннему прикосновению. По ласке, которая продиктована только желанием и ничем иным!

— О да! Помню это чувство по тем дням, когда мне приходилось ужом виться при твоём дворе, пробираясь между слугами и кастратами. Все равно что купаться в чане с говном. — Конан брезгливо передернул плечами. — Это во многом и определило мое решение... послать все это в задницу.

— В том числе и меня. — Ясмела кивнула, заканчивая за него эту мысль. — Но как раз твоя сила и прямота до сих пор в цене при хораджийском дворе. Я думаю, что при любом дворе дела бы шли куда лучше, если бы у власти был такой прямой и честный человек.

— В самом деле, мне не хватает одной малости. Королевской родословной и королевской крови, чтобы меня захотели слышать. — Конан задумчиво нахмурился. — Если бы я нашинковал Ивора, как капусту, если бы я короновал сам себя при дворе Тангизума — вот тогда я был бы подходящей партией для хораджийской принцессы. — И он решительно поднес кувшин к губам, влив добрую половину вина в широко раскрытый рот. — Надевая ярмо на чужие шеи, я показал бы себя достойным находиться в числе благородной компании аристократов.

— Сомневаюсь, что даже это устроило бы моего привередливого братца и его высокомерных советчиков с тонким нюхом насчет родословной, — улыбнулась Ясмела. — Но люди, подобные тебе, умеют преодолевать и не такие препятствия.

Она протянула тонкую нежную руку и прикоснулась к дочерна загорелой лапище варвара.

— Конан, хотел бы ты вернуться в столицу вместе со мной? Мог бы ты стать вторым после меня лицом в государстве, моим тайным советником? Конечно, ты не сможешь получить официального звания. Самое большое, что я могу тебе предложить, — это пост капитана наемников. Но обещаю, ты сможешь наслаждаться всеми благами высочайшего положения.

— Предлагаешь мне стать твоим домашним вышибалой? Или твоим главным шпионом? — Киммериец помрачнел. — Нет, это не по мне. И как долго твой братец будет терпеть подобное?

Ясмела скромно потупила глаза:

— У Хоссуса нос не дорос до власти. И это опасно. Он не способен править страной. Его нужно... обойти.

— Глотку ему перерезать, что ли? — Конан наклонился вперед и серьезно поглядел на нее. — Никак не ожидал от тебя, что...

— Нет! — Миндалевидные ногти принцессы впились в его руку. — Ему нельзя причинять никакого вреда. Просто отодвинуть в сторону. Со временем ты и я — мы сможем править открыто. А он научится мириться с этим.

Конан привлек Ясмелу поближе к себе, чтобы успокоить ее.

— А как быть с придворными? С народом Хораджи? Предубеждения твоего брата всего лишь отражают общее настроение.

Ясмела нетерпеливо вздернула голову:

— На что тогда твоя здоровенная армия наемников? Разве не для того, чтобы усмирять подобных жалобщиков?

Конан прикинул и так и эдак. Затем покачал головой:

— Твой план сущая дрянь, Ясмела. Даже думать забудь о том, чтобы приглашать такую армию, как моя, в свою столицу.

— Ах нет? — Ее лицо приблизилось почти вплотную. Он ощущал ее возбужденное дыхание. — Если у тебя ничего подобного и в мыслях не было, то какого черта ты явился сюда со своей бандой и согласился встретиться со мной?

Конан глядел на ее нежную, прекрасную кожу. Он поднял руку, поиграл темными завитками волос на ее шее.

— Я сделал это для того, чтобы усилить мое положение в Кофе. Я хотел предложить тебе союз несколько иного рода...

— Ох. — Ее лицо придвинулось еще ближе. теперь ее губы касались его щеки. С придыханием, еле слышно, она прошептала: — Союз несколько иного рода?

Она прижалась к нему. Он стиснул ее в свирепых объятиях.

Трудно было представить себе двух людей, более различных и по характеру, и по сложению, и по положению в обществе. Конан был большим, крупным, заглубившим, как сосна из далекого северного леса. Принцесса же, хрупкая, утонченная, деликатная, как ломтик белой рыбки, напоминала нежную орхидею из душных тропиков. Каждый был великолепно приспособлен к выживанию в своей среде. Только среды эти были различны. И все же в это мгновение столь несхожие между собой люди буквально растворились друг в друге.

Вокруг царила ночная тишь. Только легкий полупрозрачный занавес охранял их от ночного ветерка, морщившего гладь озерца. Когда заря окрасила золотом пики над дальним берегом, они проснулись для новых усад.

Затем Конан поднялся, прошлепал босыми ногами по полу и рухнул в холодный бассейн, подняв тучу брызг. По мраморному полу растеклась вода. Он поплыл по каналу из зала прямо в горное озеро. Через несколько минут он вернулся и провел по голому телу грубой мозолистой рукой, стряхивая воду. Затем он присоединился к одетой в шелка Ясмеле. Она сидела за столом, где были расставлены уже фрукты, хлеб, сыр, другая простая, но восхитительная еда.

Некоторое время они обменивались взглядами и соприкасались бедрами, потому что сидели рядком на каменной скамье. Наконец Конан произнес:

— Впредь мы могли бы встречаться и почаще, Ясмела. — Он потянулся за гранатом и начал счищать с него кожу. — Как ты знаешь, моим солдатам необходимо спокойное убежище. И желательно неподалеку от Тантизиума. После коварного нападения Ивора у нас ощущается недостаток в продовольствии. — Он поднес фрукт к губам и выдавил в рот кислый сок. — Тебе и твоему братцу придется экипировать нашу свору, даже если вам это и не по душе. И добавьте нам пару-тройку солдат. Мы будем приходить и

уходить. Нам нужна база. Здесь мы будем... отдыхать. Набираться новых сил.

Ясмела отвернула лицо:

— Стало быть, ты отказываешься от моего предложения? От того, насчет чего я говорила вчера ночью? Ты не хочешь пойти в столицу вместе со мной?

Конан тряхнул своей черной мокрой гривой.

— Нет, девочка. Подобные интриги не по мне. Мне еще нужно уладить мои делишки с Ивором. — Он протянул принцессе наполовину выдавленный пурпурный гранат. — Позволь мне сказать тебе кое-что. Выгода, которую ты получишь от этого дела, будет куда больше, чем если...

Она гневно оттолкнула его руку:

— Гонись за своей большой прибылью, Конан, если хочешь! Но только без меня. Я не могу допустить, чтобы твои наемники вели войны с соседними королевствами, укрываясь у меня. И братцу отсоветую разрешить такую мерзость. — На мгновение она бросила на него взгляд своих сверкающих глаз. — Если мы станем слишком досажать Кофу, король Страбонус отправит против нас свои легионы. Победим мы или проиграем — в любом случае прибыли нам от этого не будет.

— Страбонус слишком занят тем, чтобы не развалилось его царство. — Конан погладил плечо Ясмелы и наклонился к ней. — Вряд ли он

захочет расширять фронт боевых действий. Кроме того, наши соединенные войска легко отразят любую атаку.

Ясмела дернула плечом, освобождаясь из рук Конана.

— Возможно. Подобный конфликт в любом случае не соответствует моим целям. — Она строптиво сжала губы. — Что было бы очень легко и просто, так это объявить тебя и твою банду просто вторгшимися сюда разбойниками. Стоит мне только приказать, и вся сила хораджанского рыцарства обрушится на вас.

Она встретила с Конаном взглядом — спокойная и решительная.

— Именно это я тебе и обещаю, Конан, если твоя свора не уберется до завтрашнего дня из Хораджи.

Варвар с мрачным видом смотрел на разбросанные по столу огрызки фруктов. Затем он яростно ахнул кулаком по столу, оставив на нем трещину.

— Черт тебя подери, баба! Ужель не понимаешь, как велика польза партнерства? Неужели тебе неясно, сколь опасным соседом будет для тебя Ивор, если ты позволишь ему собраться с силами?

Ясмела сжала руки:

— Если ты пойдешь на восток, через Эребукский перевал, то оторвешься от преследователей. Вряд ли кофиты посмеют нарушить наши границы.

Конан снова выругался, еще грязнее, чем прежде.

— И это все, что ты собиралась мне сказать? — Он грубо схватил ее нежный подбородок и обратил к себе ее личико резким рывком. — Ты что, всерьез думаешь, что мое присутствие при дворе поможет тебе в твоих дурацких интригах?

Слезы проступили в ее темных глазах и скатились по бледным щекам. Он отпустил ее подбородок и встал из-за стола. Босиком он подошел к тому месту, где бросил вчера одежду. Слуги выстирали ее и сложили на прежнем месте. Без слова он одевался, изводясь от бешенства. Ясмела следила за ним исподлобья.

Застегнув пояс с мечом, он снова подошел к ней. И опять взял принцессу за подбородок, подняв к себе ее влажное от слез лицо.

Затем наклонился и поцеловал в лоб.

— Я думаю, что ты преуспеешь в своих маневрах при дворе, Ясмела. Будь осторожна и решительна.

Он отпустил ее и вышел прочь из комнаты, пройдя по гулким коридорам. Главная дверь дворца была открыта настежь и не охранялась. И хотя поблизости не было видно эскорта, лошадь его стояла оседланная у ступеней. Конан вскочил в седло и двинулся к воротам. Крепкий старый привратник широко распахнул перед ним обе тяжелые створки.

Восхитительные пейзажи, окружавшие Конана, пока он мчался назад, к лагерю наемников, лишь усугубили его плохое настроение. Утреннее солнце заливало долину. Каждый поворот тропы открывал новый утес и водопады, сверкающие среди сосен. Над головой сияло ослепительное голубое небо с маленькими облачками. Красота природы была как насмешка. Но Конана одолевали мучительные мысли. Возможно, он никогда не сможет вернуться к Ясмеле.

Вдруг он услышал громкий стук копыт впереди. Конан свернул с тропы и поехал среди деревьев навстречу этому новому звуку. Впереди кто-то маячил. Это был караван, насчитывающий по меньшей мере сорок вьючных животных.

Только пять хораджийских солдат охраняли их. Конан пришпорил своего коня и вернулся на дорогу, чтобы выскочить наперерез каравану. Затем погнал коня в голову каравана, внимательно оглядывая мулов. Они были слишком тяжело нагружены корзинами с провиантом, палатками, оружием.

Из двух человек, что ехали во главе каравана, один был опытным офицером, покрытым шрамами. Он смотрел на Конана без тревоги, совершенно спокойно. Руки его расслабленно держали поводья. Когда киммериец заговорил с ним, он только едва поднял бровь.

— Куда направляетесь?

— Туда же, куда и ты, я думаю. — Офицер кивнул вниз, в сторону поросшей лесом долины. — В лагерь наемников, там, внизу.

Глаза Конана сузились. Он положил ладонь на рукоять меча.

— Это что, в обычае Хораджи — приносить дань проходящим армиям?

Офицер улыбнулся настолько добродушно, насколько позволял ему его чин.

— Это совершенно особый дар, вручаемый по приказу принцессы, которая имеет много верных своих сторонников в этой армии. Спроси меня об этом добре, и я отвечу, что возвращаю то, что было украдено бандитами. — Этот офицер доверительно глянул на своего молодого подчиненного, а затем снова повернулся к Конану: — Не знаю цели даров, но в любом случае я обязан передать их Конану, герою Шамлайского перевала и спасителю моей страны.

— Эге! — засмеялся Конан. — Кажется, я узнал тебя. Ты из роты копейщиков. Может быть, нам еще доведется разок сыграть в кости в «Пришпиленном кабане»...

И, углубившись в воспоминания, всадники двинулись вниз по долине.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ГОРНЫЕ ВОЛКИ

Горы, куда ни кинь взгляд, — везде горы! На многие мили впереди и позади армии простирались они, когда солдаты ровными рядами маршировали на восток, будто сопровождая армию. Было что-то завораживающее в этих молчаливых стражах южной границы Кофа. Среди поросших кустарником, изъеденных ветром склонов человек поневоле начинал чувствовать себя ничтожным, жалким и потерянным.

Возможно, это объяснялось подавленным состоянием, в котором находились сейчас люди, сказал себе Конан. Здесь не было, в конце концов, сияющих вершин Хораджи, которые терзали глаз, точно манящие формы прекрасной женщины. Путь, что вел по этой странной земле, был извилист, уводил с откоса на откос. Ежедневный переход вспоминался вечером солдатам как сто восхождений на сто вершин. Бесконечные подъемы и не менее трудные и изматывающие бесконечные спуски.

Да и погода омрачала настроение солдат. С утра уже небо заволакивали облака, которые становились все гуще. Теперь они перекачивались

над головой, как огромные серые камни. Их круглые туши, казалось, почесываются о вершины древних гор, угрожая раздавить любого смертного, который окажется между их спиной и боком холма.

— Будь они трижды прокляты, эти чертовы дороги, — пробормотал Виллеза, который ехал следом за Конаном. — Что, те, кто прокладывал эти дороги, поставили себе задачу влезть во все гнусные дыры и перевалить через все острые пики? Можно подумать, их проложила свора пьяных слепцов!

— Я слышал, что эти древние дороги иногда вынуждены отклоняться от наиболее короткого пути, чтобы не потревожить ни священных мест, ни обиталищ духов. — Друзандра глядела мрачно, показывая, что и ее не миновало общее подавленное настроение.

Зингарец одарил ее выразительным боязливым взглядом:

— Да неужели, сестрица меча? Неужто вокруг полным-полно священных обителей? Что до меня, то я начинаю сомневаться, что из этого похода выйдет хоть какой-то толк. Почему бы вместо этого нам было не прогуляться по землям Ивора? Там, глядишь, что-нибудь и отломилось бы, и в кармане было бы не так пусто.

Друзандра пожала плечами и посмотрела на Конана.

— Надеюсь, что этот путь принесет нам больше удачи, чем поход в Хораджу.

— Хораджа снабдила нас палатками и котлами, а также мулами, чтобы их везти, — заметил Конан.

— Точно, — кивнул Виллеза. — Поскольку мы восполнили кое-что из наших потерь, может быть, имеет смысл поделить между собой эти несчастные котлы и палатки да двинуть на юг и прогуляться там в поисках жирной поживы. — Зингарец посмотрел на высящиеся вокруг склоны и поежился. — Эти горы, эта дорога — есть в них что-то дьявольское. Они будто восстали из ада.

— Для нас трудно, для наших врагов еще труднее. Вот что я скажу. — Аки Вадсай был единственным из всех офицеров, кто не был ни утомлен, ни раздосадован. Наоборот, казалось, что эти иссушенные земли для него как дом родной. Он прищипорил коня и, обогнав остальных, на местном грубоватом диалекте заговорил с проводником из Харанги, который ехал впереди армии: — Вы, горцы, небось считаете, что эта суровая земля и извилистые дороги отпугнут любых завоевателей, а?

Проводник, одетый в меха, повернулся в седле своего маленького, крепко сбитого конька и ответил на языке, который Конан понимал лишь с трудом:

— Много было армий, которые пытались схватить нас в этих горах после того, как мы

совершали набеги на их земли. Много осталось вражеских трупов, и они кормили наших волков, медведей и орлов. А потом мы на охоте убивали этих волков, медведей и орлов и радовались. — Кряжистый проводник осклабился, глядя на растянувшуюся по дороге колонну наемников, обнажив крепкие коричневые зубы. — Чужаки всегда находили здесь только смерть.

Виллеза бросил взгляд назад, где двойные ряды всадников показывались из-за поворота дороги, скрытого каменным склоном. Прищурился на Конана:

— Что он там такое несет насчет чужаков? Мы можем вообще доверять этим горным обезьянам?

Аки Вадсай осторожно улыбнулся, отвечая проводнику:

— Какое счастье, что мы пришли сюда с дружбой, чтобы биться против общего врага. Мы будем рады найти безопасное место для нашего лагеря в этих горах, откуда мы будем наносить удары по землям ненавистного Кофа.

— О да. — Проводник нахмурил лоб и при упоминании о древней кровной мести бросил по сторонам мрачный взгляд. — Эти несчастные кофийские говнюки, которые трахают своих коз! — Он энергично закивал. И медная бляшка на его щите, обмотанном мехами, закивала тоже. — Вы найдете здесь превосходный лагерь. Мои вожди отведут вас в безопасное место.

— Мне кажется, я уже одно нашел. — Конан поднялся на склон горы. Потрясающий пейзаж едва не ослепил его своей красотой. Перед ним на фоне облаков громоздилась острая скалистая гряда.

Это была длинная иззубренная высокая гряда, которая выступала из земли, подобно хребту какого-то гигантского животного. Эти склоны были более крутыми и голыми, нежели склоны других скал. Одна ее сторона была несколько ниже основной гряды и образовывала нечто вроде плато. Оно было пригодно для обитания, и его было легко оборонять. Плато напоминало голову саламандры, имея форму треугольника. Оно поднималось над каньонами, два отвесных склона обрывались вниз, а третий заострялся и как бы утыкался в землю, напоминая нос корабля. По выступающим скалам туда вела извилистая дорога. По всему было видно, что защищать эту дорогу нетрудно. Этот естественный ход заканчивался у самого «носа» саламандры.

— Смотри, там растут деревья. Значит, там есть и вода! — Конан поднял руку, показывая это своим остальным капитанам. Остальные предводители также дивились этому зрелищу, постепенно спускаясь с гребня холма. — В таком месте армия может выдержать долгую осаду.

— Мой отряд займет заднюю часть плато, около воды, — заявила Друзандра и погнала

вперед свою лошадь. — Если нас атакуют, мы сможем удерживать гребень против захватчиков.

— Мудрый план, — признал Аки Вадсай. — Но помни, больше всего мы должны бояться колдовства этого мерзавца Агохофа.

— Что ты скажешь насчет каменных монолитов в центре? Они природного происхождения? Или эти камни оставила здесь какая-нибудь древняя раса? — Виллеза изогнул бровь и напряженно уставился на два огромных камня в центре плато. Они выстроились параллельно обрыву. — Такие дольмены имеют дурную славу.

— Они слишком большие, чтобы их там поставили люди, — заявил Конан. Затем его внимание привлекли Аки Вадсай и проводник, которые были погружены в спор неподалеку от него.

Харангиец явно был взволнован интересом офицеров, который вызвало плато. Он по очереди смотрел на каждого из них, вращая глазами.

— Это Заманас-Меза, плохое место. — Он нервно дергал углом рта. — Только безумцы могут стать там лагерьем.

Сын пустыни кивнул, чтобы успокоить этого человека.

— Хорошо, хорошо. Возможно, это неподходящее место для нас. Мы обсудим это дело с твоими вождями.

Пока Аки успокаивал и уговаривал харангийца, Конан приблизился с Друзандре.

— Однако, — сказал он ей тихо, — плато Заманас-Меза отличное место для нашего лагерь.

По мере того как они спускались по дороге вниз по дальнему склону холма, странный пейзаж еще долго оставался перед их глазами. Офицеры и авангард армии имели возможность сполна насладиться им. Темные тучи собрались над их головами, низко зависая над горами. Гроза, которая уже несколько часов как собиралась, наконец разразилась. Потоки дождя стекали по голым бокам скал, пронзительно-яркие молнии скалили зубы высоко над гребнями холма. Некоторые молнии попадали в острые гребни и сдвоенные ряды монолитов в центре плато.

Только после того, как наемники спустились ниже и окружающие холмы постепенно скрыли плато, — только тогда, казалось, стихла эта страшная буря. Гром всё еще перекачивался вдаль, но теперь он был слышен все реже и реже над горами.

Проводник сошел с дороги и повел наемников по каменистой пересеченной местности вниз в ущелье, где ни один преследователь не смог бы отыскать их следы. Добравшись до дна ущелья, они пошли вдоль бурного потока, который ливень заставил выйти из берегов. Речка вывела их к естественным укреплениям, над которыми были выстроены дополнительно грубые каменные стены. Передовые отряды уже спешили и

теперь ждали на берегу темной речки, пока перед ними поднимут ворота.

И вот бревенчатые ворота начали подниматься. Солдат впустили в горную деревушку.

Каменные дома по обе стороны улицы имели конические крыши. Через дыры в середине крыши поднимались столбы дыма от очагов. На внешней стене каждого дома был наклеплен навоз для просушки, отчего в деревне стоял одуряющий запах. Деревенские жители, по большей части вооруженные длинными мечами и одетые в меха, с любопытством толпились в дверях и с интересом смотрели на проезжавших мимо чужеземцев. Несколько раз всадникам пришлось замедлять движение или даже останавливаться, потому что жители деревни не спеша шли перед ними, совершенно не намереваясь ни сходить с дороги, ни убыстрять шага.

Наконец всадники спешили перед каменным строением, которое по размерам было больше остальных домов. Его крыша состояла из нескольких конусов. Кланяющийся слуга провел их внутрь. Там было темно. Крышу поддерживало несколько столбов. На полу были расстелены меховые шкуры. В очаге, расположенном в центре дома, потрескивало пламя. Отблески огня отражались на кривых мечах, что висели на поясах дюжины харангийских воинов, стоящих вдоль стен. Перед очагом сидели пятеро в мехах поверх сверкающих доспехов.

Старыми и дикими на вид были эти пятеро. Их серо-черные бороды и волосы были причесаны у каждого на свой манер. Когда посетители заняли свои места на полу по другую сторону очага, вождь в центре, плосконосый человек с длинными серыми косицами, обратился к ним на ужасном кофийском:

— Зачем пришли в эти горы? Гетман низинных деревень сказал, что вам нужна наша помощь.

Аки Вадсай слегка приподнялся, сидя на коленях.

— Помощь, да. И убежище тоже. Мы хотим присоединиться к вам в вашей войне против Ивора, принца Кофа. Нам необходим безопасный лагерь, откуда мы могли бы наносить удары по его позициям.

Другой вождь, тот, что помоложе, сидящий справа от плосконосого, запальчиво проговорил:

— Мы харангийцы, мы разбойники, не солдаты. Мы можем вместе с вами сделать набег, если добыча хорошая. Но мы не станем частью войска.

Аки Вадсай кивнул:

— Такая помощь могла бы быть для нас очень ценна.

Первый вождь сказал:

— Что до лагеря — в горах много подходящих мест. — Он свирепо осклабился. — Но если мы приютим вас, то как мы можем быть уверены,

что наше гостеприимство не обернется нам во зло? Не начнете ли вы, чужаки, воровать наш скот, портить наших женщин? — Он выдержал паузу. — И наших мальчиков. — Он сурово посмотрел на Друзандру.

— Почтеннейший, мы скорее проглотим собственные мечи, — сказал Аки Вадсай. И, увидев опасно сощуренные глаза старого вождя, он объяснил: — Потому что мы знаем: подобный образ действий был бы непростительным безумием, а мы не хотим умирать раньше времени здесь, в родовом гнезде свирепых харангийских воинов. Только поэтому мы не станем этого делать, даже если нам и захочется портить ваших женщин и мальчиков.

Виллеза наклонился вперед и добавил:

— В любом случае, мы не собираемся оставаться тут долго. Либо мы скоро сумеем забить тантизиумийского зверя в его логове, либо оставим вашу землю и пойдем искать счастья где-нибудь в другом месте.

Вождь с плоским носом потянул себя за косицы, постучал по закованной в золото груди, обдумывая услышанное.

— Итак, вы уже скоро собираетесь напасть на него? И куда же мы ударим?

Поскольку остальные предводители наемников мешкали, заговорил Конан:

— Долина к востоку от Тантизиума. Богатый край. Кофиты могут позволить себе держать там,

в Варете, только среднего размера гарнизон. Большая часть их отрядов отозвана для того, чтобы усилить гарнизон столицы.

В течение минуты харангийцы напряженно думали, и это было очень заметно. Затем они стали кивать друг другу.

— Да, богатый край, большая добыча, — сказал наконец сидящий посередине вождь. Он повернулся к капитанам с очень довольным видом: — Чужеземные друзья! Союз между нами может принести немало выгод и вам, и нам. Теперь касательно вашего укрепленного лагеря...

— Мы знаем, где хотели бы разбить лагерь, — прервал его Конан. — На холме Зама-нас.

Соратники Конана казались такими же испуганными этим неожиданным заявлением, как и вожди. С обеих сторон донесся ропот голосов. На горячий протест Виллезы Конан прошипел:

— Подумай как следует, мужик. Если они так боятся этого места, то, по крайней мере, там можно не опасаться харангийских воров или убийц, которые залезут к нам ночью в палатку и перережут нам глотки. Страх удержит их от соблазна.

Затем плосконосый повернулся к Конану:

— Вы чужие в этих горах. Вы действительно хотите разбить лагерь там... там, где издавна бродит злая сила?

Конан выпрямился и серьезно, мрачно посмотрел сквозь пламя очага на своего собеседника:

— Вожди, мы — армия, мы не так беспомощны, как банды ваших разбойников. Кроме того, мы должны быть готовы быстро наносить удары. Мы утомились от одного дневного перехода по вашим горам. Каково же это будет для кофитов? — Киммериец обхватил себя за плечи и поглядел на всех вождей по очереди. — Заманас лежит куда ближе к границе, эта местность великолепно укреплена. Сама природа позаботилась создать там хороший лагерь для нас.

Главный вождь коротко посоветовался со своим соседом, а затем заговорил:

— Этот выбор затрагивает интересы духов. Только шаман может знать их волю. Идемте.

Он велел всем присутствующим встать, после чего и сам с трудом поднялся на ноги. Двое слуг поспешили помочь ему, поддерживая его с обеих сторон. Все пошли к двери и вышли из дома. Вооруженные харангийцы шли справа и слева от них.

Было еще светло, хотя нависшему небу, казалось, не терпелось смыть с себя свет зари. Харангийские женщины и дети смотрели без всякого любопытства на проходящих. Хромой старый вождь не стал садиться на коня. Он повел всю процессию по боковой улице, завернул за угол и двинулся по узенькому переулочку. Там,

где заканчивалась скала, находилась одинокая деревянная хижина — единственное деревянное строение из всех, что солдаты видели здесь, в этой деревне. Это была маленькая избушка, сложенная из грубых бревен. Сквозь щели пробивался свет пылающего внутри огня. Снаружи строение было украшено черепами животных, идолищами из кости и кожи, связками корешков. Все это свисало с колышков, воткнутых в щели между бревнами. Пространство перед хижинкой почернело от кострищ, которые пылали здесь когда-то, но сейчас здесь лежали только остывшие угли.

К удивлению наемников, старый вождь с седыми косицами пал на колени перед закопченным порогом и возопил:

— Отец, о отец! О, выйди, мы умоляем тебя! Одари нас своим благословением!

При первом вопле ничто не шелохнулось внутри хижины. Но вождь продолжал взывать. При повторной просьбе в доме зашевелилась какая-то фигура, заметная на фоне пламени. Затем рваная тряпка, заменявшая дверь, отдернулась в сторону, и на пороге показался полуобнаженный человек. Нижняя часть его тела вся была закутана в темные меха. Хотя он был высохшим от старости, согнутым и морщинистым, он казался моложе того, кто именовал его «отцом». У него был только один глаз. На месте другого зияла пустая глазница. Он выступил

вперед и мгновение не шевелился, внимательно разглядывая пришельцев. Воцарилось гробовое молчание. Тишину нарушали только перекаты грома над дальними холмами.

Аки Вадсай прошептал Конану:

— Будь осторожен с этими харангийскими шаманами. Вот этот вынул свой правый глаз и устроил ему настоящие похороны по высшему разряду, чтобы тот мог глядеть на потусторонний мир. Он попросту отправил свой глаз жить в мире духов, вот что он сделал.

Вождь, оставаясь коленопреклоненным перед святым мужем, разразился быстрым потоком слов на местном диалекте. Вероятно, рассказывал о желании Конана. Дважды вождь поднимал руку и указывал в сторону светлого утеса, который маячил вдали над крышами деревенских домов. Конан был уверен, что он указывает в сторону того самого плато, которого здесь так боятся. Затем в середине повествования вождя шаман поптичь поворачивал голову и метнул взгляд на киммерийца. Его единственный светло-голубой глаз буквально пронзил Конана взором.

Когда вождь завершил свою речь, он с трудом поднялся на ноги и отступил назад, опустив голову, с видом величайшего почтения.

Святой человек подошел к Конану вплотную и уставился на него снизу вверх.

— Это ты тот, кто собрался приклонить ночью свою усталую голову на груди За-

манаса? — Он говорил на превосходном кофийском. — Варвар с далекого севера. Неужто большие варвары боятся сверхъестественных сил меньше, чем маленькие варвары?

Конану пришлось хорошенько держать себя в руках, чтобы не шарахнуться от жутковатой близости святого человека и исходящего от него запаха.

— Я осторожно отношусь к магическим силам, старик. Не раз уже они подводили меня вплотную к смерти.

— И действительно. Твой враг, принц Тантизиума, имеет на службе могущественного волшебника, который сейчас, в это самое мгновение, подготавливает твою гибель.

Конан кивнул:

— Да, этот кхитаец Агохоф. У него власть над неживыми предметами и стихиями, из которых он лепит черт знает что. И он использует свою власть исключительно для грязных дел.

— Опасный человек. — Святой муж сощурил свой единственный голубой глаз. — Однако колдуны и раньше зачумляли Тантизиум. Отец этого принца Ивора сам был довольно способным чародеем. Должно быть, из тех, кто умел изменять форму. И гулем. До тех пор, пока его брат Страбонус не замуровал его в подземелье, ведь нужно же было как-то спасти Коф от такого позорища.

— Я знал отца Ивора, — кивнул Конан. — Несколько дней тому назад я сам уничтожил его. Это было под королевским дворцом.

Спутники Конана разразились удивленными возгласами. Но старый шаман только коротко кивнул, как будто Конан лишь подтвердил то, что и так было ему известно. Он тихонько закивал.

— А теперь где-то там, в твоём варварском уме, бродит мыслишка, небось, что Агохофу было бы куда труднее напускать на тебя свои наваждения, если бы ты забрался куда-нибудь в священное место Харанги. Сидя в логове зверя, можно не опасаться другого зверя, так ты думаешь, а?

Конан только молча пожал плечами под циклопическим взором старца.

Долгое и задумчивое молчание тянулось, пока шаман, отвернувшись, созерцал высящийся вдалеке хребет. Затем он обратил свое спокойное, просветленное лицо к Конану:

— Я предостерегаю тебя, Конан, Дробитель Черепов и прочая и прочая, подумай хорошенько, прежде чем решаться на такой шаг. — Старец собрал свое чело в складки. — Много видов различной магии затрагивают наш мир. И многие из этих видов — злы и смертельно опасны. Вряд ли магия захочет служить твоим жалким планам.

Но Конан из Киммерии стоял перед ним неподвижно.

— Что ж, раз ты такой отважный, что не боишься опасности и готов отвечать за последствия, то иди. — Шаман пожал плечами и отпустил его, обратившись к плосконому вождю, сказав тому два-три слова, после чего скрылся в хижине. Грязная занавеска упала, и шаман исчез из виду.

— Идемте, — сказал верховный вождь Конану, — мои люди проводят тебя к Заманасу. Пусть все духи гор защитят тебя в твоём юношеском безумии.

ПЛАТО ЗАМАНАС

Несколько дней спустя Конан вышел из восьмиугольной палатки и закрыл за собой полог. Сонные женские голоса были еле слышны у него за спиной. Стояло раннее утро. Только несколько наемников были на ногах. Конан кивнул Сидре, женщине из рода гундеров, с каштановыми волосами, которая стояла на страже у восьмиугольной палатки женского лагеря. Она одарила его солнечной улыбкой, после чего вновь ее лицо приняло настороженное выражение. Ее руки крепко сжимали щит и меч.

Солдаты, казалось, привыкли к тому, что Конан проводит ночи в шатре у женщин. По всему лагерю об этом, разумеется, гуляли разнообразными сплетнями. Конан об этом тоже знал. Он приветливо поздоровался с одним из солдат, который сидел в кустах со спущенными штанами. Тот поглядел на него с некоторым недоверием. Он видел, как Конан вышел из женского шатра.

Еще больше народу не спало в центре плато, где острый, как бритва, хребет не скрывал встающего солнца. Люди отдыхали — бродили взад-

вперед, болтали, валялись на солнышке, встречая еще один день, наполненный ленью и скукой. Киммерийца встретили скабрёзными шутками, ухмылками и гримасами; тот старательно не замечал всего этого.

Недавние страхи и отвращение солдат к плато Заманас исчезли почти бесследно за то время, что они здесь находились. Переход из деревни оказался легким, хотя проводник из Харанги оставил их возле реки, заявив, что ни один человек из их племени, по крайней мере на его памяти, ни разу еще не пересекал этих вод. Подъем шел по каменному пологому склону, где почти не было кустов. Конан нашел, что это куда легче, чем карабкаться по соседним горам. Дорога шла по самому гребню; с обеих сторон тянулся отвесный обрыв, так что это место было очень легко оборонять.

Плато было широким, пологим, здесь обсто-
яло неплохо с водой. Образовано оно выветрен-
ным розоватым камнем, который разительно от-
личался от пород, слагающих окрестные горы.
Однако на вершине плато имелась почва, где
росли деревья и трава, необходимая для лоша-
дей. Здесь не видно было ни пещер, ни руин, где
могла бы таиться опасность. Только два бледных
разновеликих монолита высились в центре пла-
то. Да и сами монолиты при ближайшем рас-
смотрении, с их неправильной цилиндрической
формой, увенчанные округлыми навершиями,

казались скорее творением матушки-природы, нежели созданием человеческих рук.

В первый день солдаты затеяли охоту, которая принесла неплохую добычу. И ничего не случилось такого, что нарушило бы покой людей. Наемники наконец успокоились и начали вести довольно-таки приятную спокойную жизнь. Дни шли, люди отдыхали, чинили вещи, вострили оружие. Искусные игроки обогащались, подвергаясь в свою очередь опасности быть ограбленными или зарезанными. Конана начало всерьез уже беспокоить безделье, которому предавались его люди.

Киммериец позавтракал овсянкой из солдатского котла, который курился паром над тлеющими углями, на закуску проглотив несколько фиг. Когда он жевал сухие фиги, его приветствовал Аки Вадсай:

— Да благословит тебя Тарим, Конан. — Он присел на корточки, по обыкновению уроженцев пустыни, возле Конана. — Еще ни одной весточки от мятежников?

— Нет, Аки Вадсай. Нам нужно послать еще одного всадника на тот случай, если первому не повезло на дороге или же он поддался соблазну.

— Да. — Аки Вадсай нахмурился. — Благородная девица Евлалия хотела послать нам весточку о том, как развиваются события. Я только надеюсь, что принц не уничтожил все ее надежды.

Конан кивнул:

— Похоже, кофийские легионеры потеряли-таки наш след. Жаль! Мне хотелось бы, чтобы они сунулись сюда вслед за нами. Возможно, они отправились назад, в Тантизиум, помочь Ивору справиться с народными волнениями. — Он пожал плечами. — Как бы то ни было, а наши наемники, похоже, засиделись на месте. Так что чем скорее начнутся военные действия, тем...

Он замолчал, прислушиваясь к крикам, доносящимся из той части лагеря, где стоял отряд Конана. Конан поднялся и вскочил на валун, чтобы лучше видеть, что там случилось. Он еще думал, что эти крики были сигналом тревоги. Неужели неприятель или атака? Но люди кричали, что им нужна веревка.

— Похоже, у одной из моих мартышек возникли трудности, — сказал он Аки Вадсаю. — Пойду погляжу, что случилось, а то они окончательно спят.

Другой капитан с пониманием кивнул.

Конан с трудом заставлял себя не бежать, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Он приблизился к обрыву, где собралась уже толпа наемников. Иные хохотали и хлопали себя по бокам, другие с искренней тревогой глядели в пропасть. Один из таких подбежал к Конану:

— Господин, северянин Гандар — он полз вниз по склону. Набрел на невезуху. Хотел схватить жирную ящерицу, чтобы слопать. И не

может подняться вверх. — Солдат с растрепанной бородой, моргая, глядел на Конана. — Он совсем с ума сошел. Нам нужна веревка...

— Ну, это еще неизвестно, по кому веревка плачет, — прервал его Конан, — по нему или по его спасателям. Что он так разоряется?

Долговязый ванир, как определил его происхождение Конан, скорчился на маленьком выступе в нескольких шагах от кромки обрыва. Он был бос, одет в штаны красного цвета. Одна штанина была разорвана и сквозь болтающиеся лохмотья виднелась кровавая царапина. Человек осыпал проклятиями... скалу. На таком расстоянии смысл его воплей, если в его криках, конечно, был какой-то смысл, разобрать было невозможно.

— Я не знаю, что его там держит. Может, змея укусила. — Бородатый испуганно смотрел на Конана. — Он отлично лазает по скалам. Он спустился по утесу так низко, что мы его вообще не видели. Потом полез вверх и все бранил эту скалу. Теперь и вовсе подняться не может.

— Я погляжу, что там стряслось. Но удержи этих ухарей, чтобы держались подальше от края, а то ненароком свалят камень мне на голову. — Конан снял обувь и меч, положил их рядом, а затем распростерся на грубом выветренном камне и начал сползать вниз по отвесной стене.

— Эй ты там, Гандар! — заорал он. — Сиди спокойно и ничего не бойся. Я собираюсь тебя вытащить!

Он был уже довольно близко от несчастного. Как он ни напрягался, а северный диалект этого парня никак не мог разобрать. Возможно, тот кричал неразборчиво потому, что был испуган и перевозбужден. Конан увидел, что этот Гандар был охвачен странным припадком. Царапаясь и скребясь по камню, как сумасшедший, он будто бы изображал стремительный подъем по скале. При этом он оставался на месте. Скала перед ним была покрыта пятнами крови, сочившейся из его ободранных коленей и локтей.

Затем сверху что-то крикнули. Один из наемников сбросил веревку. При падении петли раскручивались. Это был превосходный бросок, поскольку последнее кольцо ударило ванира по плечу.

— Гандар, веревка! Хватай веревку и жди меня! — крикнул ему Конан.

Но парень ничего не слышал. Вместо этого с пронзительным воплем он попытался сбросить с себя веревку, борясь с ней, будто это была смертоносная извивающаяся змея. Он отбивался и кричал как безумный. Внезапно он потерял опору и полетел вниз с отвесного утеса. Его крики замерли, когда он наконец скрылся из виду.

— Кром! — И Конан начал было ругаться, но затем остановился и превратил проклятия в

тишайшую молитву по погибшему. Легкомыслие стоило этому парню жизни. Конан надеялся, что это отведет остальных от подобных подвигов. Однако во всем этом было что-то очень странное и жутковатое.

Киммериец вновь взобрался наверх и, прежде чем заговорить с испуганными людьми, столпившимися у обрыва, помедлил немного. Они мало что могли рассказать ему о случившемся. Общее мнение сводилось к тому, что Гандар увидел какого-то кобольда на скале, который так напугал его, что парень потерял рассудок. Конан оставил это без комментариев, повернулся и пошел прочь в отвратительном настроении.

Часовые донесли, что к лагерю приближается всадник. Когда Конан подошел к костру, где собирался совет командиров, гости уже прибыли. Это был барон Стефани собственной персоной на великолепном скакуне в окружении полудюжины вооруженных мятежников, в обществе уставшей Евлалии, одетой в мужскую одежду.

— Конан! Какой восхитительный лагерь! И какой вид отсюда! — Барон склонился с седла, чтобы схватить и пожать протянутую руку киммерийца. — Я считаю эту встречу очень важной, так что я оставил вместо себя Рандальфа, чтобы явиться лично. Я привел с собой моего самого доверенного помощника, — он указал на Евлалию, которая повисла у Конана на шее и осыпала его градом вопросов.

Пока Конан пытался отвечать, он разглядывал Стефани. Худая фигура барона, облаченного в зеленую дорожную одежду, не напоминала ему больше об ученой крысе. В седле барон чувствовал себя как дома — как и дикий кот, которого он взял с собой. Животное подросло с тех пор, как Конан видел его во дворце играющим с бантиком. Полосы на пушистом хвосте и на спине стали шире. Однако это еще не было взрослое животное. Пока все обменивались приветствиями, кот спокойно сидел, оглядывая всех и каждого невозмутимым взором желтых глаз.

Подошли еще несколько офицеров, и среди них Друзандра со своей спутницей. Барону они уделяли особое внимание — их заинтересовал великолепный конь и странное животное в седле. Они окружили Стефани, который покровительственно улыбался этим воинственным женщинам, позволяя гладить серебряную гриву коня и шерстку кота — правда, последнего осторожнее.

Когда Стефани наконец соскочил с седла и привязал животное, он подошел к Конану:

— Скажи мне, как тебе удалось получить помощь от горцев? Я до сих пор их побаиваюсь. Я первый кофийский аристократ, который посмел сунуться в эти горы за долгие годы. Разве что не во главе карательного отряда.

Конан невозмутимо ответил на взгляд барона:

— Я добился их доверия потому, что я не кофит. Они обещали мне помочь в борьбе против Ивора.

— Это невозможно! — вскричала Евлалия. — Они спалят город и обратят всех крестьян против нас. Война превратится в чистый хаос.

— Может быть, — пожал плечами Конан. — Я планирую держать их на расстоянии от Тантизиума. Я использую их для того, чтобы отвлечь внимание врага от нашего главного удара.

— Против кофийской твердыни? Ты имеешь в виду...

— Да. Варета.

Барон кивнул:

— Возможно, это и выход. Эти дикари долго будут выяснять там отношения с королевской гвардией.

Снова вмешалась Евлалия:

— Но мы должны предупредить крестьян. Иначе эти горцы-дикари заживо насадят их на свои копыя, просто ради развлечения.

— Только предостережение не должно быть ни откровенным, ни преждевременным, — предупредил Конан. — Среди ваших мятежников, вероятно, затесались и соглядатаи. А нам важно захватить кофитов врасплох. Я не хочу, чтобы харангийцев перебили или заманили в ловушку. Или, хуже того, предали. — Он посмотрел Стефани прямо в глаза. — У меня с ними связаны особые планы.

Евлалия рассказала офицерам наемников о том, как обстоят дела в столице.

— Ивору пришлось убедиться, что его политические игры вызвали к жизни сильную оппозицию. То, что принц снюхался со Страбонусом, прозвучало для народа громом среди ясного неба. А волнения повлекли за собой новые налоги и новые репрессии. — Аристократка издевательски усмехнулась. — Он боится дать оружие в руки своим подданным. И поэтому целиком полагается на гражданскую самооборону. Совсем недавно он потребовал, чтобы Страбонус отозвал легион из Вареты. Сейчас умоляет короля вернуть его. Он демонстрирует себя с отвратительной стороны, проводя в жизнь все более жесткие меры. Но нам это только на руку.

Евлалия тоже за последние дни стала жестче, суровее, как заметил Конан. Она была одета для быстрой скачки. Лицо уже не было напудрено, оно стало загорелым и обветренным. И ей это нравилось. Твердые нотки в голосе, все ее движения — все в ней выдавало ее радость.

— Дело мятежа становится все сильнее, — заключила она. — Чего бароны и землевладельцы не стерпели бы от самого короля Страбонуса, того они тем более не станут терпеть от этого жалкого королишки, от принца.

— А что с этим колдуном? — спросил Виллеза. — Что, Агохоф не может расправиться со смутьянами?

Стефани наклонился вперед, чтобы ответить:

— Ивор не позволяет ему развернуться. Я думаю, он опасается, что колдовство, употребленное в самом сердце провинции, только раздует пламя мятежа, настроив людей против принца. — Барон нахмурился. — Меня беспокоит, что Ивор может натравить колдуна на мои владения или на владения кого-нибудь из крупных аристократов, живущих на окраине, чтобы на нашем примере дать урок всем остальным. Мы должны нанести упреждающий удар, пока еще не поздно.

— Подожди!.. — На этот раз в разговор вступил Аки Вадсай. — Мы разве встретились для того, чтобы говорить об атаке? Уверен, совесть не остановит Ивора, когда он вздумает натравить на нас колдуна. Как только мы встанем у него на пути, Агохоф будет спущен на нас точно цепная собака. Ивор только и ждет, чтобы мы высунулись.

Конан решительно хлопнул себя по колену и встал. Он вышел вперед, гневно обведя собравшихся глазами.

— Хватит болтать об этом недоноске Агохофе! Я сам с ним разделаюсь! Клянусь Кромом!

И снова поглядел на своих товарищей. Никто не собирался ему перечить. Его взгляд задержался на Аки Вадсае, который слегка поклонился, как бы выступая свидетелем его клятвы и принимая ее. Конан нетерпеливо пожал плечами:

— Давайте спланируем атаку. Нечего тут медлить. А то еще немного — и мои люди станут неуправляемыми.

Немного позднее, во время перерыва, Конан пошел к монолитам. Известие о смерти Гандара, похоже, произвело мало впечатления на наемников. Целая орда буйных голов шумно пыталась выкопать каменные колонны, используя для этого древки копий. Они предполагали, что под монолитами скрыто сокровище. Их предводитель Павло стоял на более маленьком камне, высота которого была в три человеческих роста. Оттуда он азартно руководил всей сворой, пытавшейся, обвязав вертикально торчащий монолит веревками, повалить его набок.

— Прекратить! — заревел Конан. — Ты, аргосиец, слезай оттуда! Хватит придуриваться!

Он прошел сквозь толпу людей, которые шарахались от него в стороны.

— Идите собирать монетки, псы войны! На рассвете выступаем.

ГОРНЫЕ РАЗБОЙНИКИ

Дикие горцы прискакали ночью. Холодно горели над ними звезды. К глухому стуку копыт примешивалось звяканье уздечек, резкие звуки варварской речи. Вдали мужские голоса звучали в унисон, слаженно распевая песни, сложенные харангийскими племенами еще в те достопамятные дни, когда, согласно легендам, они безраздельно властвовали на широких равнинах Востока.

Конан направил свою лошадь, ориентируясь по звуку, потому что он мог едва лишь различать очертания вооруженных всадников или сверкание звездного света на их остроконечных шлемах или обитых металлом щитах. Мысленно он прикинул направление движения орды по положению звезд и успокоился. Их вожди, должно быть, пользовались тем же самым методом, ибо из всей сотни харангийских всадников только один нес пылающий факел. То и дело Конан видел этот огонь, а потом опять терял его из виду за склонами гор. Иногда видел Конан и их штандарт — череп и рога оленя, обитые бронзой.

Это была долгая скачка во главе армии наемников по горам. Затем Конан оставил своих людей и вместе с разбойниками-горцами вырвался по ущельям на открытую, незащищенную местность. Харангийцы за день проходили огромные расстояния, двигаясь с молниеносной скоростью. В темноте они неслись подобно бесформенным духам, что устремляются на жертву в мрачных глубинах ночи. Конан дважды менял коней. Маленькая горная лошадка с трудом тащила на себе тяжесть веса варвара. Так продолжалось какое-то время, а теперь снова в предвкушении битвы он пересел на своего могучего черного скакуна.

Далеко впереди возникло какое-то беспокойство. Спустя секунду Конан разглядел и источник тревоги — одинокий всадник неся на цепь, глядя на горящий факел. По обе стороны от факелоносца ехали харангийские вожди.

— Хайя!

Вождь Харанги, который гнал свою лошадь рядом с Конаном, дернул поводья и тоже устремился в сторону факела. Движением руки он указал своим людям, чтобы те оставались на левом фланге. Конан оторвался от них и поскакал рядом с горцами. Без труда его могучий жеребец обошел более маленьких коньков горцев.

— Что случилось, Хваг с Красных Утесов? Неужели ваша разведка обнаружила вражеские

посты? — Конан уже сносно изъяснялся на суровом харангийском диалекте, с которым имел возможность познакомиться в последние дни.

Но горец даже не повернулся.

— Зачем тебе это знать, чужеземец?

— Я здесь для того, чтобы удостовериться в том, что твои дикие волки хватают ту добычу, что нужно.

Конан замолк и насторожил уши, вылавливая смысл фраз, которыми обменивались вожди.

— В самом деле? — фыркнул Хваг с издевкой в голосе. Он и не скрывал своей неприязни. — Я думал, что ты просто гусак, которого гонят вместе с армией, чтобы защитить нас от предательства твоих кофийских друзей.

Конан нахмурился:

— Гм. Это тоже возможно. Долго ли коротко ли, но я вас покину, чтобы присоединиться к атаке мятежников... и уладить еще кое-какие дела.

Харангиец бросил подозрительный взгляд на киммерийца в желтом свете факела.

— Это решат мои вожди. Без их согласия тебе отсюда дороги нет.

Затем внимание Конана вновь переключилось на разговор вождей.

Вожди выкрикивали приказы гетманам. Конан изо всех сил пытался уловить хотя бы примерный смысл. Но долго гадать ему не пришлось. Внезапно Хваг и все остальные разразились воплем, ко-

торый стремительно разнесся по рядам, повторяясь многократно, усиленный сотнями голосов:

— ВИРИДИЯ! Вперед!

Тысяча глоток исторгала этот крик. Масса всадников начала стремительно набирать скорость. Сперва они перешли на быструю рысь, так что жеребец Конана легко шел с ними в ногу. Гремящие копыта и вопли человеческих глоток сливались в единый оглушительный шум. Затем кони пустились вскачь. Воздух дрожал, гремел истошными дикарскими воплями и яростной музыкой конского топота. И вот орда со страшным грохотом перешла в безумный галоп по бездорожью.

Факел и штандарт остались далеко позади. Всадники неслись по черной ночи, освещаемой только светом звезд. Вокруг в темноте смутно виднелись очертания холмов.

Ритмичный стук копыт и жесткие удары кожаных седел точно вбивали тупые гвозди в голову Конана. Он начал ощущать, как в нем растет безумное, самоубийственное возбуждение. Он мчался сквозь ночь на смертельного врага, растворив свою жизнь в чудовищной мощи орды. Тщетно он всматривался в мрак, расстилающийся впереди. В горячечном уме возникали фантомы, которые мгновенно исчезали перед мордой коня.

Конан чувствовал, что постепенно начинает отставать от маленьких, но очень выносливых горских лошадок. Один раз, когда его конь попал

ногой в неглубокую выбоину, Конан едва не вывалился из седла. Он ничуть не сомневался, что горцам такая безумная скачка нипочем. Они были прирожденные всадники. Они точно прилепились к своим седлам.

Черный жеребец начал выдыхаться, а сам Конан уже гадал — сколько же еще безумные харангийцы будут нестись в своем страшном галопе. И вот впереди мелькнуло облако пыли, которое грозило всех задушить. Постепенно в нем проступали какие-то темные фигуры. На горизонте поднялись облака дыма, и в них мелькали человеческие тени. Затем вся сцена стала более отчетливой.

Это была деревянная стена укрепленного лагеря легионеров, перед которой кишели всадники. На палисаде горели факелы. Часовые с тревогой смотрели со стен на атакующую орду. Ужасающие вопли, вырывающиеся из глоток харангийцев, были таковы, что казалось: стены вот-вот падут под их натиском.

Однако палисад выглядел довольно высоким и прочным, а ворота были закрыты. Стремительно приближаясь к цели, Конан поневоле продолжал гадать: что эти дикари будут делать с такой прочной обороной? Но сейчас, когда почти вся орда ушла вперед, он ясно мог видеть всю атаку. Передние всадники разделились перед стеной, выпустив целый град дротиков и копий. Несколько защитников упали вниз с па-

лисада. Затем к стене с воем подкатила плотная волна атакующих. Вверх полетели веревки с крючьями на концах, вонзившиеся в дерево. Эти всадники повернули своих лошадей в самое последнее мгновение и понеслись вдоль стены. Другие же все подходили и подходили.

Эти веревки не предназначены для того, чтобы забираться наверх, внезапно понял Конан. Вместо этого горцы продемонстрировали настоящий цирковой трюк верховой езды. Они ухитрялись растаскивать бревенчатую стену, используя силу и скорость своих коней. И вот с громким треском бревна палисада начали подаваться. Один часовой потрясенно вскинул руки и упал спиной вперед, на двор форта, когда бревно выскочило из-под его ног. Остальные ухватились за падающую стену.

Снова и снова забрасывали всадники вверх свои веревки с крючьями, а их товарищи прорывались сквозь бреши. Кофиты, засевшие в деревянных башнях по углам стены, были теперь блокированы. Короткие луки харангийцев звенели как лютни, а длинные копья сражали солдат, оборонявших стены. Конан видел, как горцы соскакивали с седел или влезали на плечи своих товарищей, чтобы взобраться на палисад. Некоторых отбрасывали, но другим удавалось зацепиться и добраться до верха.

Новая волна атаки вынесла Конана прямо к стене. Он потрясенно обнаружил, что держит в

одной руке топор, а в другой меч и что из глотки его рвется на волю свирепый боевой клич. А затем он вместе с остальными бросился на высокий палисад и больше ни о чем уже не думал, оказавшись в толпе воющих всадников. Он чувствовал только одно: непреодолимое желание крушить в щепу древесину, ибо человека-противника в это мгновение перед ним не было.

Затем он обнаружил брешь, открывшуюся в ненавистном барьере, между двумя уцелевшими секциями стены. Харангийцы как раз пытались опрокинуть их. Боевой жеребец, похоже, обезумел еще больше, чем его хозяин. Без всякого прищипоривания разъяренное животное взлетело над барьером и проскочило в узкую щель.

Теперь наступил суший ад. Воздух содрогался от воплей. Вокруг Конана колыхался лес пик и факелов, которые расступались перед ним, ибо никто не ожидал, что буквально с неба на них свалится громадный конь с гигантом-всадником, яростно размахивающим секирой. Черный жеребец несколько мгновений топтался по поверженным человеческим телам, дробя их и кусая, точно одержимый. Конан поднимал и опускал свое оружие, разя противника направо и налево, оставляя везде изувеченные трупы. Затем человек и конь пронеслись сквозь толпу защитников, как нож сквозь масло, и развернулись, чтобы снова атаковать их.

Однако теперь упала уже большая часть стены, и во двор форта ворвалась огромная толпа вопящих харангийцев. Кофиты не могли устоять между ними и разъяренным диким киммерийцем. Они рассыпались и побежали кто куда. Конан навалился на фланг поверженного врага и беспощадно гнал кофитов, а затем повернулся и встретил новую волну защитников форта, которые выскочили из горящих палаток.

Последние кофиты нашли убежище в старом каменном строении в середине форта. Вокруг этого строения и выросли впоследствии разрушенные ныне деревянные стены. Королевские солдаты отбивались с яростью обреченных, ибо от диких горцев не ждали никакой пощады. Теперь харангийцы громили ворота. Когда отзвучали равномерные удары их тарана, наскоро сделанного из бревен палисада, стало ясно, кто одержал здесь победу.

Наконец наступил момент, когда, несмотря на то что боевой клич все еще гремел над вражеским лагерем, ни одного кофита не осталось во дворе. Многие из харангийцев занялись тем, что грабили трупы. Конан вынужден был остановиться, когда его жеребец страшно захрипел. Он соскочил с седла. Из пасти храброго животного клубилась розовая пена. Он повел животное к колодцу, вода которого почти не была запачкана кровью.

Пока конь пил и снова набирался сил, Конан пошел договариваться с горцем, который хотел

вывести из кофийской офицерской конюшни пять коней с дикими глазами. Выбрав самого большого, киммериец вырвал поводья из рук горца, а затем цыкнул на него и яростно сверкнул глазами. Тот начал было протестовать, но затем пожал плечами и быстро увел остальных коней.

Конан оседлал свежего коня, а своего черного жеребца привязал к луке седла. Когда он сел на коня, он услышал ликующие вопли и треск дерева. Это упали ворота каменного здания.

Киммериец взял поводья и направил коня сквозь брешь в стене наружу, к усеянному телами полю, где яркий полумесяц уже поднялся и заливал всю восточную часть небосклона.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

НОЧНЫЕ ВСАДНИКИ

Ни один харангиец не осмелился остановить Конана, когда тот помчался к близлежащей деревне. Жители успели ее покинуть. Как стервятники, кружили повсюду горцы в поисках богатой добычи. Один отсалютовал киммерийцу высоко поднятым кривым мечом, ибо видел, как тот первым ворвался в брешь в стене форта. Но в общем и целом никто из ночных разбойников не выказывал Конану особого уважения. В свете пожара Конан увидел камень с дорожным указателем — там была дорога на восток — и поскакал туда.

Из конюшен и хижин, стоявших вдоль дороги, доносились женские крики, заглушаемые грубыми голосами и хохотом харангийцев. Конан поглядел на эти здания, терявшиеся в ночном мраке, нахмурился, но поехал прочь. Его сердце уже очерствело и загрубело и больше не сжималось при виде этих жестокостей, неизбежных в ходе любой войны. Лошадь уносила его прочь скорой рысью.

Но крики снова зазвучали, и еще громче. Что-то очень знакомое почудилось Конану, так

что волосы на загривке у варвара приподнялись и зашевелились. Вскоре из темного прохода выскочила тонкая, нежная фигурка. За ней гнались два кряжистых мужика. Конан натянул поводья своей бегущей лошади, поворачивая ее, и перерогородил преследователям дорогу.

— Стоять! — взревел Конан на харангийском; но эти воины даже головы не повернули в его сторону. В одно мгновение киммериец со своей лошастью отрезал им дорогу, встав между преследователями и их легконогой добычей. Он соскочил с седла. И еще раз закричал насильникам:

— Стоять!

А после бросил через плечо на кофийском:

— Евлалия! Оставайся на дороге!

Воины харангийцы остановились. Но вот один, ругаясь, схватился за меч и подбежал к Конану. Как молния, пролетел по воздуху кулак Конана и врезался разбойнику в шею. Тот зашатался и рухнул на колени. Его товарищ смотрел на происходящее не трогаясь с места.

Спустя несколько минут упавший на землю харангиец сделал попытку встать. Он вцепился в руку своего товарища, но тот хотел было тряхнуть его, поскольку опасался нового нападения со стороны неистового киммерийца. Пока оба были заняты друг другом, Конан взял их лошади за поводья и повел прочь. При этом он старался не выпускать обоих харангийцев из виду.

На узкой дороге он тихо позвал:

— Евлалия! Ты где?

Его голос все еще звучал хрипло, сорванный во время штурма, и был довольно грубым, особенно сейчас, когда воздух был полон нежного звона ночных цикад.

— Иди сюда, ко мне! Опасность миновала!

Он внимательно вглядывался в кусты, растущие по обе стороны дороги. Лунный свет заливал их. Однако Конан не замечал никакого движения.

— Что ты вообще тут делала? Вчера вечером ты оставалась в безопасности, посреди нашей армии.

Затем далеко впереди послышался шорох. Как призрак, мелькала фигурка юной дворянки между кустов и сорных растений.

— Конан! Я должна была предупредить сельчан.

В ее голосе звучало упрямство. На лице в лунном свете блестели слезы. Она подошла ближе, но нерешительно остановилась, скрестив руки под пленительной округлой грудью. На ней не было юбки. Длинная вышитая рубаха закрывала ее бедра, но оставляла голыми колени и стройные голени.

Конан вопросительно глядел на нее:

— Стефани послал же какого-то вестника, чтобы остеречь наших союзников насчет этого нападения.

— Ну да, и я пошла с ним вместе. Я должна была лично убедиться, что все сделано так, как нужно. — Ее лицо дрогнуло. — И все же головы наших покатались...

— А ваша собственная упрямая головка была, конечно, в полной безопасности. — Киммериец протянул руку и обнял ее за плечи.

Она вздрогнула, но упрямо продолжала стоять.

— Да, но дело того стоило. Этот вестник был, между прочим, изловлен харангийцами, которые рыщут повсюду. Они зарубили его, потому что для них все кофиты — злейшие враги. Мне удалось уйти от них. Но я загнала лошадь, когда удирала от горцев. Пока я искала другую лошадь, меня остановили эти двое, которых ты тут видел.

Она задрожала.

— Пошли. Мы слишком долго тут рассиживаемся! — проворчал Конан и мрачно поглядел по сторонам. — Мне нужно еще кое-что сделать. — Он оглядел свою спутницу с головы до ног. — Мой черный едва ли заметит твой вес, если ты сядешь на него. Умеешь ездить без седла? Нет, лучше садись-ка мне за спину. Ты вся замерзла.

Он усадил Евлалию позади себя на лошадь и поехал дальше. С седла он видел, как на фоне пожара, охватившего деревню, бегают разбойники-горцы. Но те двое, которых он отделал перед

хижиной, отбивая у них Евлалию, исчезли. И никто не преследовал Конана.

После того как деревня осталась позади, они миновали чью-то усадьбу, обнесенную высокой стеной. Там были привязаны харангийские лошади. За стеной к небу вздымалось пламя. Разносились крики. Конан вопросительно взглянул на Евлалию:

— Что, этих людей не предупредили?

Она метнула в ответ яростный взгляд:

— Нет! Это семьи королевских офицеров. Или тех деревенских, которые были с ними заодно. Эти пособники кофийской тирании не заслуживают ничего лучшего.

Хотя ее голос звучал резко, Конан чувствовал, как она дрожит в муке.

Когда они выехали на открытую местность, Конан погнал своего жеребца, чтобы наверстать упущенное время. Его боевой конь также набрался сил, поскольку бежал следом за всадником, не обремененный седлом и оружием. Дорога была ровной и плотной. Конан низко наклонился над гривой кофийской лошади и дал животному волю мчаться — пусть избыток страха и ярость пожаров и битвы. Евлалия обхватила Конана руками и молчала.

Долго неслись они галопом, озаряемые светом звезд. Затем местность вновь стала холмистой. Пологие холмы протянулись на западном горизонте. На самом дальнем из этих холмов

раскинулся город Тантизиум. Поднимаясь вверх по склонам и спускаясь вниз, в ложбины, Конан поневоле вынужден был замедлить бег своего коня. И тогда его спутница вновь смогла с ним заговорить:

— Конан, ты уже давно рискуешь вывернуть себе шею — так внимательно озираешься по сторонам. Мы еще далеко от города. Кого ты ожидаешь здесь увидеть?

— Как — кого? Врага, конечно, женщина! — Киммериец бросил взгляд через плечо. — Мы достаточно позаботились о том, чтобы принц был наслышан о нападении разбойников и принял их за наши главные части. Если он выслал значительные силы против нас из города, то они, вероятнее всего, находятся уже в пути.

— Понимаю. — Голос Евлалии звучал задумчиво, и ее руки плотнее обхватили Конана поперек груди. — Но тогда для нас довольно рискованно ехать по этой дороге. Как ты считаешь?

Конан кивнул. Его черные как вороново крыло волосы мотнулись при этом движении.

— Да, опасно. Но это хорошая возможность...

После краткой паузы Евлалия сказала:

— Тогда выходит, что хитрость минувшей ночи и нападение, запланированное на сегодняшнее утро, решают судьбу нашего восстания?

— Разумеется. Завтра в это самое время мятежники барона Стефани будут иметь забот по-

лон рот. — Услышав, что его спутница набрала уже воздуха в грудь, чтобы возразить, он быстро продолжил: — А если мы не сможем взять город, я не смогу долго удерживать здесь наемников. Вольные наемники не падают с седла только в одном случае — если видят в обозримом будущем сладко позвякивающий мешок с деньгами. Так что все зависит от того, насколько удачно выпадут завтра кости из стаканчика.

Евлалия ответила только после долгой паузы:

— Но если даже мы и возьмем город, у нас, вероятно, возникнут еще более серьезные затруднения. Откуда мы знаем, что твои отряды не разграбят там все подчистую и не сведут на нет все наши планы реформаторства? Достанет ли у тебя власти, чтобы обещать, что ничего подобного не произойдет, Конан из Киммерии? — Она наклонилась вперед, чтобы заглянуть ему в лицо. Ее теплые руки коснулись его уха. — Разумеется, наши солдаты сумеют разбить твоих, если те попытаются выкинуть нечто подобное.

— Если ты сомневаешься, что я сумею удержать моих наемников в узде, — лицо Конана омрачилось, как видела Евлалия, — то могу тебя успокоить. Я не собираюсь торчать с ними долго в Тантизиуме. Потому что у меня другие планы. Как только ты нам заплатишь, как было договорено, тебе не нужно будет опасаться предательства. А что до твоих мятежных мечтаний... — Тут

он пожал плечами. — Они, возможно, будут бесполезны и для меня. Кто знает, может быть, мне потребуются союзники в ближайшие несколько месяцев. Нет, нет, моя дорогая! Твои трудности почти смешны. Что нужно? Всего-то навсего устранить сатрапа Ивора, его жадного дядюшку Страбонуса, разбить объединенные войска обоих, а заодно одолеть какого-то там вонючего москита Агохофа.

Евлалия содрогнулась:

— Который в одиночку запросто может захватить нас всех в один гроб.

— Что верно, то верно. Но подумай вот о чем. Чародей любит королевскую власть. Поэтому он извивается угрем среди карпов. Если мы придем Ивора и ослабим Страбонуса, этот колдунишка, вероятно, подберется под теплый бочок к какому-нибудь другому владыке и больше не будет отравлять эту маленькую провинцию. — Конан ободряюще кивнул ей. — Ну, или что-нибудь случайно свалится ему на голову.

Евлалия вздохнула:

— Довольно странно, что после нашей такой долгой борьбы, тщательного планирования восстания, после всей организационной подпольной работы успех восстания и вся наша судьба зависят от какого-то одного человека вроде тебя. — Она замолчала, но решила все же разъяснить свое замечание: — Я хотела сказать, ты здесь чужак, ты искатель приключений. Ты, вероятно,

завтра уедешь куда-нибудь в новые края, только тебя и видели здесь. Ты не... ты не аристократ.

— Да уж, голубой кровью похвалиться не могу! Этим я отмечен с рождения. — Конан кивнул с мрачным видом. — А та голубая кровь, которую я пролил или которую разбавил, делая детей всяким знатным дамам и аристократкам, — она как, не считается?

Евлалия не ответила. Молча ехали они по гребню очередного холма. В лунном свете они видели, как дорога меж двух возвышенностей, поросших лесом, спускается вниз, в ложбину.

— Опасно ехать дальше, — сказал киммериец. — В любую секунду на нас могут неожиданно напасть. Нужно остановиться и подождать.

Конан выбрал место, где дорога огибала большой лесной массив. Они продвигались вперед под низко нависающими ветвями в темноте, покуда не оказались на прогалине. Там они спешились и привязали лошадей.

Затем киммериец взял крепкий лук и целую горсть длинных стрел.

— Жди здесь, покуда я не вернусь! Можешь завернуться в мой меховой плащ. Если сюда сунутся дикие звери, полезай в седло. — Он пошел прочь, но, едва сделав пару шагов, снова остановился. — А если услышишь, как я ругаюсь и призываю Крома, то скачи прочь в безопасное место.

Евлалия схватила его за руку.

— Конан, я не хочу оставаться здесь одна! — Ее голос звучал низко и настойчиво. — Конан, я городская девушка, а вовсе не создание диких лесов и гор вроде тебя. Ужасы этой ночи... всего это было для меня чересчур. Я хочу с тобой! Возьми меня с собой...

— Ну ладно! Но води себя тихо! — Он обнял ее рукой и пошел с ней через темный лес. На краю дороги не было заметно никакого движения. Конан посмотрел в одну сторону, в другую. Затем он зажал лук между колен и тщательно натянул тетиву. Стрелы положил наготове в мох рядом с древним-преддревним деревом. И вот оба спутника сели и стали ждать.

Ночь проходила, не принося с собой никаких происшествий. Евлалия то и дело пыталась завязать разговор, но Конан велел ей молчать. Они прислушивались так напряженно, что начали тосковать по звукам. Но их вознаграждал только хруст ветвей или трепыханье крыльев ночной птицы.

Легко было счесть это ночное сидение в засаде пустой тратой времени. И почему он должен прятаться, как крот между корней старого корявого дерева, и сторожить пустую дорогу? Конан ненавидел каждую минуту езды до города, отдалявшую его от шума битвы, где другие искали себе славы или смерти.

И вот он почувствовал, как что-то легко прикасается к его ноге. Он увидел бледное лицо

Евлалии. Она наклонилась вперед и ласково коснулась губами его губ, а между тем ее бедра все теснее прижимались к его боку.

И уже знакомая страсть вскипела в нем — страсть, которую он помнил по тем мгновениям, когда это бледное лицо и это нежное тело уже трепетали в его объятиях. Но теперь он обуздал свое желание, точно норовистого жеребца. Горячая кровь ударила ему в голову, и все поплыло у него перед глазами. А Евлалия становилась все более настойчивой, все более страстной. Она водила нежными ладонями под его кольчугой, гладила и ласкала его.

Но вот чары были грубо разрушены. С дороги донесся стук копыт, слышались другие невнятные звуки. Сперва они приближались, затем зазвучали глуше там, где дорога заворачивала.

— Слышишь? — прошептал Конан, отодвигая Евлалию в сторону. Он взялся за свой лук. — У тебя слишком белое лицо. Ложись лицом на землю.

И вот уже кавалькада всадников показалась перед ними. Киммериец ощущал, как содрогается земля под их копытами. Это были четверо всадников в серых формах армии Тантизиума.

— Ивора среди них нет. Будь он с ними, он взял бы с собой куда больше гвардейцев.

Конан натянул тетиву своего лука, когда солдаты проезжали мимо попарно. Но прицелился только когда увидел среди них темную тень.

— Я надеялся на это, — пробормотал он про себя.

За солдатами катила арба Агохофа. Пара серых лошадок тащила ее. Черное покрывало крыши свисало с подпорок и развевалось по сторонам. Несмотря на темноту, Конан был почти уверен, что различает внутри арбы знакомый профиль, похожий на профиль хищной птицы. Узкая бледная рука держала поводья. Затем она же отодвинула в сторону покрывало, чтобы лучше видеть.

Когда отвратительная арба подъехала поближе, Конан прицелился в то место, где, как он предполагал, должен находиться волшебник. Он послал стрелу, когда арба поравнялась с ним, и проследил за ней заботливым взглядом. Стрела пролетела сквозь черное покрывало.

Арба не замедлила ход и не свернула в сторону. Следующая стрела Конана принесла еще меньше вреда. Он услышал, как гремят по дороге колеса. Затем мимо пропылил арьергард, состоящий из еще четырех всадников. Поезд исчез в темноте.

— Ты попал? — Евлалия коснулась его руки. На ее лице застыло напряженное выражение.

— Да, уверен. — Конан с недовольным видом наморщил лоб. — Но стрела могла пролететь под планками этой телеги, не задев ничего. С другой стороны, может быть, чертов возница едет теперь там мертвый.

— Молю богов, чтобы так оно и было! — Евлалия тревожно посмотрела на дорогу, где постепенно затихал стук копыт.

— Ну, как бы там ни было! Теперь мы знаем, что Ивор отправил своего ручного чародеишку из города к «месту происшествия». Мы выиграли время нашим обманным маневром. — Он обратил к себе лицо женщины и поцеловал ее в лоб. — Ну, идем. Нам нужно как можно быстрее уезжать отсюда.

ШТУРМ ГОРОДА

Ясное утро занималось над улицами Тантизума. Когда бледное золото рассвета на востоке небосклона сменилось тусклой голубизной, всадники увидели в первый раз город, раскинувшийся вдали, на вершине холма. При каждом новом подъеме на каждый новый холм, лежащий на их пути, они вновь и вновь видели город впереди. Сперва это была всего лишь неясная темная тень с желтыми точками — там, где горели сторожевые костры. Но вот путники различают уже сумятицу пестрых крыш этого старого гнезда, где пестовались человеческие надежды и вырастали позорные деяния человеческого рода. И вот — новое испытание.

Рассвет в городе вовсе не был таким уж золотым и тихим, как видели наблюдатели. Темный дым поднимался с белых внешних стен города. На склоне холма перед самым городом, точно муравьи, кишели люди. Громкий рев бесчисленных глоток, как морской прибой, доносился до ушей Конана и Евлалии. Он заглушал даже стук копыт их коней.

Теперь они были уже среди солдат, штурмующих город. Поначалу им встречались только крестьяне или дровосеки из местных. Вооруженные косами и топорами, они устремлялись к городу, выбирая обходные дороги. Евлалия одаряла каждого из них дружеским приветствием, но Конан ехал молча рядом со своей подругой. И только когда он увидел знакомые физиономии наемников, он коротко кивнул. Все его помыслы были полностью заняты предстоящим штурмом.

Когда он увидел осадные орудия, сваленные среди ящиков со снаряжением, он заревел:

— Клянусь Кромом! Почему лестницы валяются здесь? Они должны давно стоять у стен города! — Он схватил какого-то несчастного фельдфебеля, погонявшего повозку с лестницами, и наорал на него, учинив зверскую выволочку: — Немедленно к городской стене! Все остальные должны очистить для тебя место. Это мой приказ!

И скоро уже лошади неслись по знакомым террасам старого лагеря, где некогда стояли наемники. Вот здесь дьявольский огненный туман Агохофа поглотил многих старых товарищей. Светло-зеленая трава уже выросла вновь и покрыла землю, богато удобренную кровью и золой, оставшейся от сгоревших солдат. Сейчас тут были привязаны лошади, за которыми следили старые или раненые солдаты. На следующей террасе

наемники и кофийские мятежники уже ждали приказа начать штурм города.

Павло и некоторые другие испустили вопли ликования, когда Конан подъехал к ним. Но остальные из их отряда отозвались на этот крик довольно-таки вяло. Они не выглядели слишком воодушевленными. Конан спешил и передал свою лошадь одному из наемников, велел расседлать ее. Затем он повернулся к Евлалии. Но ее возлюбленный Рандальф уже снимал ее с седла и поднимал на руки. Конан резко отвернулся и начал подниматься по склону.

На самой верхней террасе, на расстоянии полета стрелы, вновь собрались отряды солдат. Здесь были почти все наемники. Именно они, как наиболее боеспособные, должны были возглавить штурм. Конан подошел к группе офицеров и отвел в сторону Зено.

— Как протекает битва? Я надеялся, что сумею прибыть пораньше.

Рыжеволосый кучерявый лейтенант глянул на Конана сквозь поднятое забрало и сказал с угнетенным видом:

— Дело дрянь, Конан! Мы пытались штурмовать город при первых лучах рассвета — здесь, поскольку у ворот слишком яростно обстреливают нас из башен, — он указал на изгибающуюся белую стену, которая высилась перед ними на склоне холма. — Стефани ранен. Мы отступили. Затем мы стали штурмовать стену,

осыпая ее градом стрел. Но также тщетно. Высота дает им преимущество примерно в тридцать шагов. Их стрелы летят дальше наших. — Зено поглядел вверх, туда, где тихо переговаривались между собой другие вожди наемников. — Аки Вадсай поддержал наше нападение, но другие вовсе не хотят сражаться пешими. И Виллеза отвел назад своих людей.

Вероятно, зингарец услышал, как прозвучало его имя. Он оставил других офицеров и с мрачным видом приблизился к Конану и Зено.

— Я считаю, что твой отряд должен взять на себя основную тяжесть этого штурма, Конан. В конце концов, мы здесь потому, что поддержали ТВОЕ предложение... — Он посмотрел на людей, которые ждали его, собравшись на нижней террасе. — И просьбу ТВОИХ кофийских друзей.

Конан коротко кивнул:

— Но будь сразу же у меня за спиной, Виллеза. И не переусердствуй в осторожности. — Затем он отвернулся от насмерть разобитого зингарца и спросил Зено: — Где Стефани?

— Там, Конан.

Офицер кивком головы указал на нескольких людей, лежавших в тени террасы. Конан отпустил лейтенанта и пошел туда. Он увидел солдата, чья зеленая туника густо пропиталась кровью, уже засохшей. А затем отыскал среди раненых и барона, сидевшего на седле в окружении празднично стоящих людей. Стрелу, вонзившуюся ему в ногу,

уже вытащили, и теперь окровавленное древко лежало рядом в траве. Раненый как раз прижимал повязку с целебными кореньями к ране. Он взглянул на Конана и виновато улыбнулся, точно хотел попросить прощения.

— Чертовски глупо все, что здесь творится! Но что поделать, за всеми моими учеными занятиями я не нашел времени постигнуть искусство войны. Надеюсь все же, что скоро снова смогу забраться в самую гущу...

Конан покачал головой:

— Было бы лучше, если бы вы остались живы, барон. Вы будете нужны, когда настанет мир. Если в этой несчастной провинции настанет когда-нибудь мир. — Резким движением руки он отмел всякие возражения. — Что поделявают наши союзники за городскими стенами?

Барон Стефани с серьезным видом качнул головой:

— Они не смогут открыть для вас ворота, Конан. Они очень скверно вооружены. А принц Ивор знает, что у него есть в городе враги. Они смогут поднять восстание только тогда, когда мы ворвемся в город. Не раньше.

Конан поразмыслил над этими словами, рассматривая открывающийся перед ним склон. На поросшей травой равнине торчали оперенные стрелы, будто дикие цветы. Словно по волшебству выросли они из неподвижно лежащих тел павших солдат. Наверху, над ними высились

белые стены. Головы и плечи пикинеров, стоящих на стенах, были отсюда хорошо заметны. Целый отряд стрелков стоял на стене и осыпал нападающих дождем длинных стрел. На юге находились обе башни городских ворот. Там было полно защитников города. Конан увидел, как камень, выпущенный из катапульты, ударил в стену ближайшей к нему башни, но не причинил ей ни малейшего вреда. За башнями вздымалась могучая цитадель.

И все же городская стена была всего лишь стеной — выбеленной известью, высотой в пять человеческих ростов, сложенной из небольших камней, как Конан убедился во время своих прогулок по городу. Такую стену можно было бы проломить, если действовать под прикрытием щитов, выстроившись «черепахой». Но угроза волшебства... Терпеливая работа займет некоторое время, а колдун может прибыть с минуты на минуту. Город должен быть взят еще сегодня. Самое позднее — до полудня.

— Незадолго до твоего прибытия мы построили осадные лестницы, — Стефани указал на длинные деревянные приспособления, которые теперь подтаскивали по равнине к городским стенам. — Еще довольно много их лежит там, под стеной.

— Отлично! — Конан стряхнул с себя задумчивость и схватил щит барона, лежавший на земле. На зеленом поле была нарисована

серебряная кошачья голова. — Возьму в долг, ладно? — Затем киммериец поднял щит и вышел на дорогу. — Эй, люди! — заревел он во всю мочь. — На лестницы! За мной!

Со всех сторон к нему подбегали солдаты. Один из наемников звал своего друга:

— Если уж помрем, то лучше рядом с Конаном!

Его клич с воодушевлением подхватили остальные:

— Конан!

— Да, Конан! Конан, веди нас!

Толпа вооруженных людей собиралась вокруг киммерийца.

Поравнявшись с группой офицеров, он громко крикнул:

— Стрелки, вперед! Прикройте нас! Нападаем на стену сразу со всех сторон!

Конан подбежал к одному из фургонов, склонился над осадной лестницей и изо всех сил ухватил за перекладины. При этом он оцарапал своим щитом себе плечо. Напрягая все свои немалые силы, он выпрямился под тяжелым грузом. Наемники и мятежники подбежали, чтобы помочь ему тащить почти неподъемную тяжесть.

С радостными криками, которые постепенно перешли в ритмичную трудовую песню, продвигались солдаты к городским стенам, неся на спинах лестницы. Конан провел свою дюжину сквозь брешь в укреплении верхней террасы. Как

змеи, последовали за ним люди, как бы связанные в единый организм длинной лестницей. По обе стороны от них бежали стрелки с луками. Некоторые приседали, уклоняясь от вражеских стрел и камней, другие бессильно валились на землю. Но когда те, кто выжил, подошли на расстояние выстрела и смогли поражать стрелков, находящихся высоко на стенах, они замедлили шаги. В смертоносном слаженном ритме натягивали они свои луки и выпускали стрелы с быстротой молнии.

Стрелки на стенах сосредоточили обстрел на людях, которые несли лестницу. Тем приходилось закрываться щитами. Но дорога наверх была долгой и пролегла по отвесному склону. Все чаще сбивались они с ритма, продолжая, однако, распевать свою боевую песнь, когда стрела попадала в ногу или бедро одного из их товарищей. Конан напирал изо всех сил, хотя лестница все тяжелее давила на его плечи, поскольку товарищ рядом с ним спотыкался, а другой упал, сраженный насмерть. Для оставшихся их товарищей лестница стала еще тяжелее.

Остальные воины занимали место тех, кто погиб. И среди них была Друзандра. Конан услышал ее голос:

— Я с тобой, киммериец! Во всяком случае, я надеюсь, что ты возьмешь на себя большую часть веса этой чертовой лестницы и облегчишь

мне работу. — Она хлопнула его по ляжке и добавила: — А ты и вправду скала, за которой можно неплохо спрятаться.

Ее юмор среди этого ада был как освежающий дождик. После того как женщина-воин присоединилась к солдатам, лестница будто бы пошла живее.

Конан тащил ее почти до самой стены. Он прилагал огромные усилия, чтобы сделать это, как будто бы града сыплющихся на него стрел и вовсе не существует. А потом он освободился наконец от почти непосильного груза, и лестницу положили на землю.

— Быстрее! Наверх ее!

Он подошел к середине лестницы и схватил ее, точно девицу поперек живота. Двадцать пар рук протянулись к ней одновременно. Узкий верхний конец лестницы поднялся вверх, описал в воздухе дугу и упал на верхний край стены. Конан навалился на лестницу всем своим немалым весом, чтобы она не опрокинулась в другую сторону.

В одно мгновение двое наемников уже вскарабкались по ней наверх. Друзандра хотела было поставить ногу на перекладину, но Конан отшвырнул ее в сторону. Киммериец занимал на лестнице столько же места, сколько потребовалось бы для двух дюжих солдат. Он чувствовал, как лестница гнется под тяжестью тех наемников, что лезут наверх следом за ним, как содро-

гается она под тяжестью ударов топоров, сыплющихся на нее с городской стены.

Стрела ударила его по кирасе и отскочила. Он подивился тому, сколь мала убойная сила этого оружия. Но затем он заметил, что она вылетела из рядов его собственных солдат. Стрелы защитников города были смертоноснее. Он услышал, как камень ударил по шлему одного из тех, кто лез по лестнице впереди него.

И камень, и человек рухнули возле Конана и еще некоторое время катились вниз по склону. Он услышал вопли. Когда Конан протянул руку со щитом над следующей перекладиной, стрела попала ему в руку, прикрытую только шелковой рубахой, но не защищенную кольчугой. Конан ощутил жгучую боль и вырвал стрелу. Изрыгая проклятия, он полез дальше наверх.

Лестница возвышалась над стеной на половину роста взрослого человека. Когда Конан был наверху, наемник, что находился перед ним, принял смертельный удар одного из защитников в серой форме кофийской королевской армии. Солдат пронзил нападающего копьем в горло. Но наемник, умирая, схватился за древко копья и увлек своего убийцу в бездну. Еще два копья уперлись в лестницу, чтобы сбросить ее со стены. Сильнейшим ударом секиры Конан разрубил одно древко, когда почувствовал, что его воздушная опора заколебалась и грозит рухнуть. Вес лестницы был слишком велик, чтобы ее мог

опрокинуть один человек. С треском лестница вновь привалилась к стене. При этом толчке Конана вышвырнуло прямо на стену.

Едва он вскочил на ноги, как рядом с ним мелькнула тень. Это была Друзандра. Она перепрыгнула через труп одного копейщика и сбросила второго в пропасть.

Конан прокричал воительнице путанные благодарственные слова. Затем он подхватил секиру и щит, чтобы оттеснить следующего защитника. И вот уже наемники во множестве высыпали на стены города, так что этот участок стены представлял теперь поле боя.

На стене было место для двух человек, стоящих в ряд. Вместе с Друзандрой Конан проби-вал себе дорогу. Защитников становилось все больше. Конан рвался к городским башням. При этом он отчаянно ругался на чем свет стоит. Два телохранителя принца Ивора пытались остановить Конана и Друзандру. Снизу их поддерживали еще два копейщика, старающихся достать атакующих длинными копьями.

Конан тщетно пытался отогнать их ударами секиры, оставаясь при этом недостижимым для смертоносных клинков. Но вот стрела пронзила одного из одетых в серое солдат с мечом. Конан мгновенно использовал подвернувшуюся возможность и изо всех сил нанес ему удар по шлему. Затем пинком сбросил солдата прямо на копье его товарища, нацеленное на него самого.

Сразу вслед за тем он зарубил второго копейщика, снеся ему полголовы могучим ударом секиры.

Между тем клинок Друзандры нашел незащищенное место в кольчуге второго солдата с мечом. Тот обвис в смертельной слабости и опустился на землю. Вот еще один копейщик пришел на помощь своим товарищам. Но тут еще одна осадная лестница коснулась стены, и стражники начали озиаться в панике, ибо мятежники лезли на стену со всех сторон.

Конан и Друзандра помчались вперед, освобождая пространство для новых лестниц. Теперь поднялась еще одна лестница, и еще одна. Все больше атакующих нападало на защитников города и оттесняло их на улицы. Скоро Конан был уже неподалеку от башен и ворот.

Позади него вновь поднялся крик. Металлическая дверь раскрылась, и ворота выплкнули целую толпу горожан, вооруженных мечами и дубинами. Когда они увидели зелено-серебряный щит барона Стефани, который держал Конан, они закричали:

— Стефани! Да здравствует барон! Долой Ивора!

И беспорядочная толпа устремилась к городским воротам. Конан видел, как в утреннем солнце сверкают мечи.

— Мятежники атакуют. Они вооружены! — крикнул он Друзандре, которая как раз

заколола своего противника, размахивавшего секирой у нее под носом. Затем киммериец выбрался из сумятицы боя, и его место заняла одна из подруг Друзандры.

Он отыскал Бильхоата, который как раз прыгивал с осадной лестницы.

— Лейтенант, вели доставить сюда Стефани! Пусть барона поднимут на стену, чтобы его приверженцы могли его видеть. Но хорошенько защищайте барона Стефани!

— Будет сделано, Конан!

Старый солдат (а некогда вор) бросил взгляд на лестницу, по которой карабкались вверх бесчисленные наемники.

— По крайней мере, я попытаюсь.

Он хотел добавить еще что-то, но, когда он снова поднял глаза, Конан уже исчез.

Он возвратился к Друзандре и Ариэль, которые беспощадно гнали врага по стене.

— Поддайте жару, сестры меча! — крикнул он. — Защитники стягиваются в башни!

Так оно и было. Люди в серых униформах теснились в прочных, обитых медью воротах, которые закрывали вход в башню со стороны стены. Два солдата бросились бежать от женщин, потому что опасались, как бы их боязливые товарищи не захлопнули эту дверь у них перед носом.

Тогда, к великому удивлению всех присутствующих, Конан бросился бежать вперед. Башня

осыпала его стрелами, но он закрывался своим поднятым щитом. Он ловко уклонился от меча раненого часового, который пытался нанести ему удар по ногам. Затем, под ликующие вопли наемников, он нашел свободное место у стены. Он соскочил со стены и помчался к двери.

Когда защитники башни увидели его, они навалились на тяжелую створку двери, чтобы поскорее закрыть ее. Хотя Конан был уже близко, не было никакой надежды, что он подоспеет к двери вовремя.

Тогда киммериец, испустив громкий боевой клич, метнул свой топор.

Но не в людей. Клинок впился в древесину между медными пластинами, которыми была обита дверь, и не позволил захлопнуть створку. Один из солдат выскочил вперед и хотел выдернуть топор. Но киммериец уже выхватил меч и устремился в атаку.

С вершины башни свистели стрелы, так что искры летели из камней. Это было сущее чудо, что они еще не сразили Конана и не задели того королевского солдата, который бешено отбивался от нападающей на него Друзандры. Когда он рухнул на землю, его товарищ хотел было убежать. Но меч Ариэль рассек ему горло. И вот дорога к башне свободна для атакующих.

Между тем меч Конана пригвоздил солдата к двери. Разъярившись во время боя, киммериец с трудом выдернул свое оружие. Затем с громким

звоном клинок выпал из его руки. С верхушки башни на него упал огромный булыжник, который лишь на волосок не попал ему в голову и раскололся на каменных плитах у него под ногами. С варварским криком поднял Конан этот камень и швырнул его в открытые ворота. Оттуда донеслись вопли ужаса.

И вот Конана обступил целый лес мечей. Его боевые товарищи вместе с ним устремились в двери башни, под арку.

Когда воины один за другим ворвались в темную башню, там поднялся оглушительный шум. Самое яростное сопротивление оказывали мятежникам возле винтовой лестницы, ведущей на вершину башни. Но Конан пробился вперед, растолкав внизу солдат, и бросился туда, где огромный ствол дерева запирал городские ворота.

— Я с тобой, киммериец, — заявила Друзандра, кашляя возле его плеча. — Битва там, наверху, мне вовсе не по вкусу. Я ненавижу, когда мне наступают на пальцы.

Ариэль тоже пошла с ними. Они остановились перед городскими воротами.

— Кром! Довольно толстая заноза. Клянусь моим мечом!

Конан рассматривал засов, который представлял собой четырехугольный, тщательно отесанный ствол. Оба его конца были надежно закреплены в стенах башен по обе стороны от ворот. Всем своим весом навалился он на замок

с одного из концов. Огромная балка застонала, но не было заметно, чтобы она подалась.

— Позволь мне попробовать мои силы! — предложила Друзандра и дернула металлическое кольцо, торчащее из стены. Замок тотчас же упал на землю.

Конан побагровел, однако нашел в себе силы равнодушно пожать плечами:

— Если ты ничего не станешь болтать по этому поводу, то я тоже не буду хвастаться об одном киммерийском парне, который первый залез на стену.

— Но ведь это был не ты, готова спорить, — подмигнула ему Друзандра. — Ладно, это я могу рассказать.

Оба рассмеялись и отправились открывать ворота.

Снаружи донеслись крики и удары копыт. Осаждающие поняли, что происходит. Наемники устремились в открытые ворота. Конан видел, как на другой стороне площади собираются гвардейцы Ивора. Они вышли из второй башни и пробились на улицы города. Конан подошел к небольшому зданию таможни у входа в город.

— Аки Вадсай! — крикнул он всаднику, который первым въезжал в город. — Преследуй их! — он указал на беглецов. — Расчистите дорогу к дворцу!

Воин пустыни кивнул и указал своим людям направление удара.

Конан оставил Друзандру, которая собирала своих женщин. Он пробился сквозь тесные ряды солдат и раздавал приказы офицерам, веля вновь готовить осадные лестницы. Вскоре некоторые вышли из города, чтобы пронести сквозь ворота длинные лестницы. В этой работе мятежники барона Стефани принимали даже более деятельное участие, нежели наемники.

Конан видел, как Зено занимает позицию с дюжиной людей, вооруженных топорами. Почему-то они расположились поблизости от кабаков на площади.

— Я приказал им разбить там все бочки с пивом и вином, — сообщил Зено киммерийцу.

Тот кивнул и с сожалением оглядел пестро размалеванные стены кабаков.

— Ах, какая жалость!

— Но, Конан, мы же не хотим, чтобы люди нажрались как свиньи перед решающей битвой и атаковали дворец в пьяном безобразии!

— Да, мудрая мысль. — Конан ударил рыжеволосого офицера по плечу и добавил: — А я так лучше дерусь, когда я пьян. Но, возможно, наши парни переносят это не так хорошо, как я. Так что за работу.

Конан пошел дальше. Тут он увидел, как люди Виллезы разбивают дверь магазина шелковых тканей скамьей, вытащенной из одного из кабаков. Незаметно Конан подошел ближе и могучим пинком отбросил импровизированный та-

ран, так что двое мародеров рухнули на землю. Наставив на подбежавших солдат боевой топор, который он подобрал в башне, Конан лишил их всякой охоты нападать.

— Был приказ не грабить город! Ваша добыча ждет вас во дворце, а дворец стоит вон там!

Люди испуганно отшатнулись от него.

И вот первую лестницу уже проносят по площади.

— Сюда, по этой дороге! — крикнул он, взмахивая щитом барона Стефани. Затем он побежал по знакомому пути в сторону дворца.

Но улица круто поднималась вверх, к тому же она была узкой. Очень скоро ее затопили солдаты, так что некоторые бросились бежать по боковым переулкам, чтобы быстрее добраться до цели. Длинные осадные лестницы также загораживали дорогу. Солдаты беспорядочно протискивались мимо. Но хуже всего было то, что лошади скользили на гладких камнях мостовой, что представляло дополнительную опасность.

Один поворот узкой улицы был таким крутым, что лестницу пришлось поднять вертикально. Конан лихорадочно погонял людей:

— Быстрее, парни! Шевелите своими несчастными задницами! Проклятые узкие улицы! Лучники, пропустите вперед копейщиков. Эй, Эйнар! Иди вверх по переулку и доложи мне, что увидишь у дворца.

У Конана было такое чувство, что полдень давно миновал. И вдруг к нему подошел Зено. Широкое залитое потом лицо лейтенанта было мрачным. На нем было написано полное отчаяние.

— Если я правильно понял, Конан, стены дворца более высоки и отвесны, нежели стены города.

— Да, это так. Но перед дворцом тесно сгруппировались дома. Я сам как-то ночью забрался туда по крышам, когда нас предали. Лестниц хватит.

— Но мы там совершенно беззащитны! — Зено уставился неподвижным взором на своего главнокомандующего. С тихой яростью он продолжал: — В этом лабиринте переулков и улиц наша сила растворяется, превращаясь в ничто.

— Да, придется попотеть. — Конан отошел к углу и сделал знак еще одному отряду с лестницей подойти поближе. — Ах, Зено, замени меня здесь. Тогда я бы смог пойти вперед с другими и помочь им.

Он оставил лейтенанта, который заметно разозлился.

По дороге наверх Конан наткнулся на Аки Вадсая, который с горсткой всадников стоял в узкой улочке. Лошади выглядели измученными, а некоторые всадники перевязывали раны, нанесенные мечами.

— Осторожно, Конан! На нас напали с флангов всадники Ивора! — Шейх пустыни указал

своим кривым мечом наверх и тотчас же вложил меч обратно в ножны. — Они нанесли нам удар и исчезли бесследно в этой мешанине улиц. Мои люди были настолько растеряны, что расступились.

Конан выругался, как отъявленный берсерк.

— Да, эти переулочки — чистейшее безумие.

— Еще какое. Они представляют собой куда лучшую защиту, чем городская стена. — Аки Вадсай нахмурился. — Следи за флангами, Конан! Следи за своими флангами!

И он двинулся назад, раздавая на ходу приказы своим людям.

Конан осторожно пошел дальше, с трудом прокладывая себе путь через поток солдат и лошадей. Тут он увидел боковой переулочек, выводящий на небольшую площадь. В середине ее, на пьедестале, красовалась статуя Страбонуса, правда, без носа и с отбитой рукой. К великому удивлению Конана, над ней развевалось гордое знамя Виллезы. Он подошел к наемникам, которые вертелись поблизости. Из разбитой двери одного из господских домов солдаты выволокли большой тюк барахла. Там что-то подозрительно гремело, когда его бросили к ногам «знаменосца»-Страбонуса.

— Что вы делаете? Это что, по приказу вашего капитана?

Но солдат отвернулся от Конана, не отвечая.

— Вы, подонки! — взревел киммериец. — Прочь отсюда! Назад, в бой! В бой! — Он распорол тюк. Оттуда на мостовую выкатились серебряные сосуды. — Никаких грабежей, прежде чем дворец не взят! Это я вам говорю! — Он угрожающе надвинулся на мародеров, которые пригнулись под тяжестью его обвинительных речей. — Пока вы тут тратите время на свои гнусные делишки, этот город никогда не будет наш! Да нас на куски разрежут. — Киммериец резко повернулся. — Мерзавцы! Идиоты!

И он снова бросился в толпу, которая устремлялась ко дворцу. Но становилось все хуже и хуже! Поначалу он почуял только запах, но затем густые черные облака повисли в небе и скрыли очертания дворца. Передние солдаты закашлялись, и многие отвернулись.

Конан нагнал Павло, который стоял в узком переулке вместе с остальными своими людьми. Они уронили лестницу, которую несли к дворцу, и пытались скрыться от удушающего дыма.

— Что за предательство? — так обратился Конан к своим подчиненным. — Наши люди получили строгий приказ не поджигать город! Это было бы чистейшим безумием...

— Конан, это не мы подожгли дворец. — В глазах Павло стояли слезы. Усы низкорослого воина растрепались, так часто он протирал лицо. — Когда мы приблизились ко дворцу, катапульты Ивора набросали перед стенами дворца

горшки с углями. Загорелись те дома, что примыкают к дворцовой стене.

— Клянусь Митрой! Этот мерзавец спалит свой собственный город! Довольно дорогостоящий способ запугивать нас! — Киммериец набрал в грудь побольше воздуха, чтобы как следует выругаться, но вместо этого зашелся в кашле. — Но, возможно, таким образом он спасет свою шкуру. В настоящее время нам придется отступить от стен дворца. Хотя, может статься, этот проклятый пожар сожрет поджигателя.

Конан внимательно поглядел вперед, пытаясь высмотреть, что делается в вахтерке на воротах дворца, которая то и дело мелькала в дымных облаках. Он увидел, что стражники с лицами, обмотанными тряпками, бегают по стене, заливая из ведер то и дело возникающие очаги пожара. Прямо на глазах у Конана стена одного из домов рухнула и повалилась между ним и воротами, выше по улице.

— Нам нужно отходить, — сказал он Павло. — Пламя, возможно, охватит весь город.

Они побежали по все еще густо затянутому дымом улицам назад. Теперь бежали вместе с солдатами и жители города, похватав наскоро собранные узлы, куда они побросали наиболее ценные свои пожитки. Пожар заставил их помириться с солдатами, и теперь они были как бы заодно. Некоторые солдаты исчезали в улицах, другие стояли тут и там, не зная, чем заняться.

Конан видел, как один из наемников рвал из рук у женщины ее мешок. И тут же трое разъяренных мятежника набросились на мародера и повалили его на землю.

Тогда Конан заревел:

— Прекратить! Все назад, по своим расположениям! Я приказываю отступить в полном порядке!

В дымной улице раздался стук копыт. Толпа людей расступилась, чтобы освободить место уносящимся на лошадях стражникам.

Они скакали рядом с солдатами и беженцами вниз по крутым улицам, щедро раздавая с седел удары налево и направо. Конан отбил удар сабли копьем и попытался схватить всадника за лодыжку, но только зацепил колесико шпоры и поцарапал себе руку.

Со всех сторон доносился теперь гром копыт. Облака дыма, опустившиеся над улицами, ели глаза. Конан слышал шаги у себя за спиной. Он обернулся и увидел, что Зено заносит над ним меч. Рот солдата был искажен от ярости.

Конан бросился в сторону, и вот уже клинок Зено зазвенел о чей-то меч. Киммериец увидел, что Зено отразил второй удар. А всадник, который хотел незаметно убить Конана, ранен в бедро.

Конан посмотрел в лицо всадника. Это был сам принц Ивор в полном вооружении, вне себя от ярости — еще бы, он получил рану!

Принц плюнул в своих врагов и галопом помчался прочь. Стрела и копье, посланные ему вслед, пролетели мимо цели. Принц унесся слишком далеко, чтобы можно было попасть в него с такого расстояния.

— Спасибо, Зено, — сказал Конан и встал. — Хотя я бы лучше умер, если бы только знал, что перед этим успел всадить ему нож в горло.

— Вот уж точно. — Рыжий кивнул. — Я только надеюсь, что царапина, которой я его угостил, будет долго болеть и нагноится. — Он хлопнул Конана по плечу. — Но не червей же нам тут для рыбалки копать. Сейчас мы обезопасили себя от мести Ивора. Но дым так просто не зарубишь. Похоже, что он решил нас задушить.

— Верно.

Отступление проходило теперь в полном порядке, хотя и довольно медленно, поскольку воины и беженцы покидали город одновременно.

Когда Конан был уже на площади перед городскими воротами, серое облако низко нависло над городом и затмило дневное солнце. Повсюду царил хаос. Несмотря на все усилия Зено по разгрому кабаков, некоторые ухитрились отыскать в городе источники горячительных напитков и теперь то и дело ломались в разбитые двери магазинов и зажиточных домов.

Конан увидел, как его прежний товарищ Франос выволакивает на площадь битком набитый

мешок, а позади него несколько солдат Ивора уже приготовились напасть. Киммериец испустил вопль, желая предостеречь своего дружка. Франос оглянулся, но мешка из рук не выпустил, а вместо того бросился бежать с тяжелой ношей. И почти тотчас же его пронзили две стрелы, так что он рухнул на добычу, которая выпала из его рук на мостовую. Солдаты не стали даже подходить к нему, а просто проехали мимо.

Конан вздохнул над печальным происшествием и пошел дальше. Наконец в толпе он отыскал Стефани. Раненый барон сидел на лошади и совещался с двумя другими предводителями мятежников.

— Огонь превратит весь город в пепел, — заявил старший из них. — Пройдет несколько дней, прежде чем все тут догорит.

— Если это произойдет, то невинным останется только дворец. — Барон задумчиво покачал головой. — Какая трагедия для нашей земли!

— Черт бы всех вас побрал! — вмешался Конан. — У нас ведь нет другого выхода! Нам нужно уносить отсюда ноги.

— У нас действительно нет другого выхода. Можно только надеяться, что люди Ивора потушат пожар, — свирепо проворчал барон. — Ну и еще осталось поразмыслить над тем, сколько мятежников мы должны отпустить. Ваш капитан Виллеза уже решил отбыть.

Конан разбушевался:

— А что другие капитаны? Что, Аки Вадсай и Друзандра тоже бежали, как зайцы?

— Друзандра защищает наши фланги, — Стефани кивнул в сторону домов на противоположной стороне площади. — Ваш отряд слишком мал, чтобы представлять собой серьезную угрозу для принца. Аки Вадсай... Я думал, вы знаете... — Барон бросил на Конана печальный взгляд. — Он мертв, Конан. Его раздавило камнем, брошенным с крыши одного из домов.

— Понимаю. — Конан посмотрел на толпу. Глаза большинства слезились от едкого дыма. Но в глубине души киммериец знал, что это — не последние слезы, которые ему предстоит увидеть за сегодняшний день.

ОХОТНИКИ В ЛОВУШКЕ

— Я думал, мы заодно... — Виллеза поднялся с дубовой чурки, поставленной возле догоревшего лагерного костра. — Самое разумное — это взять то немногое, что мы честно заработали в битве за этот город, заново сформировать наши отряды и двинуться прочь по знакомой дороге.

— То, что мы заработали! — Друзандра нетерпеливо ерзала на теплом от солнца камне, где она расположилась, вытянув перевязанную раненую ногу. — Мои подруги и я — у нас теперь меньше, чем было прежде. Вероятно, мы могли бы изрядно набить карманы, как следует пограбив... — Она презрительно встретила взгляд зингарца. — Но ведь не все такие... предусмотрительные!

— И очень жаль, честное слово! Ты могла бы выйти замуж за выдающегося человека. — Виллеза жадно поглядел на нее, но она не обратила на это ни малейшего внимания.

— Думаю, добыча должна быть честно поделена между всеми нами прежде, чем мы покинем плато Заманас. — Эти слова сорвались с уст Зено, который смело вмешался в беседу

предводителей. — И мои товарищи думают точно так же.

Зингарец ответил яростно:

— Делай что хочешь, лейтенант! Но если твои люди захотят наложить лапу на то, что принадлежит мне, им придется сражаться... А за моей спиной стоят мои товарищи. — И он торжествующе оглядел своих людей, которые придвинулись поближе. — Почему я должен оплачивать битвы, которые бездарно проигрывают всякие там генералы-варвары?

Зено вскочил с упавшего ствола, который служил ему скамьей. Другие офицеры потащили его назад, чтобы он не набросился на зингарца.

Уже целое утро гуляли яростные споры и звучали резкие слова на плато Заманас между наемниками. После суровой ночи и тяжелого дня скачки сюда, в горы, после того как раны немного зажили, начались разборки и счеты. Их не преследовали. Поэтому им удалось доставить раненых сюда, в это безопасное (пусть, правда, несколько странное) место. Барон Стефани также прибыл со своими мятежниками, которые не могли укрыться среди кофитов.

Мятежники также разбили здесь свой лагерь. Палатки расходились концентрическими кругами вокруг обоих дольменов. Повсюду были слышны стоны. Солдаты оплакивали свои раны, жаловались на голод или невыплаченное жалованье.

Хотя солнце щедро изливало с небес свое тепло, все выглядели очень подавленными.

Споры у погасшего костра совета смолкли, когда подошли Конан и барон.

— Успокойся, Зено! Нет никакого смысла спорить с Виллезой. Даже если ты снимешь с него последнюю рубашку, ты все равно не найдешь, где он прячет награбленное. — Киммериец смотрел на капитана злым взглядом. — Без сомнения, он закопал его где-нибудь на полпути к Тантизиуму. Вспомни, ведь он удрал из города раньше всех, так что у него было время похоронить свой клад. Кроме того, есть своя сермяжная правда в том, что он говорил. — Эти слова вызвали оживление в толпе. Виллеза яростно фыркнул. — Да, есть и моя вина в нашем поражении. Я плохо спланировал наши действия. Я недооценил изворотливость принца. Но одно вы должны твердо знать, товарищи: я еще не покончил своих счетов с Ивором. Мы не должны сейчас ссориться. Нам нужно спланировать новое нападение.

После слов Конана разгорелась яростная дискуссия. Седоволосый темнокожий старый воин из отряда погибшего Аки Вадсая выразил мнение большинства. Когда он возвысил голос, остальные замолчали.

— Конан из Киммерии, почему мы должны оставаться в этой несчастной стране после нашего поражения и гибели нашего предводителя? Жалованье, которое обещал нам кофийский пре-

датель, потеряно, если только он вообще собирался нам его когда-нибудь выплатить. Каждое мгновение нас может настигнуть жуткое, кровавое чародейство. Нужно быть последними идиотами, чтобы продолжать сражаться!

Согласное бормотание толпы перекрыл могучий голос Конана:

— Молчать! Ради Аки Вадсая, которого не перестая скорбно оплакивать, я буду сражаться! И ради другого храброго капитана, который пал жертвой коварства Ивора! Ради Гундольфа. Он погиб из-за предательства, как и многие другие его товарищи! — Киммериец обвел глазами своих слушателей. — Чтобы отомстить за них, я буду продолжать борьбу! Даже если мне придется наброситься на принца Ивора в одиночку — как будто я один во всей вселенной, только он и я, больше никого!

Вперед вышел старый заслуженный наемник:

— Да пребудет с тобой удача в твоём мщении, Конан. Я пошел бы с тобой. Но ведь, прости искреннее слово, человек должен что-то кушать. Сегодня же мой отряд отправляется на юг.

Виллеза широко улыбнулся:

— Вот так-то, Конан. Желаю тебе встретиться с твоим противником лицом к лицу. И пусть все будет у тебя хорошо. Но если кто-нибудь из твоих людей захочет поехать со мной, то я с радостью приму их. Мы останемся здесь еще до утра.

— Никогда я не предложу свой меч такой свинье, — яростно выпалил Зено. — И все же, Конан, я не знаю, сколько человек пойдет за тобой... — Он замолчал. — Я мог бы их спросить...

Конан кивнул, и он зашагал в сторону палаток.

Стефани поглядел на Конана.

— Он соберет из них отряд для себя самого.

— Возможно. — Киммериец опустил на ствол дерева рядом с бароном. — Но все же должно остаться довольно людей, чтобы предпринять небольшую атаку.

Друзандра втиснулась между Конаном и бароном.

— Конан, мои девочки... мы с тобой.

— Делу нашего восстания пригодится столько всадников, сколько вы только сможете предоставить нам, Конан. Я обещаю, что все будут одеты и накормлены. — Барон уставился в остывшую золу лагерного костра. — Даже если мой дом будет разрушен и я лишь с трудом смогу оборонять свои владения от солдатни Ивора и Страбонуса.

— Но ведь и принц ослаблен. Его столица лежит сейчас в руинах, — заметил Конан.

— Евлалия прислала мне гонца прошлой ночью. Город в значительной мере спасен горожанами, которые работали под руководством Рандальфа. Ивор при этом не слишком им помо-

гал, — барон горько усмехнулся. — Я рад этому, даже если спасенная столица играет на руку нашим врагам.

— Этот посланник случайно не натолкнулся на харангийцев?

— Он не встретил ни одного из них.

— В последнее время никто не видел даже следа хоть одного из харангийцев, — встала Друзандра. — Уж не чары ли развеяли этот народ?

— Или они все еще опустошают наши земли. Может быть, даже Тантизиум, — предположил барон. Он выглядел озабоченным. — В таком случае, они представляют досадную помеху не только Ивору, но и моим людям...

В это мгновение часовой закричал с высоты, где он нес службу:

— Всадники! С севера! Целая армия!

Конан тотчас же вскочил на ноги и подбежал к краю плато. На дороге, ведущей к деревне харангийцев, было видно войско. Оно извивалось как змея, растянувшись по всей длине дороги. В солнечном свете сверкал металл кольчуг и доспехов.

— Ага. Вот и горные разбойнички возвращаются, — сказал Стефани.

— Горные разбойнички? О нет, друг мой! Это кофийская кавалерия! — Конан уже несли в лагерь. — Вероятно, штурмовой отряд легиона, который был послан преследовать нас. — И он

закричал: — Люди! К оружию! Готовьтесь к нападению!

В мгновение ока взаимное недовольство и лень наемников обратились в свою противоположность. Лагерь закипел оживленной деятельностью. Наемники, равно как и мятежники, надевали доспехи, хватались за оружие, искали своих офицеров. За короткое время специально выбранные группы солдат натаскали побольше булыжников, навалили их на край плато, где организовали оборону, и проверили, хорошо ли работает дальнебойная катапульта.

Основная работа кипела на юго-западе плато, где находился естественный подъем. Здесь вбивались в землю и расщелины скал заостренные колья, что должно было помешать конной атаке. Низкий вал из камней поддерживался одним лишь большим бревном, которое в нужный момент можно было высвободить.

Относительно небольшое количество наемников охраняли остальные подступы к плато, где природа и без того позаботилась о неприступности этой твердыни. Женщины Друзандры заняли там посты, но попытка штурма плато с этой стороны казалась менее вероятной. Скорее, штурм будет организован по подъездной дороге.

Предводители наемников то и дело поднимались на самую высокую точку плато, наблюдая за приближением кофийской армии. Так продолжалось несколько часов. Силы кофитов измеря-

лись тысячами солдат, которые растянулись бесконечно длинной колонной. Сперва выступали всадники, за ними, точно пурпурные муравьи, долину заполнили пехотинцы. Дозорные, посланные вперед, галопом помчались к естественному подъему на плато. Они хотели исследовать эту местность.

Остальная часть кофийской армии, видимо, следует именно этой дорогой, когда будет отдан приказ начать штурм.

— Итак, последняя битва, — сказал барон Стефани, обращаясь к Друзандре. — Вместо того чтобы рассеяться по всем четырем сторонам света, наша сила, собранная в кулак, сойдется с вражеской армадой. О большем я и мечтать не смел.

Конан хлопнул его по плечу:

— И сражаться мы будем на знакомой нам местности, которую сами же и выбрали, — добавил он.

— Видишь того, на серой лошади? — Друзандра показала вниз, в каньон. — Вон там, под знаменем, среди других верховых. Это принц. Клянусь моей кобылой.

Конан бросил взгляд вниз, на всадника, скачущего под пурпурным знаменем. Раздвоенные «языки» штандарта хлопали на ветру. Он был согласен с Друзандрой.

— Да, это Ивор! Чтоб его боги пожрали! Этот легион, должно быть, перешел в Тантизиум через

день после того, как мы пытались штурмовать город.

— Страбонус сейчас совершенно поддерживает своего племянника. Семья опять объединилась. — Стефани поглядел из-под ладони на дорогу. — Но самого короля что-то не видать.

— К сожалению, — добавил Конан.

— А что это они такое тащат через горы? — спросил Стефани. — Какое-то осадное устройство?

Конан увидел арбу, скрытую черным покрывалом. Ледяные мурашки побежали у него по спине. В сиянии полуденного солнца странный предмет напоминал похоронную колесницу. Правда, внутри смутно виднелась фигура возницы.

— О да, это осадное орудие, — спокойно сказал Конан. — Самое смертоносное из осадных орудий, какое я только знаю.

Известие о появлении арбы Агохофа распространилось среди осажденных с быстротой молнии. Многие подходили посмотреть, как ее тащат по дну каньона.

— Колдун! А я думал, ты убил его, киммериец! — Жирная физиономия Виллезы была бледной. Глаза его неотрывно следили за зловещей черной повозкой.

— Если Конан его и убил, то эта потрясающая новость еще не доползла до тугодумного колдуна, — заметила Друзандра.

Конан с трудом оторвал глаза от зрелища.

— Что вы тут столпились и глазеете? Нам нужно думать об обороне, хватит болтать языками. — И он пошел к солдатам. — Эй, вы! Марш за работу! Если вы псы войны, то нечего рассиживаться и блох ловить. Больше камней! Марш на скалы! Скоро будет жарко.

Испуганные люди кинулись работать.

Вскоре после полудня весь каньон уже кишел солдатами. Теперь он будто порос пурпурным клевером. Среди этого «луга» протекали два серебряных журчащих потока, которые соединялись в центре и уходили сквозь узкую горловину. Над толпой солдат, ошетилившихся копьями и наконечниками копий, высились скалы. По склону дальней горы уже подтягивался обоз — мулы с подвешенными с обеих сторон большими круглыми корзинами. Осаждающие организовали наблюдательный пункт на горе прямо напротив плато, откуда разведчики могли посылать сигналы серебряными зеркалами своим предводителям, расположившимся на дне каньона.

— Сколько насчитали? — спросил Конан. Его загоревшее на солнце лицо блестело от пота, когда он подхватил бурдюк и опрокинул себе в глотку, чтобы утолить жажду.

— Семь с лишним тысяч, по последним сообщениям, — сказал Стефани.

— Хм. — Киммериец вылил остатки воды на гриву своих черных волос. — Удивляюсь, почему они не начали свой праздник. Что, ждут, пока

мы им тут спляшем? У меня кое-что припасено, несколько па.

За его спиной несколько солдат подтаскивали катапульту. Они уже клали на нее тяжелый камень. Возвысив голос, Конан начал на них кричать:

— Так, сюда! Ставьте сюда, на каменный приступок! И давайте пошевеливайтесь! Смотрите не придавите себе ноги!

По указанию Конана это орудие было установлено так, чтобы оно смотрело на ближайшую скалу у основания плато, где, вероятнее всего, и была спрятана повозка Агохофа. Несколько поодаль от нее принц и кофийский военачальник чего-то ждали, сидя на лошадях. Они раздавали приказы курьерам и младшим офицерам.

Конан смотрел, как заряжают катапульту.

— Так! Отводите руку дальше, еще ниже, еще ниже! Нам придется бросать камни на максимальное расстояние! Хорошо. И привяжите ее двойным ремнем. Зарядим ее для начала круглым камнем, чтобы проверить, насколько далеко она стреляет.

Наемники последовали этим указаниям.

Ударом меча Конан перерубил ремень, и камень с воем полетел вперед под одобрительные вопли наемников. Но он пролетел совсем небольшое расстояние. Он упал, разбившись среди обломков скал, у нижнего склона плато. Атакующие даже не заметили его. Затем они швырнули

горящий шар, но и он улетел не дальше. Ярко мелькнув в воздухе, он бесследно канул за утесом. Еще несколько попыток были такими же тщетными и бесполезными.

— Здесь от этой штуки пользы мало! — махнул Конан наемникам. — Давайте-ка оттаскивайте ее назад, к проходу, там от нее будет больше толку. Давайте пошевеливайтесь!

Он встал на краю утеса, задумчиво созерцая разворачивающуюся внизу картину и поглаживая подбородок.

— Там их не достанут наши луки.

— Черт возьми, жаль, очень жаль, — добавила Друзандра. — Потому что вон там, внизу, бродит живьем самая главная наша цель.

Действительно, из черной, как ночная тьма, повозки медленно показалась одетая в темное фигура. Тонкий, высокий, неуклюжий на вид, отбрасывающий черную тень на скалы... Ни у кого не возникло никаких сомнений. Агохоф! Он медленно двинулся прочь от повозки. Возле него семенили слуги, однако держась на почтительном расстоянии. Верховые офицеры тронули коней и двинулись ему навстречу.

Однако Конану показалось, что он замечает нечто странное в облике колдуна. В его движениях появилась некая скованность, что ли. Подняв руку к глазам, чтобы лучше видеть, Конан всматривался что было мочи, а затем против воли изрыгнул ругательство.

— Маннанан! — Глаза его широко распахнулись от ужаса. — Моя стрела все еще торчит в его теле!

И действительно, древко стрелы, если внимательно присмотреться, торчало в теле колдуна, засев между затылком и лопатками. Самые остроглазые из воинов могли бы подтвердить слова Конана. Солнце блестело на наконечнике ярко выкрашенного древка стрелы, который вышел с обратной стороны и высывался под ключицей.

И однако же, несмотря на то что рана эта была смертельной, Агохоф не придавал ей особого значения. Он стоял слегка скрючившись и, резко подергивая руками, оживленно препирался с принцем. Затем таким же резким движением он послал несколько всадников вперед.

— Что они делают? — спросила Друзандра. Она отвернулась от жуткой фигуры колдуна. — Они тащат сюда, к передней линии, обоз. Зачем?

Так оно и было. Мулы, нагруженные корзинами, спустились с холма. Погонщики переводили их через поток. Колдун послал им на помощь несколько человек из охраны обоза. Теперь же чародей знаком указал, чтобы очистили широкое пространство перед его повозкой. Туда и стали сгонять мулов.

Под наблюдением Ивора и Агохофа корзины были сняты со спин мулов и перевернуты вверх дном. То, что там лежало, вывалилось на землю

со звоном, который был слышен даже здесь, на вершине скалы. Это были туранские мечи, которые прислал Ивору король Илдиз, дабы помочь его восстанию.

— Кром и Митра! — пробормотал Конан себе под нос. — Он собирается снова выпустить на волю «Дервиша-Меча»!

— Что это такое? — спросил Виллеза с беспокойством. — Он что, собирается создать летающих призраков, которые будут размахивать этими мечами?

— Хуже! — отозвался Стефани. — Этот «Дервиш-Меч» куда страшнее, чем любой...

Конан прервал его:

— Виллеза, дело обстоит так. Если Агохоф не утратил своей силы и если мы не найдем какого-нибудь способа остановить его, эти лезвия оживут и через несколько минут протанцуют по нашим кишкам. — Он обернулся к Зено, который только что подошел. — Скажи конюхам, чтобы оседлали всех лошадей на случай, если я прикажу уходить.

Лейтенант заколебался:

— Но какая нам выгода оставлять эту позицию?

— Если, как я того боюсь, колдун сумеет очистить это плато, немедленное бегство — наш единственный шанс. Делай, что я сказал.

После того как Зено кинулся исполнять приказ, киммериец оглядел всех стоящих вокруг.

— Но прежде мы должны использовать все, что только есть в распоряжении простых смертных. Мне нужны арбалет, колчан и длинная веревка.

Один из наемников убежал отыскивать все необходимое. Тем временем колдун продолжал свои приготовления. Когда последняя из корзин была опустошена, а гора мечей выросла уже в рост человека, Агохоф встал перед ней. Кофийский писец вышел вперед, развернув перед ним свиток.

Затем волшебник принялся за свои странные пассы, которые проделывал одной рукой. Голос, произносящий заклинания, был не слышен здесь, на вершине плато. Но солдаты обеих армий, казалось, понимали: предстоит нечто неслыханное. В каньоне все замерли. Воцарилась мертвая тишина. На плато тоже не шевелилось ни души. И пение птиц, доносящееся из кустарника, стало вдруг очень громким.

Тишина легла на древние камни, на обрывы и скалы. Она колыхалась, подобно знойному мавеву.

Тем временем подбежали двое наемников. Они принесли Конану свернутую кольцами длинную веревку. Конан обвязал ее вокруг куста, второй конец обмотал вокруг груди.

— Когда я начну спускаться, отпустите ее почти на всю длину, а потом хорошенько держите. И охраняйте ее как следует. — Он бросил

недоверчивый взгляд на Виллезу, который полностью был поглощен зрелищем, разворачивающимся внизу.

— Что ты собираешься сделать? — Друзандра смотрела на него со страхом в голубых глазах. — Что, неужели еще есть надежда?

— Отсюда, сверху, нам врага не достать. Я хочу спуститься пониже, чтобы сократить дистанцию. Интересно, сколько еще смертоносных стрел может носить в своем теле Агохоф? Или Ивор? Или, возможно, этот, со свитком. По крайней мере, это отвлечет их.

Подбежала Аризель в своей черной одежде. Она принесла тяжелый арбалет и колчан и подала их Конану. Принимая это, он почувствовал, что она ободряюще сжала его руку своей маленькой твердой рукой.

Удивленный, он заглянул в ее всегда печальные темные глаза. Он не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь до сих пор она смотрела ему в глаза.

Она молча отвернулась. Конан перекинул колчан через плечо и начал спускаться. Он старался не думать о судьбе того бедолаги, который опускался этим же путем на скалы и спятил.

Он шел вперед спиной, упираясь ногами в скалу и держась руками за веревку. Наемники понемногу стравливали веревку, опуская своего предводителя все ниже.

И вот тихий звон донесся до его ушей. Он бросил взгляд через плечо. Внизу был небольшой выступ, поэтому он ничего не увидел. Наконец Конан перевалил через этот выступ и снова увидел Агохофа. Тот стоял перед свитком и странно жестикулировал. Все его тело содрогалось. Видно было, что он затрачивает очень много сил.

На первый взгляд вся эта сцена выглядела исключительно странной. Даже забавной. Нескладный, раненый колдун тщетно пытается вылепить из пустого воздуха чудовищных монстров. Не доводись Конану видеть результаты подобных действий, он бы, наверное, громко рассмеялся.

У Конана тошнотно засосало в животе. Никогда прежде он не реагировал так на головокружительную высоту. Киммериец увидел кучу металла, над которой колдовал Агохоф. Куча зашевелилась. Подобно оживающему труп, она приподнялась вверх. С тяжелым лязгом подскакивала сталь, и громкое эхо вторило ей в горах.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ЗЛО ВО ПЛОТИ

Начиная с этого момента Конан не мог больше не замечать нарастающего шума и движения колдовского демона, постепенно обретающего форму. Однако он не мог позволить себе отвлекаться, поскольку спуск был очень опасен. Веревка непрерывно стравливалась, а утес становился все более отвесным. Ему нужно было хорошенько смотреть, куда он ставит ногу, чтобы, несмотря на страховку, не потерять равновесия.

Обогнув выступ, он повис над пропастью и стал беспомощно поворачиваться на веревке. Спустя несколько секунд он снова нашел опору для ног, но эти секунды показались ему бесконечными. Конан спустился еще ниже. И снова увидел выступ. Он надеялся, что невидимые помощники, прятавшиеся там, наверху, сейчас закрепят веревку. Но этого не произошло. Когда он добрался до выступа, веревка уже провисала. Ему пришлось натянуть ее руками, чтобы остановить спуск.

Сделав это, он крепко обвязал себя за поясницу, свесив свободную петлю болтаться сбоку. Теперь веревка была туго натянута. Он также

обрел устойчивую опору, однако опора эта была все же не настолько надежной, чтобы доверить ей весь немалый вес тела без страховки. Конан уперся прочнее в скалу ногами и снял с плеча арбалет. Он начал натягивать тетиву, отклонившись назад, чтобы лучше видеть дно каньона, сейчас наполовину скрытое выступом.

Противник был теперь намного ближе. Конан находился сейчас на середине скалы, образующей выступ плато. Теперь центр атакующей армии был ему виден сбоку. Он ничуть не сомневался, что многие видели его спуск. Однако Конан по-прежнему находился вне досягаемости вражеских луков, если только лучники не осмелились подобраться поближе и не залезли на скалы. Но эта опасность не шла ни в какое сравнение с той, что разворачивалась внизу. Там творилось нечто ужасное.

«Дервиш-Меч» неимоверно вырос. Сейчас он представлял собой сверкающую воронку десяти шагов в ширину и тридцати шагов в высоту. Он конусообразно сужался к вершине. Там мерцали и переливались радугой сверкающие клинки. Агохоф дико приплясывал, желая наслать это чудовище на утес. Он совершал резкие дугообразные движения, лихорадочно раскачиваясь всем телом. Его черное одеяние развевалось, точно повторяя движения «Дервиша», который был уже выше утесов. По мере того как «Дервиш» продвигался вперед, его основание продол-

жало расти. Его вершина смотрела прямо в небо, будто струя фонтана.

Что затрудняло Агохофу управление этим гигантским «Дервишем»? Трудная пересеченная местность или рана, нанесенная колдуну? Вместо того чтобы скользить вперед с тихим позвякиванием стали о сталь, демон громко ревел и скрежетал. Он врезался сталью в утес, рассыпал целый дождь искр и нарушал древнюю тишину каньона. Сама скала, по которой он двигался, казалась обожженной и голой. Ветер поднимал завесу пыли и осколков, завивая их в маленькие смерчи. Конана пот прошиб, когда он подумал о том, какая паника царит сейчас на плато, среди суеверных наемников и испуганных мятежников. Извернувшись, подобно танцору в тяжелых юбках, стальной смерч уже одолел подножие плато и был на полпути к выступу, где находился Конан. Конан лихорадочно зарядил арбалет. Он боялся, что Агохоф заметит его и отправит смерч поглотить его. Но колдун, как и все остальные, был прикован взором к стальному урагану, который, закручиваясь спиралью, брел вверх по склону. Слух всех присутствующих был заполнен чудовищным звоном. Конан постарался прицелиться поточнее...

Там, внизу, рядом стояли Ивор и Агохоф — две заманчивые цели.

Но вот новый звук ворвался в оглушительный звон танцующих мечей. Это было низкое

рычание и скрежетание. Конан с трудом сообразил, что это такое. Камни задрожали под его ногами.

Дрожь стремительно нарастала, превращаясь в землетрясение. Конан широко расставил ноги и заплясал на утесе, стремясь сохранить равновесие. Веревка натянулась и дернулась вверх, так что петля туго врезалась ему в живот. А глухой гул становился все громче, пока наконец не утонул в грохоте падающих скал.

Огромные камни начали сыпаться с края утеса. Некоторые ударялись в скалу около Конана. Летели, кувyrкаясь, тела падающих с высоты защитников утеса. Стало трудно дышать — в воздухе клубилась пыль. Затем волна мелких осколков осыпала Конана, застучав по его шлему и поднятым рукам и почти ослепив его пылью и песком. Конан протер саднящие глаза. Он уже привык к непрерывному гулу землетрясения и пронзительным крикам раненых, доносившимся снизу, из каньона. Землетрясение стало слабее. Конан никогда еще не был свидетелем такого долгого землетрясения. Внезапно он понял, что арбалета в руках у него нет — выпал из рук во время схода лавины.

Теперь он болтался на качающейся скале. Опираясь на трясущийся утес, он глянул вниз сквозь завесу пыли и увидел, что огромные скалы обрушились на осаждающих, раздавив и искалечив многих.

Хотя самое худшее, казалось, было уже позади, крики в долине становились все громче. И причиной этому было уже не землетрясение. Исполненные паники, кофиты смотрели расширенными от ужаса глазами на переднюю часть плато. Конан видел, как многие королевские солдаты бегут прочь.

Конан устоял на подножие обрыва. От «Дервиша-Меча» не осталось и следа. Точнее, нет, след был — тут и там посверкивали валяющиеся на земле туранские мечи. Агохоф стоял, застыв в странной позе, возле раздавленной повозки. Рядом с ним замер Ивор. Конан не видел, что именно так привлекло их взоры, — выступ скалы и пыльная завеса скрывали от него картину.

Затем варвар почувствовал, как скала снова затряслась у него под ногами. Нечто огромное, серое выходило из скалы. Длинное, похожее на змею, с грубой поблескивающей чешуей. Это существо избрало своей целью колдуна. Точность его движений была поистине удивительной для столь гигантской твари. С быстротой молнии оно метнулось к нему, тяжелое, как молот, обхватило его и потащило назад, к обрыву. Только истощенный вопль Агохофа еще звенел в воздухе; сам же колдун мгновенно исчез.

И вновь заколебалась земля, когда существо вновь нанесло удар. На этот раз оно схватило трех пытавшихся убежать кофитов и мула. И снова поволокло свою добычу в утес. Ивор

увернулся от щупальца, которое протянулось было к нему, и опрометью бросился бежать.

Что это было? Что это за чудовище из предвечных времен? С трудом держась на скале, Конан вытянул шею изо всех сил, пытаясь заглянуть за выступ утеса.

Он услышал резкий стук камня о камень. Бросив взгляд вверх, он не поверил своим глазам.

В скальной пещерке прямо над ним моргал гигантский живой глаз, яркий и сверкающий, хотя и подернутый бледной пеленой невероятной древности. Его взгляд скользил по дну каньона, выискивая человеческую жертву. Тем временем из невидимой пасти, распахнутой далеко внизу, снова высунулось нечто змеевидное. Конан понял, что это язык чудовища, который слизывал все новые и новые жертвы.

Конан смотрел на эту картину, охваченный первобытным ужасом. Массивное, окаймленное скалой веко закрылось. И вновь открылось. Рептилия моргала.

Вибрирующая веревка, которая удерживала Конана, свисала прямо перед чудовищным глазом. Внезапно она отвязалась от куста. Варвар пролетел вниз по утесу и удержался как раз на самой кромке следующего выступа. От резкого рывка развязался узел на его поясе, так что он пролетел, падая, еще некоторое расстояние. Наконец он сумел остановить падение. Здесь он не мог видеть чудовищное око. Веревка раскачива-

лась, как безумная, то ударяя его об утес, то отбрасывая в сторону. И вот Конан, болтаясь взад-вперед, уловил нечто, что заставило его сердце болезненно сжаться. Зазубренный каменный хребет двигался вместе с плато. Казалось, шевелятся голова и бок огромного животного. Склон, по которому пробирались некогда люди, оказался на самом деле гигантской лапой с когтями, которая теперь лежала посреди разбегающейся кофийской кавалерии.

В то время как веревка окончательно отвязалась и Конан полетел вниз, ему открылись истинные размеры монстра, начиная с его каменной морды, широкой чешуйчатой головы с двумя светлыми рогами (наемники предполагали, что это дольмены!), с чешуей (которая напоминала скалы). Горная гряда была на самом деле боками с выпирающими ребрами. Чудовищная туша лежала наполовину погребенная в земле. Хвоста твари не было видно — он терялся в камнях, уходя в сторону Кофийских гор.

Но вот Конан рухнул на дно ущелья, и все мысли мгновенно вылетели у него из головы.

Он не долго лежал в бессознательном состоянии. Чувство опасности привело его в себя. Ему казалось, что его сжимает в кольцах гигантская змея. Но это была всего лишь веревка, туго обвившаяся вокруг него во время падения.

Весь исцарапанный, избитый, он освободился от нее и начал выбираться из кучи щебня и

кустов, которые сыпались на него, пока он падал.

Освобождаясь от многочисленных узлов кинжалом, преодолевая боль, он почувствовал вдруг внезапный страх. Плато у него за спиной могло надвинуться и раздавить его. Затем он ощутил, что дрожание земли прекратилось. Разве что шорох и грохот осыпающихся камней нарушал тишину. Бросив взгляд на обрыв, он тщетно пытался увидеть вновь очертания гигантского ящера. Трудно было теперь разглядеть в этом неподвижном плато живое существо или разглядеть очертания морды чудовища.

Каменный монстр снова погрузился в свой вековечный сон. Обеспокоенный в своей длящейся веками спячке жалкими потугами колдуна из рода людей, древний ящер наполовину проснулся и шевельнулся, подобно тому как корова в полусне хлещет хвостом, пытаясь поразить надоевшего ей овода. А затем чудовище снова смежило веки. Его очертания скрывались теперь за обломками, так что трудно было даже поверить, что все случившееся не пригрезилось. И это странным образом успокоило Конана. И все же... движение спящего монстра, живой глаз в скале — все это он видел своими глазами, не так ли?

Киммериец перевел взгляд на дно каньона, которое было усеяно сотнями трупов кофийских солдат. Трудно было счесть убитых. Многие погребены под упавшими скалами. Однако Конан

отчетливо видел красные ручейки, вытекавшие из-под некоторых упавших камней.

Обезумевшие люди и потерявшие всадников кони бесцельно бегали по каньону. Те, кто кое-как сохранил хладнокровие, собирались вместе и переправлялись через поток. Сейчас они с трудом поднимались по дороге наверх, уходя в горы. Другие, вероятно, отправились по каньону к селению харангийцев. В настоящий момент казалось, по крайней мере, что в рядах кофийской армии царит полный хаос.

Конан заметил своих наемников, которые потянулись с плато вниз по ноге замершего чудовища. Эта лапа теперь была вытянута в другую сторону. Она подходила почти к самому потоку. Вскоре спускающиеся вниз наемники встретятся с остатками кофийского войска.

Бросив последний недоверчивый взгляд на каменный обрыв, высящийся за ним, Конан побежал вниз по склону. Он перепрыгивал с утеса на утес. Все увереннее двигался он вперед по мере того, как боль падения постепенно отпускала. Камни иной раз шатались под его весом. Но большинство упавших скал были столь массивны, что тяжесть тела варвара для них ничего не значила.

Довольно долго шел так Конан, пока в промежутках между скалами не увидел гальку, а затем и почву, поросшую травой и маленькими цветочками. Наконец он оказался снова на дне

усеянного каменными обломками каньона. Повсюду лежали мертвые люди и кони. От пролитой крови было красно.

Первые всадники уже спустились с плато на дно утеса. Оказавшись на более ровной местности, они стали прищипоривать коней. Эта скорость могла стать самоубийственной. Конан узнал несущегося впереди — Виллеза. Толстый зингарец плотно сидел в седле. Седельные сумки были битком набиты добычей.

Капитан был во власти паники. Он гнал вперед своего скакуна, даже не оглядываясь на несущихся за его спиной солдат. Виллеза уже наступал на пятки дюжины пеших кофитов, которые бежали по берегу реки вверх и вниз по течению.

Но даже деморализованные и рассеянные, кофиты все еще были опасны. С воплями они повернули к Виллезе и остановили его коня, вцепившись в поводья и седельные сумки. Несомненно, каждый из них стремился завладеть животным, чтобы убежать самому. Они стащили всадника наземь. Виллеза яростно отбивался своим моргенштерном, размахивая им по сторонам, но скоро исчез под навалившимися на него телами.

Конан обнажил меч и побежал к свалке. Но окровавленные клинки кофитов без слов сказали ему, что слишком поздно. Двое всадников, следовавшие за зингарцем, остановили коней, бес-

помощно наблюдая за тем, как убивают их командира.

Конан повернулся и побежал наперерез остальным мчащимся в панике наемникам. Те стремительно спускались вниз по тропе на дно каньона.

— Вольные наемники! Не бегите! — Конан кричал, размахивая над головой мечом. — Это наш день! Навалимся и уничтожим этих кофитов!

Наемники понесли далеко не такие сильные потери и были не так изранены и напуганы, как их враги. Сперва они было не узнали Конана, но затем поднялся ликующий крик. Бегство мгновенно превратилось в атаку. Они понеслись вперед и обрушились на кофитов. Все больше и больше наемников спускалось со склона и присоединялось к атаке. Кофиты бросали оружие и умоляли о пощаде. Другие же били куда ни попадя, лишь бы вырваться и убежать.

Вдалеке раздался жуткий боевой клич, эхом повторенный всеми горами. Друзандра, которая как раз приблизилась к Конану, крикнула:

— Это харангийцы!

Действительно, дикие ловкие всадники окружали кофийских беглецов. Свирепые горцы неслись массой по верхним тропам. Еще одна орда этих разбойников устремилась с другого конца ущелья и принялась беспощадно избивать все, что только было одето в пурпур.

Доскакав до потока, они предусмотрительно отвернулись от плато, развернули своих коней и умчались прочь.

— Они возвращаются из набега, — сказала Друзандра. — Жаль мне тех кофитян, которые пытаются уйти в горы.

— Да, но мы-то по крайней мере сейчас в безопасности. Они нас не тронут, пока мы находимся на этой страшной для них земле. — Конан повернулся к Друзандре, но ее уже не было рядом. Воительница устремилась к Ариэль, туда, где мечи звенели на скалах каньона. Киммериец узнал Ариэль по черной одежде и ловким, танцующим выпадам. Эта хрупкая женщина с ее небольшим ростом отважно сражалась против крепкого мужчины в серой форме. Ей приходилось довольно туго, хотя умение владеть мечом и ловкость отчасти уравнивали ее с противником. Этот лысый толстяк в сером сражался с дикой свирепостью. Именно это и привлекло внимание Конана.

Затем вдруг его пронзила мысль. Он узнал этого человека. Ивор! Принц сражался так, что Конан был удивлен. Он и не подозревал, что этот аристократ умеет так владеть мечом. Он вертел его будто легкую тросточку.

Ариэль сделала выпад и оцарапала руку принца. Но тот, казалось, даже не заметил этого. В тот же момент он шагнул вперед и со звоном обрушил меч на ее шлем. Когда она оступилась,

он снова занес меч и вонзил клинок ей в живот без всякого сострадания.

Не останавливаясь, он сбросил ее агонизирующее тело ударом ноги, чтобы высвободить меч. Легкое тело Ариэль упало прямо на Друзандру. Та бежала ей на выручку. Придавленная телом подруги, Друзандра рухнула на землю.

Конан с ревом набросился на принца:

— Предатель! Колдовская подстилка! Иди же сюда, срань Кромова, выродец преисподней! Хейя!

Голос Конана обрушился на врага точно удар молота.

— Клянусь мрачным владыкой могил! Я изрублю тебя, как убил твоего папашу-демона! Ты, убийца невинных людей!..

Конан оборвал поток проклятий, ибо все они пропадали втуне. Принц попросту не слышал их. Бледные глаза под копной слипшихся каштановых волос были мертвы. Ивор сражался упрямо, достаточно умело, чтобы начать теснить киммерийца, отгоняя его назад. Но казалось, принц плохо соображает, что делает. Его рассудок был поврежден после всего увиденного. Каждый шаг принца, каждый его удар — все это имело единственную цель: уйти как можно дальше от плато. Конан понял это в каком-то озарении.

Чтобы проверить свое предположение, Конан отступил в сторону. Ивор тут же опустил свой

меч и двинулся вперед, как будто вовсе не замечал варвара. Конан пропустил его вперед и, широко размахнувшись, нанес могучий удар. Меч со свистом рассек воздух и сорвал голову принца с плеч. Та глухо ударилась о землю и покатилась, орошая ее кровью. Обезглавленное тело упало и забилося рядом.

— Он был безумен, — сказал киммериец. Он обошел труп, содрогаясь.

— Да, многие из них обезумели от страха, но чего они так боялись? — Это спросил старый Горус, который подошел поближе и все видел. — Кофит скорее бросится на собственный меч, чем вернется сюда еще раз. Кто-то из них вопил о чудовищном ящере. Я ничего такого не видел. А ты?

Глаза покрытого шрамами старого воина испытующе смотрели на Конана. Но в лице киммерийца старик не прочел никакого ответа.

— Ничего не скажешь, жуткое землетрясение. Но я не могу понять, с чего они так перепугались.

— Мы взяли много пленных, — сказал Конан и бросил взгляд к реке, где кофийские солдаты беспорядочно топтались на месте, зажатые между вольными наемниками и харангийцами.

— Да, захватили мы многих. И еще больше перебили, — кивнул Горус удовлетворенно. — И у нас есть лошади и припасы. Те, что остались от легиона. Ну, кроме того, что прикарманили

горцы. Полагаю, к их пальцам прилипли также кое-какие побрякушки.

— Наши враги уничтожены... Наши потери невелики... Настоящая победа, не так ли?

Конан вопросительно посмотрел на Друзандру, которая стояла на коленях возле мертвой Ариэль. Две их подруги стояли рядом и тихо плакали.

Друзандра поднялась. Печально покачала она головой.

— Но цена... цена слишком велика, Конан.

Следующий день расцвел золотой зарей. Птицы распевали среди утесов. Для пленных же, напротив, утро было невеселым. Холодную ночь они провели под охраной возле страшного плато, от которого им не позволили убежать. Солдаты вольных наемников и мятежники не боялись плато — ведь они не видели дракона. Поэтому они поднялись на плато Заманас и долго возились там, свертывая палатки и навьючивая груз на лошадей и мулов.

У Конана дел было по горло. Он переходил от одной группы наемников к другой. Одних хвалил, других распекал, улаживал возникающие споры. Влезая на своего боевого скакуна, он сказал Стефани:

— Все люди согласились ехать со мной. Их бывшие командиры мертвы. Других перспектив у них нет. А у меня большие планы. — Киммериец махнул рукой, указывая на горы на

горизонте, от которых протянулись длинные тени в лучах восходящего солнца. — Мы едем на юго-восток. Из приграничных земель Кофа, Шема и Турана выкроим себе небольшое королевство. Мы сумеем объединить мятежных казаков Великих Долин и повести их против местных владык. Скоро я встречу с вождями ханрагийцев и предложу им союз.

Барон сидел в седле. На луке седла лениво развалился дикий кот.

— Я надеюсь, ты проводишь моих мятежников домой, когда мы понесем голову Ивора в Тантизиум. Граждане будут рады-радешеньки приветствовать нас. А вот горцам я не доверяю.

— Так и сделаем. — Киммериец кивнул. — Нам нужно еще взять денежки, которые ты нам задолжал.

Барон сухо улыбнулся:

— Действительно. А я-то почти позабыл об этом. Должно быть, что-нибудь еще затерялось в сокровищницах принца.

— Я знаю, что услуги Конана обходятся недорого. И не надейтесь, что командиры проделывают. — Друзандра подошла к барону и положила руку ему на колено. — Кстати, Конан, можешь не требовать денег для моего отряда. — Она обратила к солнцу свое загорелое лицо. — Мы останемся со Стефани в Тантизиуме. Он предложил нам охранять дворец.

Конан удивленно перевел взгляд с Друзандры на ее подруг, седлавших по соседству коней.

— А почему бы вам не пойти со мной на юг? Вы могли бы помочь нам создать сильное королевство, которое бы граничило с владениями Стефани.

Друзандра покачала головой:

— Из всех нас, Конан, возможно, только Ариэль пошла бы с тобой. Но ее больше нет. — Она вздохнула. — Возможно, в своей основе я просто женщина и ничего более. Нам больше по душе нянчиться с больным королевством и выхаживать его, чем захватывать новое.

Конан пожал плечами, надеясь, что на его лице никак не отразилась странная ноющая боль в груди.

— Мне будет не хватать твоей палатки, Друзандра. Там я чувствовал себя больше дома, чем в своей собственной.

Она посмотрела на Стефани. Тот наклонился в седле и растрепал ее белокурые волосы. Тогда воительница улыбнулась Конану:

— Я тоже часто буду думать об этом времени. Но я надеюсь, что во дворце барона буду чувствовать себя больше дома, чем у себя в палатке.

Зено подскакал к ним и прервал молчание, установившееся было между тремя собеседниками:

— Конан, люди готовы. Я отдал приказ выступать.

Киммериец оглядел всадников на плато. Там были Бильхоат, Павло, другие лейтенанты. Они махали ему руками, показывая, что готовы. Радость жизни охватила его. Он выхватил меч из ножен и взмахнул им над головой.

— Вперед, псы войны! За мной, к богатству и славе! — Он подмигнул Зено. — Зачем нам вечно оставаться маленькими воришками и мелкими поганцами? В этом мире крупные негодяи и большие воры становятся королями!

Под громкие ликующие вопли Конан прищипнул своего боевого жеребца и помчался вперед.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. ИСПЫТАНИЕ МЕЧОМ	5
Глава вторая. ЛЕВАЯ РУКА ГУНДОЛЬФА	20
Глава третья. ПОСЛАНИЕ ЧЕРНОЙ МАГИИ	31
Глава четвертая. РАЗОРВАННЫЙ РАССВЕТ	48
Глава пятая. СТАРЫЕ СЧЕТЫ	59
Глава шестая. СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЖДЬ	67
Глава седьмая. ПРАЗДНЕСТВО	76
Глава восьмая. ЗАГОВОРЩИКИ	86
Глава девятая. КОНАН-ЛЕЙТЕНАНТ	103
Глава десятая. ПАЛАТКА БЛАГОВОНИЙ	119
Глава одиннадцатая. МЕЧИ В ТЕМНОТЕ	132
Глава двенадцатая. НЕПРОШЕННЫЕ ЗРИТЕЛИ	154
Глава тринадцатая. ПОДЗЕМЕЛЬЯ	161
Глава четырнадцатая. ПЛЕННИК	167
Глава пятнадцатая. СМЕРТЬ КРАДЕТСЯ В ЛУННОМ СВЕТЕ	193
Глава шестнадцатая. ВОЕННЫЙ СОВЕТ	213
Глава семнадцатая. В ГОРАХ	236
Глава восемнадцатая. ВОССОЕДИНЕНИЕ	245
Глава девятнадцатая. ГОРНЫЕ ВОЛКИ	265
Глава двадцатая. ПЛАТО ЗАМАНАС	282
Глава двадцать первая. ГОРНЫЕ РАЗБОЙНИКИ	294
Глава двадцать вторая. НОЧНЫЕ ВСАДНИКИ	303
Глава двадцать третья. ШТУРМ ГОРОДА	316
Глава двадцать четвертая. ОХОТНИКИ В ЛОВУШКЕ	342
Глава двадцать пятая. ЗЛО ВО ПЛОТИ	359

Литературно-художественное
издание

Леонард Карпентер

КОНАН ИЗМЕННИК

*Перевод с английского
Елены Федотовой*

Разработка карты
Сергей Троицкий

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
*Ольга Карпеева
Елена Шнитникова*

Верстка
Дмитрий Положенцев

Лицензия ЛР № 030129 от 02.10.91.

Подписано в печать с оригинал-макета 20.07.95.

Формат издания 70×100¹/₃₂. Печать высокая. Гарнитура Таймс.

Тираж 30 000. Усл. печ. л. 15,5. Изд. № 38. Заказ № 1311.

Издательство «Азбука».

198013, Санкт-Петербург, а/я 226.

Отпечатано с оригинал-макета

в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Карпентер Л.
К26 Конан Изменник: Роман/Пер. с англ. Е. Федотовой. — СПб.: «Терра» — «Азбука», 1995. — 384 с.

ISBN 5-300-00038-8

Принц Ивор поднимает мятеж против могущественного короля. Однако королю удастся заключить с Ивором сделку, и колесо мятежа завертелось в обратную сторону. Теперь среди врагов принца оказался Конан из Киммерии...

**ВСТАНЬ
РЯДОМ С ГЕРОЕМ**

**ВСТУПАЙ
В КОНАН-КЛУБ**

В издательстве "АЗБУКА" вышли следующие книги о приключениях Конана:

1. Конан идет по следу.
2. Конан против Звездного Братства.
3. Конан и Секира Света*.
4. Конан Разрушитель.
5. Конан и Осквернители Праха.
6. Конан и Живой ветер**.
7. **Конан Изменник.**

В ближайшее время выйдут:

8. Конан и сокровища Пифона.
9. Конан и сердце Хаоса.
10. Конан в цитадели Мрака.
11. Конан Гладиатор.
12. Конан и огненный зверь.

Книги, помеченные звездочкой, анонсировались под рабочими названиями:

* Конан и Небесная Секира.

** Конан и Боги гор.

Издательство "АЗБУКА" приглашает всех любителей героической фантастики в

КОНАН-КЛУБ

Конан-клуб — это некоммерческий проект, целью которого является популяризация сериала.

Членство в клубе дает возможность покупать книги о Конане без торговой наценки в клубных магазинах в Петербурге и Москве.

Только членам клуба будут рассылаться бесплатные каталоги, а в дальнейшем — специальный клубный журнал.

Чтобы получить подробную информацию о **КОНАН-КЛУБЕ**, заполните анкету и пришлите ее по адресу: 198013, Санкт-Петербург, а/я 226.
КОНАН-КЛУБ издательства "АЗБУКА"

АНКЕТА

Да, я хочу стать членом **КОНАН-КЛУБА**.

Меня зовут

Я проживаю по адресу:

Пришлите мне подробную информацию о правах и обязанностях членов **КОНАН-КЛУБА**.

Дата

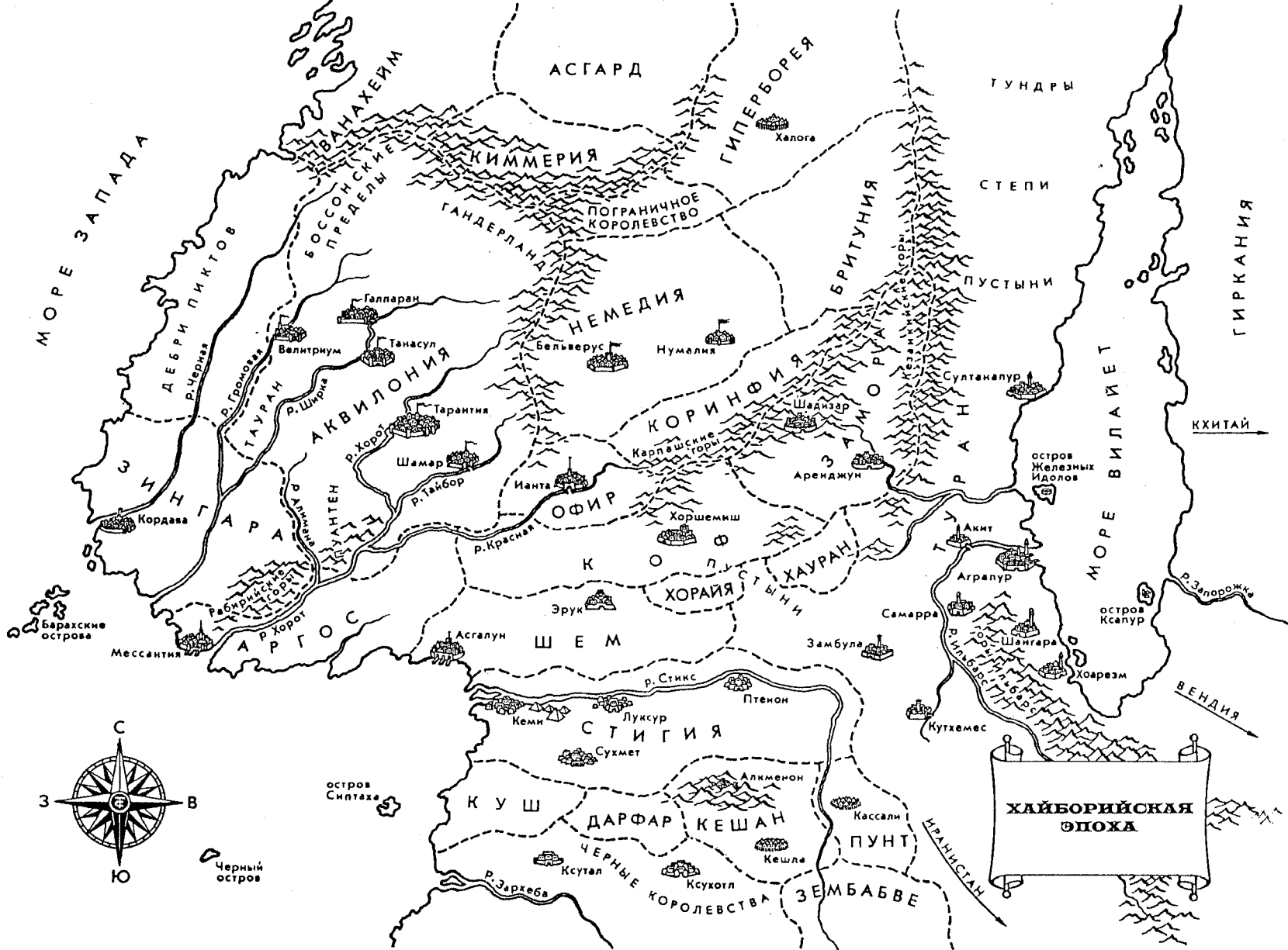
Подпись

По вопросам
оптовых закупок
этой и других книг
из сериала
о варваре по имени

КОНАН

обращайтесь по телефону:
(812) 291-29-26
или по адресу:
СПб., ул. Гастелло, 9.
АОЗТ "МУХОМОР"

CONAN

Он был вором, пиратом, наемником,
он грабил могилы в Шеме и угонял
туранские табуны, но
никогда он не был предателем.

Судьба не раз бросала его на самое дно жизни,
но никогда прежде он не падал столь низко.

Он продал свой меч тому, кто больше
заплатил, и, сам того не ведая,
оказался в центре подлой интриги.

И когда вокруг стало некому доверять и
женщина королевских кровей,
что любила его, послала на верную смерть,
Конан впервые в жизни совершил поступок,
после которого всякий осмелившийся мог бы
крикнуть варвару вслед:

КОНАН

ИЗМЕННИК